

47
LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- Брак и Евхаристия.
- О Библии.
- О церковном делании.
- Анна Ахматова : неизданная.
- О «Словах» Ж. П. Сартра.
- Голоса из России.
- Преосв. Мануил Лемешевский.

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 93

TRIMESTRIEL

III. 1969

LE MESSENGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, Н. А. Струве.Америка: Архиеп. Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. РаевскаяСекретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.
91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

ВЕСТНИК Р.С.Х.Д.

Подписная плата на год: 20 Фр.

С целью поддержки 30 Фр.

Abonnement annuel : 20 F

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый
счет РСХД:С.С.Р. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 20 F. Prix du numéro: 5 F.

Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.От Редакции

Здесь и там

(Отклик на открытое письмо в Редакцию Вестника (1).)

Трудно сегодня писать на злободневные темы, не начав с упоминания о том, что человек достиг и покорил себе луну. Как бы ни относиться к материальной культуре, нельзя не признать за этим событием большого значения. Слишком легко отмахнуться от него, сказав: к чему?, как наивно было бы предаться горделивому восторгу... Покорение луны усугубило изначальное противоречие «мыслящего тростника», то «величие», то «ничету человека», которые выявил в своих замечательных размышлениях Блез Паскаль.

Человек достиг луны, но... он все так же смертен, подвержен болезни, зло так же сильно в мире и т. д. — это чувствовал каждый, кто с искренним восхищением следил за космическим подвигом завоевателей луны.

Но среди бедствий, которые наперебой перечислялись в эти дни, мало кто упомянул о самом, пожалуй, страшном бедствии нашего времени, об угасании и, главное, об угашении духа во многих странах земного шара. Что на Западе, под двойным действием материального благополучия и позитивистических воззрений, происходит медленное угасание духа, этот факт общепризнан, хотя он нуждался бы в тщательном анализе и толковании. Скажем только, что это угасание, протекая в условиях полной свободы, далеко не повсеместно и не равномерно. Недавняя анкета, проведенная среди французской молодежи, показала, что вера в Бога возрастает, хотя посещение церквей продолжает снижаться. За западным человеком все еще стоит и долго еще будет стоять великая гуманистическая культура, пропитанная христианским духом, хотя и оторванная от него. Революционеры сегодняшнего дня потому и направили свои стрелы на культуру, что прекрасно поняли ее определяющее значение для Запада. Но если процесс угасания духа происходит и на Западе, то тем более мы должны возвысить голос против сознательного его угашения и удушения на Востоке, в коммунистических странах от Дуная

(1) См. Вестник, № 89-90, стр. 1.

БИБЛИОТЕКА-ФСНД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ ГАДИШЕВСКАЯ 2 1

4008251

до Амура и Янцзы. Страшно подумать, что с этим насильственным угашением, с этим безжалостным калечением человека — общественное мнение спокойно уживается.

Недавно полученное из России открытое письмо Редакции ВЕСТНИКА снова напомнило нам о самом главном, о духовном обнищании человека в условиях полного отсутствия свободы (1). Письмо это произвело большое впечатление на читателей. Оно было перепечатано в ряде газет и журналов, переведено на многие языки. На страницах Вестника прот. Александр Шмеман просто и ярко выразил те чувства радости, надежды, благодарности, которые вызвало это послание (2). Мы хотели бы продолжить начатый ответ и попытаться наметить важнейшие задачи, стоящие перед Вестником, в свете тех духовных, умственных и политических событий, которые происходят здесь и там, на Западе и в России.

Православные на Западе издавна могут показаться жалкими, разделенными, живущими вне истории, замкнутыми в себе, беспомощными и бездеятельными. Как всякое искажение, это представление содержит в себе долю истины. Правда, что православные не многочисленны, что, вдобавок, они разделены на враждующие юрисдикции, что сохранение своей специфичности толкает их на некоторую замкнутость. Однако эти теневые стороны не следует преувеличивать. Религиозное меньшинство играет часто роль, несоразмерную с его количественным составом. Юрисдикционные разделения несомненно ослабляют действенность православных, но существенного, вероисповедного единства не нарушают. Замкнутость в себе есть необходимая предпосылка и действительности. Православные на Западе могут сохраниться, только если останутся целиком православными (пусть даже с излишком!). Более того, только тогда они принесут пользу западному миру, когда будут свидетельствовать о своей «инакости». И это тем более существенно, что западный христианский мир переживает сегодня один из крупнейших кризисов своей истории.

То что казалось неизбежным, то к чему прибегали как к надежному пристанищу, величавое здание римского католицизма заколебалось. Оно не рухнуло и, дай Бог, не рухнет, но в нем появились грозные трещины. Кризис католицизма — может быть самое значительное событие последнего десятилетия. Разобрать-

(1) См. Вестник, № 89-90 стр. 1.

(2) Там же, стр. 3.

ся в этом кризисе не легко, и мы надеемся, что, в будущем, Вестник посвятит этому вопросу ряд статей. Для одних, идет «разложение католичества» (Луи Буйэ), для других — закономерный переход в протестантство, третьи надеются в итоге на положительные результаты (Мориак). Не вдаваясь в подробный анализ кризиса, мы не погрешим против истины, если скажем, что в основе его лежит грех авторитаризма, гипертрофия власти. За последнее время, если верить Гансу Кюнгу, угрожающе возросло недоверие активных мирян и священников по отношению к иерархии. Чтобы предотвратить это пагубное отчуждение, грозящее массовым уходом клириков от церковной деятельности (если не из Церкви), по настоянию видных богословов, кардинал Сюэннс, в мае этого года, выступил с решительным требованием коренной реформы папской курии и римских способов властвования. *Mutatis mutandis*, это выступление напоминает недавнее обращение к Московскому Патриарху архиепископа Ермогена. И тут и там главная задача состоит в том, чтобы спасти честь высшего духовенства. И тут и там акция обречена на неудачу в настоящем, но ей суждено оправдание в будущем.

Корабль католичества, не в первый раз за свою историю, поднял якорь и отплыл сквозь шквал и бурю. К каким берегам пристанет он, еще не ясно.

Корабль православия никуда не отплыл (что может иметь и провиденциальное значение) и никуда отплыть не может: он обезоружен и в плену. Лишь немногие матросы избежали плена, но что могут они вдаль от своего корабля? Православие в плену прежде всего у государства: у государств, воинствующе безбожных и ведущих с ним ожесточенную войну и играющих с церковью, как кошка с мышкой. Но оно также в плену у традиций, возведенных в абсолют, у эстетизма, заменяющего подлинную красоту духа, — страдает исторической закоснелостью. Преодолеть этот соблазн, эту косность, во всеоружии Предания и красоты устремиться к животворящему духу — такова общая задача Православия, которой будет — в меру своих слабых сил — продолжать служить Вестник.

Как не раз писалось в Вестнике, исторически Православие трудно отделимо от России. Единственная современная культура, созданная на почве Православия, русская — мимо этого факта пройти нельзя. Поэтому проблема России — не только ее прошлого, но и ее настоящего и будущего, — не может не занимать центрального места в Вестнике.

А сейчас там, после 50-летнего опустошения и выбривания культуры, началось духовное, умственное и правовое пробуждение. К этим еще потаенным, но уже ощутимым процессам **Вестник** должен относиться с максимальным вниманием.

В этом номере читатели найдут письмо свящ. С. Желудкова по поводу воспоминаний Анатолия Марченко о Мордовских лагерях и отклик А. Краснова-Левитина на арест генерала Григоренко. Мы надеемся, что эти публикации не будут неправильно истолкованы читателями здесь. Печатая их, **Вестник** не нарушает принципиальной установки быть не столько вне, сколько над политикой. Но этими посланиями Церковь, в лице своих членов, участвует в неотложном деле раскрепощения русского человека. Ратовать за освобождение крестьян не значило заниматься политикой, а вытекало из насущной потребности совести. Задача **Вестника** являть правду России. Это задача не политическая, а духовная и нравственная. Истина и правда неотделимы.

Продолжать славную традицию православного богословствования, выявлять богатства русской культуры, изучать пристально религиозные и умственные движения на Западе, следить со вниманием за духовным возрождением в России и, по возможности, ему способствовать — таковы, при самом беглом обзоре, исполинские задачи, стоящие перед **Вестником**.

Самое частичное и несовершенное выполнение этих задач возможно только при общем усилии всех членов и друзей Движения, и даже шире, — всех тех, кто сочувствует вышеизложенной программе. Мы настоятельно обращаемся к друзьям бывшим, настоящим и будущим с просьбой о помощи. Нам нужны статьи, обзоры, рецензии. Нам нужны переводчики с иностранных языков на русский. Нам нужна и материальная помощь. Пусть каждый верный подписчик **Вестника** поставит себе задачей приобрести хотя бы еще одного подписчика. Но и этого будет недостаточно: нужна щедрая помощь тех, кто, имея избыток средств, хочет материально послужить Церкви и России.

Только при согласованном усилии всех здесь и там **Вестник** может выполнить миссию, завещанную ему от Бога, и не обмануть высоких ожиданий, которые одно его существование возбудило в России.

Никита Струве.

Архим. А. СЕМЕНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Велик Праздник Преображения Господня! Это праздник света и призыв к свету. Ни в каком другом празднике так ясно не выявляется, что «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы». Это слова апостола Иоанна.. Но тот же апостол в том же своем послании поведал нам, что «Бог есть Любовь». Следовательно, если Бог есть свет и Бог есть любовь, то можно сказать, что любовь и свет — это одно.

Сам апостол Иоанн делает такой вывод, когда пишет: «Кто говорит, что он в свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме». И вот здесь второй вывод: если Бог это Любовь и Свет, то грех это — нелюбовь, это тьма.

Этот мотив борьбы света и тьмы, борьбы Божественной любви и греха, столь ярко выявленный в первом послании апостола Иоанна, звучит ясно и во втором послании апостола Петра, часть которого Церковь предлагает нашему вниманию в день Преображения.

В этом послании ап. Петр предостерегает нас от всякого зла, которое делает нас слепыми, и призывает нас, при помощи всякого доброделания, возрастать в познании Иисуса Христа, который есть Источник света. В подтверждение истинности своего призыва апостол ссылается на Преображение Господне, свидетелем которого он был на святой горе. Этот призыв приблизиться ко Господу как Источнику света слышится постоянно во многих церковных песнопениях, особенно в богослужебных текстах нынешнего дня. Так, в тропаре Праздника мы поем: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный...», а в кондаке: «Ты еси воистину Отчее сияние».

Любовь, свет, сияние, слава... вот в чем являет нам себя Бог. В день Преображения все это стало явным и для телесного человеческого ока.

Слава Господня, сияние Божественной любви, которая была в сердцах праведных людей, так же не раз проявлялась и во вне. Лики святых, в разное время, подобно тому, как это было у преподобного Серафима Саровского, сияли ярче солнца. Этот же свет Христов — свет непрístupный ослепил Савла, так как он еще не омылся от своего греха, и тот же свет, еще в Ветхом

Завете, озарял лик Моисея. А в будущем веке, по словам самого Христа, «праведники воссияют, яко солнце».

В такой своей силе, в такой чистоте это откровение небесного света доступно преимущественно святым подвижникам или тем, кого Господь, по Своему промыслению, нарочито удостоивает этого созерцания.

Тем не менее, если не самый этот Фаворский, мистический свет, то образ, отсвет этого света доступен для созерцания многим. Вся природа, все творение в той или иной мере отражает в себе свет Божественной любви, свет Божьего благоволения. И это отражение, этот отсвет и есть то, что мы зовем красотой.

Блаженны те, кто умеет видеть красоту, и блаженнее их те, кто познают ее Источник. Для чистых сердцем высшая красота всегда связывается с благом, с добром. Они знают, что нет большей красоты, чем краса просвещенной Божественным светом человеческой души. Но эти чистые сердцем люди умеют уловить эту красу и в самых ликах праведных, своих братьев. Редко кто из нас грешных столь испорчен, чтобы не смочь порадоваться улыбке доброго человека или чтобы не улыбнуться, глядя на чистое детское лицо.

Блаженны те, кто все это видит, кто может улыбнуться красоте Божьего творения, но блаженнее те, кто воздает хвалу Тому, Кто дал им это увидеть.

Некоторые святые утверждают, что человек и создан для того, чтобы хвалить и славить Бога. В славословии и хвале изливается наша любовь. И ангелы, так учит Церковь, неустанно славят Бога и поют, воспевая красоту неба и земли. Вся их жизнь — пение, их дыхание — музыка. Вот, надо, чтобы и наши души пели, звучали. По своей неизреченной милости Господь дает особенно остро видеть и слышать красу творения, этот отблеск рая не только святым, но еще особо избранным людям, которые призваны Господом узренное ими передавать многим другим людям, еще не столь чутким к созерцанию красоты. Эти особого рода избранные Божии — это служители искусства. Их дело созерцать прекрасное, прозревать в нем неприступный свет Творца и воздавать хвалу всему тому, что открылось их сердцу через их глаза, уши и мысль.

Даже если этим служителям искусства и мысли не дается прямо славить Творца, поскольку их труды есть хвала, они тво-

рят дело Божие. Прозревая свет красоты в нашем потемневшем мире, указывая своей хвалой на этот свет, они преображают сердца тех, кто им внемлет, они вносят свою долю в дело Преображения мира.

Блаженны эти служители прекрасного, когда сердцем их движет любовь, и душа и тело их воздают хвалу. Но горе им, если дело их становится хулой на творение, клеветой на Создавшего все, или низким укором Тому, Кого праведники называют Первохудожником.

День Преображения Господня, когда людям явился несозданный свет Божественной красоты и славы, является в некоторой мере праздником служителей искусства, но Святая Церковь благословляет в этот день не плоды труда художников, а садоводов. В этот день освящаются плоды садов — фрукты. Из всего того, что Господь дал нам в снедь — плоды садов, кроме их питательности и вкуса, привлекают нас своей красотой. Адама Бог призвал возделывать райский сад. Этот сад был прекрасным, но Адаму предстояло сделать его еще прекраснее. Таким образом, в дело уподобления Богу, в дело самосовершенствования входит задача возрастать и в совершенство красоты.

Тем не менее, да не забудем этого никогда, высшая красота есть мир Любви, а в этот мир одно лишь любованье внешними прекрасными формами входа нам не откроет. Мир духовной красоты, мир святости достигается в подвиге самоотречения и самопожертвования. Недаром в кондаке праздника поется: «Славу Твою, Христе Боже, видели» твои ученики для того, чтобы «егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное» и «мирови же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние». Это сияние, эта слава Отца раскрывается в жертвенном подвиге Сына. Если мы хотим быть там, где «праведники воссияют, яко солнце», для нас нет другого пути, кроме пути крестного.

И теперь, после того как Сын Божий простер руки Свои на кресте, истинная красота таит в себе и являет крестную печать.

И в области искусства ныне могут тронуть наше сердце лишь те произведения, в которых просвечивает красота жертвенной любви. Не случайно Моисей и Илия беседовали с явившимся во всей своей светлой славе Господом о Его предстоящих страданиях. Только приняв и пройдя сквозь свои страсти, Господь дал нам увидеть свет Своего Воскресения — Свет, в котором дан нам залог грядущего воскресения и преображения нас и всей твари.

БРАК И ЕВХАРИСТИЯ

(продолжение) *

V. О «ЦЕРКОВНОСТИ» БРАКА

Евхаристия была всегда и остается нормой «церковности» всей жизни христианина и тем самым и брака.

Каждый человек рождается членом земного общества, гражданином своей страны. Он подчинен законам материальной жизни и исполняет общественные обязательства. Но христианство открывает причастность человека к «вышнему званию». Оно не отрицает его земного гражданства и общественной ответственности; истинное христианство никогда не призывало к уходу из мира. Даже монашество есть своеобразное служение миру — путем отрицания его абсолютности. «Вышнее звание» человека — «образ и подобие Божие» — есть прежде всего беспредельное, «божественное», свободное расширение его творческих возможностей: стремление к абсолютному Добру, к высшей Красоте, к истинной Любви, и возможность испытать это Добро реально, потому что истинные Добро, Красота и Любовь есть Бог, любящий человека: к Богу мы можем обращаться, слышать Его голос, испытывать Его Любовь. Для христиан Он не есть только идея; «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ио. 14,20). Именно в Боге человек обретает свою подлинную человечность, потому что он был сотворен как «образ Божий». Поэтому Христос, будучи совершенным Богом, в силу самой своей божественности, явил и совершенное человечество — норму истинной человеческой жизни.

Причащаясь в Евхаристии к Телу Христову, человек не перестает быть человеком, — наоборот, он становится полностью самим собой, восстанавливает то отношение к Богу и к людям, для которого он был создан, и возвращается в мир в силе Духа — со всеми Богом данными ему возможностями творчества, служения, любви.

Связь между Евхаристией и браком намечена уже в рассказе о чуде на браке в Кане Галилейской (Ио. 2,1-11), принятом Православной церковью в качестве чтения на обряде вен-

чания. Этот рассказ является одним из многочисленных иносказательных текстов Евангелия от Иоанна, указывающих на смысл таинства Крещения и Евхаристии: превращение «плотной» и грешной человеческой жизни в новую, преображенную реальность Царства Божия.

Мы видели выше, что в древней Церкви христиане, отнюдь не отрицая гражданское значение брака, заключали его согласно гражданским законам. Но как членам Тела Христова, им было доступно и другое «измерение» брака: «во Христа и в Церковь». «Церковность» брака была всецело отлична от его формальной «законности»: она происходила не в силу особого церковного обряда, а в силу того факта, что брак заключался между двумя членами Тела Христова и являлся поэтому **таинством**. Будучи «таинством», брак не есть юридический договор, а **вечный дар**, доступный гражданам Царства Божия, но совершенно непонятный тем, которые этого Царства не знают и не ищут.

Именно поэтому невозможно объяснить смысл христианского брака в категориях права, социологии или даже психологии. Римская Церковь — основной грех которой всегда заключался в снижении евангельской истины до категорий земного общества — пыталась, и еще пытается свести специфичность христианского брака к понятию юридической нерасторжимости. Пока супруги живы, их брачный договор действителен. Но поскольку закон не действителен для умерших, смерть одного из супругов «освобождает» другого.

Но дело как раз в том, что Таинство, по самой своей природе, относится к Царству Божьему, которое, с пришествием Христа, силой Духа, уже явилось «внутри нас». Юридические нормы не могут всецело выразить Царства Божия. С одной стороны, Таинство являет победу Христа над смертью: оно не может прекратить свое значение благодаря смерти. Но, с другой стороны, действительность Таинства предполагает содействие человека: если человек **лишен возможности** или желания принимать в себя дар Таинства и жить в соответствии с данной ему благодатью, то Церковь может пастырски пойти ему навстречу и допустить второбрачие как наименьшее зло, или даже — если первый брак был явной неудачей — как новую возможность осуществить истинно-христианский брак.

Все вышесказанное показывает, что «церковность» брака

(*). Вестник № 91-92, стр. 5-13.

предполагает совсем не только его юридическую «законность» или «нерасторжимость», но именно включенность в бого-человеческий организм Церкви. «Церковность» предполагает признание, что брак не есть «частное дело» и, следовательно, что обряд бракосочетания не есть «треба». Именно поэтому, в древней Церкви, он совершался вместе и, вероятно, во время воскресной литургии, когда «вся церковь», т. е. вся местная христианская община (а не только родственники и друзья) могли свидетельствовать о совершающемся Таинстве и радоваться торжеству любви. Внутренняя связь брака и Евхаристии косвенно сохранилась и в школьном православном богословии, которое — в отличие от католического — соблюдает понятие, что «совершителем» таинства брака может быть только епископ или священник, то есть совершитель Евхаристии, литургически всегда представляющий всю Церковь. В католичестве, поскольку брак признается «договором», «совершителями» таинства являются сами брачующиеся.

Понятие «церковности», предполагающее, что брак завершается в Евхаристии, объясняет тот факт, что Церковь никогда не признавала **все** браки, заключаемые ее членами, одинаково «церковными». Это особенно ясно выражено в отношении Церкви к второбрачию: существуют определенные «степени церковности» брака, определяемые по отношению к единственному истинно-сакраментальному браку, закреплённому Евхаристией.

VI. ВТОРОБРАЧИЕ

В течение веков, во всей совокупности канонического законодательства, Церковь следует принципу, выраженному Апостолом Павлом, что второбрачие есть отступление от христианской нормы и допускается только по человеческой слабости (I Кор. 7,9).

Св. Василий Великий (правило 4) определяет, что вступление во второй брак, после вдовства или развода, предполагает один или два года «покаяния», то есть отлучения от причастия, а вступление в третий брак — три, четыре или даже пять лет. «Такой брак, — пишет св. Василий, — мы называем не браком, а многобрачием, или вернее прелюбодеянием, требующим определенную кару» (там же).

Само собой разумеется, что, поскольку брак, во времена св. Василия Великого, совершался совместно с Евхаристией, отлучение от причастия второбрачных предполагало, что их брак

заклучался только как гражданский, а не церковный брак. Только по окончании «покаяния», когда они снова вступали в категорию «верных» и допускались до участия в Евхаристии, их брак получал церковное значение.

Описываемое св. Василием отношение к второбрачию было принято в Церкви по крайней мере до девятого века. Преподобный Федор Студит (759-826) и св. Никифор, патр. Константинопольский (806-815), очень ясно свидетельствуют об этом. «Второбрачный, пишет св. Никифор, не венчается и не допускается к причастию пречистых Таин в течение двух лет; вступающий в третий брак отлучается на пять лет» (правило 2).

В этом правиле важно отметить не суровость покаянной практики, как таковую — в древней Церкви, вообще, отлучение от таинств практиковалось гораздо шире, чем в наше время, — но очевидное желание Церкви соблюсти верность норме абсолютного единобрачия. С установлением брачного чина, отдельного от Евхаристии (об этом, ниже), второбрачные начали допускаться к церковному «венчанию». В канонических ответах Никиты, митрополита Ираклийского (13-й век), мы читаем: «Строго говоря, венчать второбрачных не следует, но обычай Великой Церкви (Константинопольской) не придерживается этой строгости и допускает возложение брачных венцов на второбрачных... Но они должны воздерживаться от причащения Святых Таин в течение одного или двух лет» (Афинская Синтагма, V,441).

Указание Никиты соответствует и современной православной практике (по крайней мере ее принципу). «Последование о второбрачных», печатаемое в Требнике, отличается от нормального чина венчания. Оно есть, собственно, продолжение обручения и не предваряется возгласом «Благословенно Царство»... (связывающим брак с Евхаристией). Обычные брачные молитвы заменены другими, покаянными:

«Господи Иисусе Христе, Слове Божий, вознесыйся на честном и животворящем кресте, и еже на ны рукописание растерзавый, и насилия диаволя избавлей нас, очисти беззакония рабов твоих: зане зноя и тяготы дневныя, и плотскаго разжжения не могуще понести, во второе брака общение сходятся...»

Очевидно, что Церковь строго соблюдает идеал единобрачия: именно этот положительный принцип отражается в канонах и богослужении, а не только отрицательно-юридический принцип «нерасторжимости» брака, пока оба супруга живы. Второй брак

допускается только как отступление от идеала, как послабление человеческой слабости, или как новая возможность исправить ошибку или искупить грех.

В этом отношении, пастырская «икономия» («домостроительство») Церкви допускает и третий брак, но формально запрещает четвертый. В вышеуказанных правилах св. Василия Великого и Никифора Константинопольского ничего не упомянуто о возможности четвертого брака. Знаменитый случай с четвертым браком императора Льва VI Мудрого (886-912), повлекший за собою долгие церковные споры, окончился изданием так называемого «Томоса единения» (920), запретившего четвертый брак и разрешившего третий брак только до сорокалетнего возраста (Афинская Синтагма, V, 4-10).

Очевидно, что богословской причины для ограничения числа браков тремя найти нельзя: это есть просто дисциплинарная граница, дальше которой церковная «икономия» не должна идти. Не в этом формальном ограничении смысл всей церковной традиции, а в верности основной новозаветной норме: христианский брак един, во образ Христа и Церкви, и всякое повторение брака относится к потребности «ветхого человека». Эти потребности могут быть терпимы и даже почитаемы, как меньшее зло, но к Царству Божию, как таковому, они относиться не могут.

VII. ЧИН ВЕНЧАНИЯ

Вплоть до девятого века, в Церкви не существовало последования, или чина «венчания», отдельного от Евхаристии (см. А. Завьялов, «Брак», Православная Богословская Энциклопедия, изд. А. П. Лопухина, том II, Петроград, 1903, стр. 1029-1030, 1034). Новобрачные причащались Св. Таин, и это причащение, по свидетельству Тертуллиана, и было «печатью» брака. Если обстоятельства брака были несовместимы с общим участием в Евхаристии — брак с инославными, вторые или третьи браки — Церковь вообще не давала благословение на брак, вплоть до истечения срока покаяния.

Начиная с четвертого века, имеются свидетельства об обряде венчания. Венцы, согласно св. Иоанну Златоусту, символизируют победу христиан над страстями. Из письма преп. Феодора Студита († 826) видно, что венчание и молитвенное благословение были кратким обрядом, совершаемым «в слух всего народа» на воскресной Евхаристии, епископом или священником;

текст молитвы, приводимый преп. Феодором, следующий: «Сам, Владыко, ниспосли руку твою от святого жилища твоего, и сочтай раба твоего и рабу твою: сопрязи я в единомудрии, венчай я в плоть едину, яже благоволил еси сочетаватися друг другу, честный их брак покажи, нескверно их ложе соблюди, непорочное их сожительство пребывати благоволи» (преп. Феодор Студит, Творение, в русском переводе, II, СПб. 1908, стр. 240). Древние служебники этого же периода (напр., знаменитый Codex Barberini) содержат несколько кратких чинов венчания, подобных этому и употребляемых во время Евхаристии (см. Goar, Euchologion, стр. 321-322).

Только в десятом веке появляются более развитые чины венчания, совершаемые отдельно от евхаристической литургии. Чем вызвана эта перемена, коренным образом изменившая — если не по существу, то во всяком случае в сознании верующих, — значение церковного брака?

Ответ на этот вопрос мы находим в 89-й новелле («новом законе») императора Льва VI († 912). Автор новеллы выражает сожаление, что как обычай усыновления, так и брак были рассматриваемы, в предшествующих законах, как чисто гражданские формальности, и постановляет, что брак, не получивший церковного благословения, «не будет называться браком», а незаконным сожительством. Иными словами, только церковное венчание могло придать браку законную действительность (см. текст новеллы у A. Dain, Les nouvelles de Leon VI le Sage, Paris, 1944, стр. 294-297).

В результате новеллы, Церковь была облечена необычной для не ответственностью за **юридическое** урегулирование брачных дел. Вступающий во второй брак мог, до царствования Льва VI, сделать это вполне законно: Церковь налагала на него период покаяния, но государство не лишало его юридических прав. После новеллы Льва, для юридического оформления **всех** браков — даже тех, которые противоречили церковной норме — церковное благословение стало **необходимым**. Грань между гражданским и церковным браком перестала существовать. Отсюда — появление «чина о второбрачных», т. е. чина, парадоксально благословляющего союз, Церковью не одобряемый!

Другое последствие нового положения — необходимость для Церкви не только благословлять «сомнительные» браки, но иногда и «разрешать» их, то есть выдавать разводы...

За возложенную на нее гражданско-социальную ответственность Церковь платила дорогой ценою: обмирщением своей пастырской миссии и отказом от древней покаянной дисциплины, которая была невыполнима для большинства граждан империи. Если таинство брака, получаемое от Церкви, приобрело юридически-обязательный характер, то Церковь была поставлена перед необходимостью идти на всевозможные компромиссы и сделки, сильно поколебавшие, в сознании верующих, истинное значение христианского брака как вечного союза по образу Христа и Церкви. Сам император Лев VI, издавший вышеуказанную новеллу, принудил Церковь повенчать его самого, четвертым браком, на Зое Карбонопсине в 903 году...

Единственное, чем Церковь не могла поступиться, это святостью Евхаристии: ни в случаях все чаще повторяющихся «смешанных» браков, ни в необходимых компромиссах по вопросу о второбрачии, брачующиеся не могли быть допускаемы к общей евхаристической чаше. С другой стороны, церковный брак, приобретая формально-гражданское значение, стал все более и более переживаться как акт, отдельный от Евхаристии. Начиная с десятого века, особый чин венчания, совершаемый независимо от воскресной литургии, вошел в повсеместное употребление, хотя, по видимому, он был обязателен только для свободных граждан империи, поскольку только они допускались к гражданскому брачному договору. Крепостные и рабы, не имеющие юридических прав, не могли заключать и законных браков. Правда, христианское сознание Византии не могло долго допускать вопиющей и по-христиански не защитимой несправедливости: император Алексей Комнин (1081-1118) издал новеллу, сделавшую церковный брак обязательным и для рабов.

Устанавливая чин бракосочетания, отдельный от Евхаристии, Церковь не потеряла сразу сознания внутренней связи между брачным единством «в плоть едину» и Таинством Тела и Крови Христовой. Сохранившиеся древние тексты этого чина включают причащение брачующихся — «если они достойны» — запасными Св. Дарами, после возгласа священника «Преждеосвященная Святая святым» и при пении причастна «Чашу спасения прииму» (см. служебник X века, Синайская рукопись, А. А. Дмитриевский, Описание литургических рукописей, II, Киев, 1901, стр. 31). Чин венчания, включающий причащение запасными Дарами, был принят в Церкви до XV века: он встречается и в гре-

ческих служебниках XIII века и в славянских рукописях XV в. (см. А. Катанский, «К истории литургической стороны таинства брака», Христианское Чтение, 1880, I, стр. 112,116).

В тех случаях, когда брачующиеся не были «достойны» причащения Св. Таин, то есть когда их брак не соответствовал церковной норме, они причащались только общей чаше вина, благословляемой священником. Эта форма чина сохранилась до нашего времени и стала единственно употребляемой. Но и наш современный чин бракосочетания сохраняет следы его древней евхаристической формы: он начинается, как и литургия, с возгласа «Благословенно Царство», и причащение из общей чаши предваряется пением «Отче наш». Более того, Церковь явно сохранила сознание, что Евхаристия есть истинная «печать брака»: браки, заключенные до крещения, то есть не связанные с евхаристией, почитаются «не бывшими» для христиан. Новокрещенный может вступить во второй брак с христианкой и быть допущенным к рукоположению в священный сан, как единобрачный (Апостольское правило 17). Но если не-христианская чета примет вместе крещение и евхаристию, т. е. вступит в Церковь, то обряд венчания над нею не совершается: совместное причащение есть церковное закрепление гражданского, естественного брака, заключенного вне Церкви.

В наше время, когда Церковь почти нигде не обладает юридическим правом «узаконивать» брак, возвращение к древней церковной практике и дисциплине возможно и желательно. Евхаристия должна вновь стать печатью, дающей христианскому браку его подлинный смысл, и нормой, вне которой таинственность брака может быть только ущербленной.

(продолжение следует)

О ЦЕРКОВНОМ ДЕЛЕНИИ

(отклик на открытое письмо свящ. С. Желудкова, обращенное к А. И. Солженицыну)

Дорогой о. Сергей!

Вы опять возложили на меня непосильную задачу: в двух словах сказать о том, о чем и целой книги (и многих книг) мало. Решительно не знаю, с чего начать и о чем говорить.

Вы обращаетесь к Александру Исаевичу. Несомненно, он является сейчас совестью мыслящей России, выразителем ее самых сокровенных и дорогих чаяний. Но он — художник, большой художник и, пожалуй, ответит Вам не столько в теоретическом письме, а в своем творчестве. Толстого как-то попросили истолковать «Анну Каренину»; он ответил: «Для этого нужно написать ее снова». В этом заключена большая правда о художнике, который отвечает на жгучие вопросы жизни созданием образов, а не теориями. Опять же, если взять пример Толстого: когда он теоретизировал, он был бесконечно слабее Толстого-писателя. Правда, это не относится ко всем писателям. Такие мастера слова как Пушкин, Ломоносов, Белый, Честертон, Экзюпери, Моруа, Цвейг, Камю были в то же время и мыслителями. Но все-таки это скорее исключение, чем правило. Сравните романы Достоевского с его «Дневником Писателя» и увидите огромную разницу. Дело здесь, очевидно, в индивидуальном складе писателя. Я не знаю в этом отношении А. И., но уверен лишь в одном: в сфере художественного творчества он ответит и ответил уже на многие Ваши вопросы.

Что сказать о Вашем «манифесте»? Вы знаете мою точку зрения, т. к. все эти вопросы мы обсуждали с Вами много раз. Как и прежде, здесь пленяет искренность, огонь, живая вера, мастерской, прозрачный стиль, множество верных и глубоких мыслей. Однако, я хотел бы остановиться преимущественно на том, с чем я не могу согласиться.

1) Рукопись неизвестного автора, полученная из Сов. России. Открытое письмо свящ. С. Желудкова нам не известно. См. его же открытое письмо проф. Громадка на стр.92этого номера. Ред.

Вы говорите — «кризис». Согласен, «кризис», но в Вашей интерпретации он сводится к какому-то почти катастрофическому состоянию. На самом же деле здесь кризис хороший, кризис непрерывного роста. Появление жизни и человека были «кризисами» природы, но это были кризисы великого Становления. То, что мы стоим теперь перед новыми проблемами в области учительства, организации и литургики — означает, что христианство продолжает стремительно расти вширь и вглубь. Следует не скорбеть, а радоваться.

Бессмысленность и мрачность атеизма становится все очевиднее. Безрелигиозная мысль дошла до своего предела. Отчаянный вопль Ницше, Камю, Сартра — свидетельство этого. Оптимистический гуманизм потерпел крах в атмосфере озверения, которая окутала ХХ век. Атеизм — это именно и есть «кризис» в подлинном смысле этого слова. Он — болезнь духа и культуры, болезнь мысли, совести, миропонимания. Всё, что было лучшего в культуре, начиная от палеолита, созидалось на религиозном фундаменте.

Вы обедняете религиозное сознание таких людей, как Эйнштейн. Пусть он находится лишь на одной из ступеней духовного восхождения, но сказать, что его чувство Бога и восхищение гармонией космоса — это не религия, мы не имеем права. Божественное — слишком огромно, слишком всеобъемлюще, чтобы можно было отбросить все аспекты его понимания, кроме христианского. Более того, христианство включает в себя все эти аспекты. Оно есть высшее Откровение миру о Боге, но оно не отрицает иных Его восприятий.

Вы нападаете на рационалистов, а сами оказываетесь неисправимым рационалистом. Для Вас вопрос «было или не было» продолжает оставаться в осязаемой плоскости. Раз, говорите Вы, грехопадение это — «миф», значит, сказание о нем не имеет «никакого познавательного значения». Но ведь это неверно! В этом «мифе» открывается для познания важнейшая правда о человеке, но открывается иным путем, путем отличным от рационального.

Я верю, что Бог встретился с человеком в ветхозаветной религии и вершиной этой встречи явилось Боговоплощение. Я верю свидетельству Христа, Который говорил о Себе не как об Учителе, а как об Избавителе от греха. Апостол Павел, которому я так же верю, пережил в своей душе тайну искупления. Он раскрыл ее нам через библейские символы грехопадения. Перво-

родный грех есть факт, но факт внутренний. Библейские мудрецы знали, что за зло, совершающееся на земле, несет ответственность человек, человек, который изменил свободу в Боге, променяв ее на «дурную свободу» бесплодности, хаоса и пустоты. «Своеволие» в метафизическом смысле было основой отпадения человека. И вовсе не «теории», а живой опыт, живое откровение дало нам эту истину. Все попытки объяснить человека без учета его глубокой духовной болезни потерпели крах. Демоническое начало неизменно выглядело из-за маски «человека доброго по природе». У меня есть больше оснований верить ап. Павлу, больше, чем кому бы то ни было. А Вы ставите его чуть ли не в один ряд со школьным богословием. Вот это и есть рационализм. Не школьное богословие, а мистическое прозрение ветхозаветных пророков, ап. Павла, подвижников и мистиков положило фундамент христианского мировоззрения. Христос вовсе не учил нас морали (хотя она и является неотъемлемой частью Его учения), но Он учил нас о том, что мы находимся во власти темных сил, от которых Он нас спасает. Не мораль основа Евангелия, ее Вы найдете и у Будды, и у Сократа. Нас спасает Тот, Кто сказал: «Я видел сатану, спадшего на землю, как молния».

Меня изумляет Ваше отношение к «проблематичности» Новозаветной письменности. Если для Вас Христос Некто больший, чем просто один из тех, кто учил людей быть добрыми, то какое значение для веры могут иметь исследования критических историков? Ведь ими тоже водит вера, убеждения. Если они не верят в Иисуса, т. е. в Его свидетельство о Себе, то они неизбежно сочтут большинство рассказов о Нем мифами. Если же верят, то никакие изыскания не могут поколебать их веру. Есть парижская книжка Л. Жилле «Иисус Назарянин». Там автор пытается надеть тогу беспристрастия и показать Христа в свете истории. И все же видно, что он при всем своем критицизме верит в Него. Тогда этот критицизм переключивается в сферу науки. Альберт Швейцер в своих исследованиях пытался показать, что образ Христа, как Спасителя, есть плод верований ранней христианской общины. Это априорное суждение явилось в результате того, что он сам отошел от этой веры, отошел от христианства. Евангелия не «фотографии». Это верно. Но в то же время они, если оставить в стороне их духовную ценность, являются, как это признала современная критика, ценнейшим историческим свидетельством о Христе. Они были написаны тогда, когда были живы еще многие очевидцы событий. Разве одно это не требует от

нас относится к ним не только как к памятникам религиозной веры первохристиан? И, наконец, если Христос является действительно нашим Искупителем, неужели Он не в силах был так определить ход возникновения новозаветной письменности, чтобы всё важное и необходимое дошло до нас, дошло до каждого столетия. Ведь история написания Евангелий — это часть истории вообще. И нужно ее полностью обесмыслить, если считать, что главной действующей силой в ней была случайность, в частности невежество и легковерие людей.

Вы абсолютно правы, что терминология догматов символична. Так должно и быть. Если бы они были выражены в строгих понятиях, они сузились бы до размеров человеческой философии. А на самом деле они есть плод живого религиозного переживания. Значит, здесь нужно лишь постоянно корректировать и напоминать о том, что факты божественного мира не подобны фактам мира внешнего, что это ИНАЯ реальность, которую мы выражаем в привычных словах: «Отец», «Свет», «Восхождение». Бесмысленно было бы здесь на двух страницах решать вопрос о Троице и Воскресении. Бесмысленно и кощунственно. Даже наука, которая имеет дело с внешним миром, отвергает такое скороспелое и поверхностное отношение к своим предметам. Сложна высшая математика, сложна теория относительности, сложна теория элементарных частиц. Неужели же проблемы Духа могут оказаться проще и однозначней?

Вера и основные моменты ее остаются непреложными для тех, кто в ней живет, ее переживает. Следовательно, нужно лишь искать для каждой эпохи новых форм ее выражения. Учение Отцов Церкви (догматы), учение средневековых мистиков и схоластиков, религиозно-философские системы нового времени были всегда «революционны», всегда «модернистичны». И для XX века рождаются новые формы. Неотомизм, христианский экзистенциализм, русская религиозная мысль — всё это новые формы осмысления христианского опыта. Не отмахиваться от этого, а изучать их — наша задача. Несомненно, в сфере «теоретической» здесь требуется упорная работа, глубокое изучение и неустанное вхождение во внутреннюю жизнь всего христианского наследия в целом. Апостол Павел и Дионисий Ареопагит, Григорий Нисский и Григорий Палама, Фома Аквинат и Дамаскин, Симеон Новый Богослов и Экхарт, Паисий Величковский и Паскаль, св. Тереза и св. Игнатий, и, наконец, наши Бердяев, Франк, Вл. Соловьев, Флоренский... Да что там! Сокровищница христиан-

ской мысли и духа неисчерпаема. Только одних имен можно написать несколько страниц.

Если же вернуться к вопросу о догматах, то я хотел бы еще и еще раз подчеркнуть необходимость бесконечно-бережного отношения к этой древней, но вечно-юной форме выражения веры. Они — плод прозрения, они один из аспектов Откровения. Посягая на них, мы рискуем разрушить всё. Они подобны драгоценной чаше, в которую влито священное вино Евангелия. Конечно, чаша — лишь сосуд. Но разбейте ее — и вино прольется на землю. Если мы не понимаем чего-либо, не следует торопиться. Не лучше ли в смирении поискать причин в себе? До многого мы могли не дорасти. Как хорошо я помню случаи с трудными местами в Евангелии. Когда они встречались, я просто оставлял их в стороне. И вот, проходило время — и смысл их открывался.

Догматы — это не догматическое богословие. Оно является уже чем-то чисто человеческим, несущим на себе неизбежную печать ограниченности. Оно будет развиваться всегда, ибо каждое его завоевание несовершенно, и полнота догмата влечет к поискам всё новых походов к этим великим темам.

Дело — в «учительстве». Как излагать основы веры для рядового христианина? Так я Вас понял? Но это проблема преимущественно методологическая. Из тех богатств, которые имело и имеет христианство, мы должны создавать нечто, доступное для рядового человека. И при этом не ставить себе утопической цели, что это изложение должно убедить неверующих. От теорий мало кто убеждался когда-нибудь. Нужно разрушать атеизм, разрушать предрассудки, нужно приблизить человека к миру веры, и если он ее почувствует, как живую силу — ему уже не так важно будет, договорились ли между собой богословы-теоретики. Это свобода веры, но свобода не пустая, безмерная, бесцельная, безбожная, а свобода сынов Божиих, свобода «познанной Истины». Никакие «развалины» теорий не могут тогда смутить человека. Не в них суть. Однако и без них нельзя, как в мире науки без «рабочей гипотезы». Мы не можем не осмыслять своей веры. Знаем, что это осмысление никогда не достигнет полноты Истины, но все же осмысляем и будем осмыслять.

Тороплюсь кончать, а хочется так много сказать. Вот, Вы говорите об иерархии! Разве не ясно, что многое здесь связано с нашей внешней обстановкой? Всегда, во все времена были плохие епископы и священники, но Церковь стоит. Я лично являюсь

сторонником строгой, совершенно-организованной и централизованной иерархии. Ибо всякий живой организм «монистичен» и структурирован. Он сложен, ибо совершен, он имеет главу, ибо один. Многие беды проистекают от того, что он еще недостаточно един. Поэтому борьба за единение христиан — важнейшая задача.

Христианство не идеология, а бытие, жизнь, организм. А организму присуща структура. Только в структурно-сложном единстве Церковь будет в состоянии выполнять свою задачу — готовить человечество к будущему, к Царству Божию.

«Построить теорию мира, — говорит Тейяр де Шарден, — относительно легко. Но искусственное форсирование новой религии превосходит индивидуальные силы. Платон, Спиноза, Гегель могли развить воззрения, которые борются с перспективами Воплощения. И в то же время ни один из этих метафизиков не смог переступить границ идеологии. Их воззрения, одно за другим, могли, быть-может, просвещать умы, но никогда не достигая порождения жизни». Этим христианство отличается от «идеологий». Оно есть новый поток бытия, изливаемый из Запредельного, и когда он преломляется в душах людей, он рождает величественный богочеловеческий поток Церкви. Он несет в себе, как всякая река, палки, бревна, мусор и трупы. Но течение его неотвратимо. Церковь создана Христом. В ее бытии я вижу Его волю, вижу Его Самого. И если есть в ней темное, то я помню об Иуде на тайной вечере. Эта новая жизнь слагается из двух источников — земного и небесного. И в едином русле они устремляются к Царству.

Евангелие Иисуса есть Евангелие Царства. Все утопии человечества есть искаженный и обедненный отблеск этого чаяния. Его умудрялись исказить даже христиане: средневековые теократы, Соловьев и Федоров. Но даже эти искажения говорят о великой силе того центра, откуда они исходят. «Да придет Царствие Твое» — вот тайна христианства и Церкви. «Все мы изменимся», — говорит апостол Павел. В непостижимой дали всегда стоит перед нами грандиозная Трансформация. Ради нее земля, ради нее жизнь, ради нее человек, ради нее Явление Богочеловека — Основателя и Главы этого Царства. Всё, что делает человек ценного на земле, есть камни для строящейся башни (помните, у Герма в «Пастыре?»). В этом смысле и люди, являющиеся потенциальными членами Церкви (то, что Вы именуете «Церковью доброй воли»), работают для Христа. Но они работают

бессознательно, повинуюсь смутным чувствам, голосу совести. Этим они отличаются от подлинных членов Церкви. Свободный акт воли, стремящейся к Богу, ко Христу, есть нечто бесконечно важное в бытии людей. Церковь началась с малого. Она растет, она движется в истории. Из ее истоков родилась духовная культура Европы, России, Нового Света. Она должна выполнять свою миссию до скончания века. Наше дело только осознать свое место в этом организме, не претендуя на большее.

Вы верно сравниваете человеческие индивидуумы с клетками. Но от клеток в действительности мы отличаемся личным сознанием, личной волей, личной ответственностью. Поэтому важно крещение, как акт готовности следовать за Христом. Поэтому и говорит Он о «малом стаде». В противном случае не было бы нужды Ему создавать Свою Церковь, ведь по Вашему всё человечество, все люди доброй воли есть тело Христово, есть Церковь. Но Христос именно создал Церковь (Мф. 16), как зародыш Своего грядущего Царства. Он сравнивал ее с зерном, вырастающим в дерево, с закваской, действующей постепенно. Можно сказать, что Он зачал новое человечество. Он — «новый Адам», противостоящий Адаму ветхому.

Плохо мы выполним Его волю, если скажем всем честным людям: вы уже в Церкви. Нет, мы должны сказать им, что они бессознательно являются христианами по своей жизни и что именно поэтому им нужно сделать сознательный шаг ко Христу. Только тогда они станут окончательно под сень Его креста. Когда-то Булгаков сравнивал Церковь с храмом, у которого есть притвор и двор. Это сравнение повторил Павел VI в энциклике «Экклезиам суам». Да, и двор имеет отношение к храму, и притвор. Но все же они НЕ храм. Мало потолкаться по двору, нужно войти в церковь.

О письме двух священников говорить трудно, ибо это вопрос тоже не простой. Однако я могу сказать: они выразили общее чувство и общую боль. В этом смысле их голос есть голос Церкви. Они говорили как «власть имущие». Имели ли они на это право? Не знаю. Не могу судить их, как не чувствую себя призванным «со властью» судить и епископат. Это большая ответственность — судить. Вы сами отметили всю сложность положения Церкви. Здесь однозначно решить трудно очень и очень многое. Где граница, отделяющая церковную икономию от недопустимого компромисса?

Вы говорите о соборности. Поверьте, я не знаю, что значит это слово. Церковь в России давно находилась в уродливых условиях, давно, много веков. Общины у нас нет сейчас, но и не было ее сто лет назад. Но сами посудите — как может у нас сейчас развиваться дело в этом направлении? Эволюция должна идти не сверху, а снизу, ибо «каков приход, таков и поп». Иерархия у нас на Востоке всегда была слаба и безинициативна. Но не нам ее преобразить. Только тогда, когда каждый будет выполнять свой долг, можно будет ожидать помощи Божией.

Это относится и к мирянам. И к новообращенным. Они не должны быть «гостями» в храмах. От них зависит очень многое.

О реформах богослужения вообще сейчас нельзя думать. Много можно загадывать на будущее, кое-что вводить и теперь. Но это не изменит основного. С Вашей литургической критикой я во многом согласен. Но дело это требует тщательного рассмотрения, огромной работы, долгого времени. Что говорить попусту! Ясна альтернатива: или бросить храм, как обремененный «мишурой», но тогда мы решительно оторвемся от жизни Церкви, или вникать в то, что есть, вживаться в существующее богослужение. Только тот, кто проникся им в его традиционной форме, может судить о том, что в нем вечно, а что может со временем и отпасть. А если мы дадим неофитам, почти ничего не понимающим, власть принимать скороспелые решения о реформах, мы рискуем вместе с водой выплеснуть и ребенка. Кто очень болеет о невнятице переводов — пусть займется новым переводом, пусть сделает «кабинетную», так сказать, реформу церковно-славянского языка, приблизив его к русскому. Для этого потребуются годы. Переводы, развитие вкуса к иконе и пению, поиски новых богословских форм изложения веры — вот задачи, которые стоят перед нами. Их хватит на несколько поколений. Легче критиковать, труднее творить.

Вообще я ломлюсь в открытую дверь. Ведь Вы со всем этим согласны. И не знаю, зачем пишу Вам. О воспитании детей так же не может быть двух мнений. Но чем плакать о том, чего нет, лучше экспериментировать в области религиозно-педагогического творчества. Пусть пока для себя, для своих детей, но творить, искать, не стоять на месте.

Итак, подведу итоги. Внутренний кризис обусловлен сложностями внешнего. Но если эти сложности разрешатся, то никакого кризиса в смысле «развалин» и катастрофы не будет. Не уступ-

ками атеизму и не попытками стереть грани поможем мы неверующим, а свидетельством живой веры, осмысленной, действенной. Нам нужно всем становиться лучше, нужно вырабатывать подлинно-христианские принципы жизни, нужно спорить и размышлять, но в основу положить слова Христовы: «ищите прежде всего Царствия Божия, а всё остальное приложится вам».

Принадлежность к так называемой «Церкви доброй воли» — великая вещь. Но это не всё, далеко не все. Иначе нам не нужно было бы и христианство. А оно есть не просто «добрая воля», оно есть Встреча с Богом через Христа и участие в Его вселенском деле. Верить Ему, жить Им это не значит теоретически решить все вопросы. Но значит — решить главный. Положа руку на сердце, скажу Вам, что при всем моем интересе к философии и богословию для меня все теоретические проблемы не так важны. Софиен ли мир? Что такое предопределение? Что такое Вознесение? И так без конца. Интересно, существенно, увлекательно. Но это то, без чего можно прожить. А вот без Бога, без Христа жизнь есть мука или самообольщение. Мир создан Богом (как? пусть решают теологи), всё осмысленно и полно таинственного значения (подробности? предоставим это мудрецам), я ответствен перед своим Создателем, я погибаю, но спасен Им. Он призывает к Себе, Он призывает к крещению, Он создает Церковь, Он воздвигает Чашу. Всё прочее ВТОРИЧНО. И кризис наступает лишь тогда, когда мы отступаем от Него, от Его заповедей, от Его Церкви, когда мы изменяем вере в Него.

Но вы спросите: а как же верующие других религий? Они же вне Христа. И чаще всего не по своей вине. Но неужели Господь Сам не решит их судьбы без нас? Они — наши братья, во многом единоверцы, а тайны спасения в руках Божиих. Дайте здесь любое хорошее объяснение. Я только спасибо Вам скажу. Но разве в объяснении дело? Или мы перестали доверять Богу?

«Прежде, нежели Авраам был, — говорит Христос, — Я есмь». В этом суть. Он был всегда, еще до Воплощения, еще до появления человека. Это Он говорил с миром через мудрых и пророков. Всё, что есть, было и будет доброго — от Него. И этого нельзя доказать. Это выше, больше любых доказательств. В искании Христа, в чаянии Его — суть всей религиозной истории. Но это не значит, что одно это искание и есть уже Новый Завет. Во всем добром в современном мире проявляется начало Христово, но это еще не есть христианство.

Подобно кресту Церковь идет вертикально и горизонтально, вглубь и вширь. Вглубь она совершает путь к Богу, вширь — она распространяется среди людей. «Идите и научите все народы». «Се, стою у двери и стучу».

Пусть мы найдем новые слова, новые формы выражений, ИСТИНА, которая будет облечена в них — не новая и не старая, а вечная истина. Не новые более убедительные концепции нужны прежде всего, а путь к Богу, выход на просторы духовного мира, чудо, скачок, превращение.

«Придя, найду ли веру на земле?» — так спрашивает нас Он. Трагический финал предречен, но он не фатален. Никогда не поздно найти истинный путь. Ниневия не была разрушена, ибо покаялась.

Простите, я увлекся, пытаюсь выразить то, что чувствую, но так и не сумел ничего. Вот нищета слова!!! Но одно знаю: возврат в Церковь, жизнь в Церкви, Христос, борьба за Его Евангелие, терпение, неустанная работа внутри и во вне — в этом всё. А теологемы и философемы пусть знают свое место. Они вторичны и служебны. Они — подпорки, леса. Решение их придет, когда будет достигнуто главное. А без этого они останутся бесполезным бременем, камнем преткновения для спорщиков.

А тем, кто хочет, чтобы им «объяснили всё», могу лишь сказать: христианство необъяснимо, парадоксально, оно не может быть втиснуто ни в какие рамки человеческих «систем». Достаточно сказать, что христианами были последователи многих весьма далеких друг от друга философий. Кьеркегор и св. Фома, Паскаль и Маритен, как мыслители, очень несхожи, но все они в лоне христианства. Значит, оно возвышается над односторонними и ограниченными человеческими системами. Оно есть Благая Весть о Боге, спасающем Свои творения.

С любовью

священник Х.

НАШЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПРИЗВАНИЕ И НАША НЕВЕРНОСТЬ ЕМУ

Только с тревогой можно говорить о нашем православном призвании, если взглянуть на реальности нашей церковной жизни. Мы сегодня свидетели различных духовных потрясений, происходящих в протестантском, а особенно и в католическом мире. Но прежде всего нам нельзя закрывать глаза перед тяжелыми вопросами нашей собственной церковной действительности.

Для нас, православных, живущих в странах Запада, стоит прежде всего вопрос об осознании смысла нашего пребывания здесь. Как нам понимать задачу наших православных общин? Должны ли мы видеть в них просто случайный продукт национального рассеяния или же провиденциальное знамение присутствия Самой Православной Церкви в этих странах? И вместе с тем стоит вопрос о самом смысле нашего православия: является ли православие для нас лишь национальным верованием народов Восточной Европы? Или же оно для нас прежде всего — Церковь, хранительница той вселенской истины, в которой нужно жить и о которой нужно свидетельствовать — и перед инакововеряющими братьями-христианами и перед внешним миром неверующим?

Но чтобы действительно жить и свидетельствовать, нам православным, в первую очередь, самим нужно внутренне обновляться православием, необходимо наше духовное возрождение в православии. Хотелось бы здесь особо остановиться на трех аспектах этого необходимого возрождения нашего, на аспекте литургическом, сакраментальном и библейско-евангельском, и преимущественно, на первом из них.

«Я от самого Господа принял то, что и вам передал», пишет апостол Павел относительно Евхаристии — сердцевины христианского богослужения (I. Кор. II, 23). И все богослужение нашей Церкви является в своей основе именно плодом и отражением живого предания, восходящего через Отцов Церкви к Апостолам и Самому Христу. И это предание остается живым до сего дня. Чтобы предание это оказалось живой силой, а не стало

каким-то мертвым капиталом для новоприобретаемых народов для Христа, трудились и страдали в свое время, например, святые апостолы славян. И жизненная сила нашего богослужения является очень важной чертой православия при сравнении его с латинским католицизмом.

Все наше богослужение является, по своему замыслу и значению, живым действием всего собрания народа Божия. Оно является живым отображением учения апостола Павла о Церкви как едином Теле, составленном из многих членов, выполняющих разные функции. Личное благочестие и соборное, церковное богослужение, при этом, не исключают, а, напротив, предполагают друг друга. Различные благодатные дары и разные служения отдельных членов Церкви входят в состав единой общей службы, которую Церковь, Его святой народ, приносит Богу. И эта всеобъемлющая «литургия» является реальностью, выражающейся не только в наших богослужебных собраниях в храме, но налагающей свою печать и на всю земную жизнь, а также и на земную смерть каждого живого члена Церкви.

Наша церковная жизнь и наше богослужение, конечно, были бы немыслимы без особого пастырского служения «предстоятеля братьев» (св. Иустин), т.е. епископа или пресвитера. Он один может среди нас совершать то, что совершил Господь Иисус среди учеников на Тайной вечере: взять хлеб и чашу и произносить над ними таинственное благодарение — евхаристическую молитву. Но произносит он эту молитву не от себя, но как молитву Церкви. И благодатные полномочия священника должны осуществляться не в господствовании, а именно в служении, в подражании Тому, Который пришел не для того, чтобы ему служили, а чтобы служить. И кажется мне, особо в наше время, требуется от священника, чтобы в нем был менее виден образ патриархального прошлого, а прежде всего — образ священника-друга, священника-старшего брата, старающегося всегда помнить слово Спасителя: «Один у вас Учитель — Христос; все же вы — братья» (Матф. 23, 8).

Благодатный дар особого пастырского служения для Церкви абсолютно необходим, но не исключает множества других благодатных даров и служений в Ней. Никакому члену Тела Церкви не позволительно говорить другим: «Вы мне не нужны». Ибо все получили Печать Дара Духа в Таинстве Миропомазания; все члены Тела Церкви участвуют в царстве и священстве

своего Главы — Христа. Он приобрел нас Себе «люди избранны, царское священство, язык свят», повторяем мы вслед за первым посланием Петра (2,9), в литургии Василия Великого.

В настоящее время мы, православные, очень любим говорить об этой соборности Церкви, но на практике, к сожалению, очень плохо ее осуществляем — и, прежде всего, в наших богослужениях. Во многих местах народ Божий во время служб даже почему-то осужден на почти полную пассивность.

Евхаристическая молитва перестала быть общей молитвой Церкви. Она стала почти частным делом священника. Многие миряне, не имея ясного представления о ней, даже перестали переживать ее как центральный момент богослужения. Забыты слова святого Иоанна Златоуста: «При самом совершении страшных Таин священник молитвенно приветствует народ, но и народ также священника; не что иное, а именно это означают слова: «И со духом твоим». И молитвы Евхаристии также общие, потому-что не один священник совершает благодарение, но и весь народ. Сначала он берет согласие народа и, когда народ соглашается, что «достойно и праведно» совершается это, тогда только приступает к благодарению. И что удивляешься, если народ вместе с священником поднимает свой голос, когда он и совместно с самими херувимами и с горними силами воссылает священные песни» (Беседа 18-ая на 2-ое посл. к Коринф.).

Нельзя, конечно, отрицать и законного места в Церкви для особого служения певцов и чтецов. Это особое служение их несомненно входит в образ «благолепия дома Господня». Но это никак не может означать, что вся активность остального народа Божия в храме должна сводиться более или менее, например, к покупке свечей и поставлении их на подсвечниках. Все древнее вселенское предание Церкви, начиная от Иустина Мученика во 2-м веке до Николая Кавасилы в 14-ом веке и более поздних источников, свидетельствует о том, что, например, такие возгласения, как «Аминь» или же «Господи, помилуй», отнюдь не принадлежат одним хористам, а именно всему собранию народа Божия. Живой голос этого собрания сравнивается блаженным Иеронимом с гласом грома (Предисловие 2-ой книги толков. на посл. к Гал.). А такое же живое участие народа в таких возгласениях требуется, собственно, и действующим уставом — по крайней мере в таких церковных книгах, как наш Типикон и Ирмологион. «Егда речет диакон: «Миром Господу помолимся» или

«Рцем вси», тогда всем подобает и отвещати: «Господи, помилуй». Аще бы ко единому клиру глаголалося отвещати, то не бы написали (в старинных служебниках): «людие глаголют» (Типикон, гл. 49, отдел «О поклонех и молитве церковное законоположение»)...

Однако, народ молчит в храме. Разве, например, на какой-нибудь панихиде он вдруг действительно участвует и сердцем и голосом своим. В этом молчании есть нечто удручающее и даже страшное. Но имеются еще другие обстоятельства, которые нас должны были бы заставить беспокоиться. Так, например, чтение и пение за службами порою бывает настолько невнятное и спешное, что слушателю просто акустически невозможно разобраться в нем. Забыта заповедь Псалтири: «Пойте разумно» (Пс. 46,8). Содержание проходит просто мимо слуха — и без того пассивного — участника-мирянина. Имеется в виду отнюдь не какое-либо рациональное понимание таин Божиих, возвещаемых в богослужении, а необходимость даже хотя бы простого слухового восприятия возвещаемого.

«Вера от слышания», говорит Апостол (Римл. 10,17). Чтобы проникать в тайны веры, необходимо прежде всего слышание возвещаемого. Воспринимая слова, носящие огненную печать Духа, и повторяя их, мы таинственно приобщаемся Самому Духу. И все наше богослужение по своему изначальному замыслу стоит под законом Логоса, носит характер духовной и «словесной» службы. «И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гусях? И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите?» (I. Кор. 14,7-9).

По большей части молчаливое, пассивное участие мирянина в церковных службах в наши дни является знаком угрожающим. Оно может быть признаком внутреннего умирания литургического благочестия народа — несмотря на внешнее благолепие, и даже пышность служб. Оно может также носить в себе взрывчатый материал для каких-либо литургических революций. Крайний консерватизм в церковной жизни и новаторство являются часто лишь двумя противоположными сторонами той же самой монеты.

Как раз это мы видим в наши дни в римско-католической церк-

ви. Можно быть разного мнения о культурной ценности латинского языка как единственного языка западной литургии в течение больше одного тысячелетия. Только ведь в наши дни господство этого языка стало серьезно шататься. Ясно одно. Совершенство литургии на этом языке, например, в германских странах совершенно недоступно для народа, не могло не содействовать общему разрыву между алтарем и народом, действительно совершившемуся в средние века и послужившему одной из причин сегодняшнего отчуждения широких кругов христианского мира от Церкви и от Христа. Лишение народа живого участия в литургии в средние века на Западе, несомненно, также сильно содействовало возникновению реформации и этим самым и конфессиональному разделению христианского Запада.

В протестантском и католическом мире теперь ищут выход из создавшейся там веками ситуации, прибегая часто к различным богослужебным «экспериментам». Но надо спросить, дозвоительно ли вообще в этой области — перед лицом Божиим — по настоящему «экспериментировать». Несомненно, и мы, православные, нуждаемся в литургическом возрождении и обновлении. Но не к «литургическим экспериментам» должны мы стремиться, а к живой и полной литургической жизни. И не православная наша литургия сама нуждается, собственно, в обновлении, а мы — православные люди нуждаемся в постоянном действенном обновлении ею.

Такое возрождение литургическое должно быть внутренне связано с обновлением всей духовной жизни нашей через возрождение сакраментальное и библейское, евангельское.

В первую очередь, мы должны глубже сознавать неразрывную связь между литургией и Причащением. Можно ли постоянно обижать Хозяина — Небесного Царя, — присутствуя по Его приглашению на Его вечере, а вместе с тем, отказываясь приступить к Его Трапезе, чтобы вкушать ту Чашу Жизни, которую Он нам предлагает? — Этот вопрос со всей резкостью ставит нам не кто иной как великий Златоуст (Бес. 3-я на посл. к Еф.). Только через наше таинственное, но действенное соприкосновение ко Христу Распятому, Воскресшему и Вознесенному и соединение с Ним — наше участие в богослужении становится действительно светом просвещающим и силою, обновляющей всю ежедневную жизнь нашу. «Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода», говорит нам Христос (Иоанн. 15, 5); а нам нужно верить слову Его.

Сакраментальное возрождение далее означает, что мы все, и пастыри и паства, должны снова осознать ту страшную ответственность, которая связана с пастырским служением и особенно с совершением Таинства Покаяния. Должны мы как-то снова почувствовать спасительную силу этого Таинства как предстояние перед судом Самого Бога. Формальное отношение к исповеди является одним из самых тяжких и, к прискорбию, в наше время очень распространенных грехов. Мы должны снова видеть в этом Таинстве «лечебницу», где нам предлагается действительно благодатное лечение греховных недугов, чтобы мы больше не возвращались к ним, где нам предлагается возможность новой и, несмотря на все немощи наши, святой жизни перед Богом.

И наконец, а вместе с тем прежде всего, нам нужно постоянное обновление через жизнь с Священным Писанием, через контакт с живым словом Божиим, с словом и личностью Иисуса, Сына Божия, как о Нем свидетельствуется в Евангелии. И надо нам провести строгую черту грани между ценностями временными и вечными. На одной стороне — Евангелие и исповедание веры Церкви, засвидетельствованное великими Отцами, а на другой — все наши людские домыслы и легенды, а также и, может быть, весьма ценные идеи и прозрения наших великих мыслителей и поэтов.

Было бы совсем неправильно свести весь вопрос о нашем современном церковном возрождении к второстепенной проблематике того или иного «стиля» церковной жизни, будь то старотрадиционного или же какого-то нового, русского или же византийского или еще какого-нибудь иного. Церковь, конечно, не может жить одним романтическим подражанием русскому или же византийскому прошлому. Наше призвание не в взыскании какого-то сказочного, но когда-то погибшего града Китежа. И Церковь просто не может закрывать глаза перед реальностью сегодняшнего дня. Как раз жизнь среди этой действительности, вполне сознательно секуляризированной действительности наших дней, является тем положительным заданием, которое Бог сегодня возложил на нас. Именно среди такой действительности Церковь должна сегодня вполне сознательно и свободно, радостно и дерзновенно приносить Творцу «жертву хвалы», «поклонение в Духе и истине» — через Свою веру и Свое богослужение и через вседневную жизнь Своих членов. И наконец,

нам, православным, надо будет заботиться о том, чтобы мы, из-за пугливости и нерадения, не зарывали данный нам талант в землю. «Помни, что ты принял и слышал, и храни и покайся», — слова из Откровения Иоанна (3,3) к христианам Сардийским относятся сегодня к нам.

Вопрос только в том, где нам искать и находить источник вдохновения и правильные образцы для нашего всестороннего духовного обновления: в секуляризованном мире, окружающем нас, или же, прежде всего, во внутренней динамике Церкви и Ее вечно живом предании о Христе? Вопрос этот стоит сегодня во всей остроте перед совестью нашей. Это и есть вопрос о нашем православном призвании и нашей неверности или же верности ему. Рассуждать о нем можно еще много. Но, конечно, рассуждать одно, а реально осуществлять в нашей жизни наш долг верности — хотя бы постепенно, хотя бы в области богослужения — несоизмеримо труднее. На это дело будем просить помощи у Христа.

Прот. Георгий СЕРИКОВ

КАК БОГ ПИСАЛ БИБЛИЮ, КОГДА ОН ЕЕ ПИСАЛ, ОКОНЧИЛ ЛИ ОН ЕЕ ПИСАТЬ ?

(окончание *)

Если в мире, в людях, в Церкви нет невидимого, неосязаемого, трансцендентного, вне-эмпирического, таинственного Духа, тогда мир есть только бессмысленная материя и мне, с моим сознанием, с моей жаждой истины, любви и красоты не место в этом мире, и я пускаю себе пулю в лоб. Дух Божий живет не в книжке Библии, а в сердцах людей, пишущих Библию и переводящих ее на разные языки, устанавливающих ее «Канон» и ее интерпретирующих. В этом взгляде сказывается наше духовное отношение к Библии, а не наивно-формалистическое, которым грешат сектанты. Сектанты, начетчики и буквоеды делают из Библии, из книжки идола! Отвергая Церковь и церковное живое Предание, сектанты отвергают действие Духа Божия в мире. Называя себя «духовными христианами», они на самом деле отвергают Дух Божий, живущий в Церкви. Я верю тому, что написано в Библии не потому, что это написано в Библии, в книжке, и не потому, что книга Библия святая сама в себе, магически, но потому, что я верю в Церковь, церковное Предание и в Духа Божия в нем таинственно пребывающего и его освящающего. То что я сейчас говорю так же отличается от сектантского, формалистического и наивного отношения к Библии, как в астрономии точка зрения Коперника отличается от точки зрения Птолемея: христианам нужно понять, что вокруг чего вращается — духовное Предание вокруг книги Библии или наоборот! Христианам должно понять, что записанная Библия есть часть огромной духовной системы, необъятной, неопределимой и таинственной, именуемой Церковью. Это Церковь, церковное Предание создало Библию, а не наоборот. Нет никакого религиозного духовного основания предполагать, что Церкви не было до появления Библии, и что жизнь Церкви прекратилась после того, как она зафиксировала Канон Священного Писания. Этот Канон, как мы видели, Церковь фиксировала постепенно, с течением истории, а не сразу — как думают буквоеды сектанты.

*) См. «Вестник» № 91-92.

Дух, а следовательно, жизнь Церкви, есть движение, рост, эволюция, а не окаменелость, не мумификация. Эволюирует, развивается в мире не только лишь все органическое, естественное, но также и душевное и духовное. Эволюирует и развивается религиозное сознание, и это не потому, что эволюирует и изменяется Бог — Дух, а потому, что Бог-Дух действует во времени и пространстве. В этом тайна творения Богом мира: вне-временный и внепространственный, всесовершенный и абсолютный Дух выходит из Себя, из своей абсолютности и творит то, что находится вне Его. Творение Божие, связанное со временем и пространством, призвано к возрастанию от славы в славу, к приближению к Богу и совершенствованию и преображению. И в откровении Богом Себя людям наблюдается последовательность и путь. «Многочастно и многообразно Бог, глаголавший во пророках, н а п о с л е д о к д н е й говорил в Сыне Своем» (Евр.) Последок дней, о котором говорит автор в Послании к Евреям, подразумевает последовательность. В эпоху Авраама человечеству открылось не все то, что потом открылось при Моисее. А «Книга Закона», «обретенная в храме» при царе Иосии — как об этом наивно, антропоморфически сказано в книге Царств (IV Царств, XXII,8-13 и XXIII, 2...4,5), была новым откровением Божиим, данным ветхозаветной Церкви. Девтеро-Исаия расширяет то, о чем писал древний пророк Исаия в VIII-VII веке, а пристер-кодекс, созданный после плена, говорит о вещах еще более совершенных. Христос, Сам возраставший и укреплявшийся Духом (Лк. 2,40), выйдя на проповедь в 30 лет, в о с п о л н я е т, и даже очень резко, учение фарисеев и талмудистов, а апостолу Павлу открывается нечто не ведомое еще людям, помнящим Слова Господни («Логии»).

Жизнь Церкви идет, и на Вселенских Соборах «Духу Святому и нам изволилось» постепенно определять и формулировать то, что сообразно нашему времени и развитому в нас (т. е. в Церкви) религиозному сознанию.

В Новом Завете то, что было дано полностью при самом Боговоплощении в I веке, объясняется и интерпретируется в Церкви на языке позднейшей философии, философии, современной последующим векам. Христос, хотя при самом рождении был Богом и человеком, но **христологические** догматы осмысливаются и определяются лишь на протяжении последующих веков. Бог Дух Святой извечно был во Святой Троице, вместе с Отцом и

Сыном, но это уясняется постепенно в христианской **пневматологии**.

Божия Мать стала той, какой она была уже со дня Благовещения, однако **мариология**, т. е. осмысление значения Богородицы в деле нашего спасения, развивается в истории на протяжении последующих поколений людей.

Новозаветный **Канон** Священного Писания устанавливается в Церкви еще позднее — лишь в конце V века! Это нужно особенно заметить для сектантов, признающих лишь Священное Писание и умаляющих значение Священного Предания. Сектантов смущает почему-то, что постановления Соборов, догматические определения и формулировки, разные канонические правила и обряды появлялись в Церкви постепенно, будто этим умалялась их ценность. Но сектантов нужно спросить, почему же они, не признавая постановления, например, I-го Вселенского Собора (об единосущии) или постановления II-го Вселенского Собора (о Святом Духе), т. е. соборов IV века, почему, не признавая догмата о Богородице, формулированного в 431 году, они не смущаясь признают Новозаветный Канон Священного Писания, который был определен еще позднее, т. е. лишь в конце V-го века, да и не всеми бесспорно! Еще в VII веке папа Григорий Великий (†604) считал написанным апостолом Павлом апокрифическое Послание к Лаодикийцам, и это апокрифическое Послание содержалось в многочисленных манускриптах Вульгаты. А Послание к Евреям до IX-X века отсутствовало во многих западных манускриптах. Книга Апокалипсиса на Востоке очень долго не считалась канонической и по сих пор, уже признанной канонической, она как и Песнь Песней не читается на богослужениях. Как позабыть, что сам Лютер, в XVI веке, а за ним и другие реформаторы выражали сомнение относительно Послания к Евреям, Посланий Иакова, Иуды, Петра и Апокалипсиса, и это им в ответ Тридентский Собор (1546 г.) подтвердил Канон в 27 книг Нового Завета! (Лютер, между прочим, не стеснялся называл Послание ап. Иакова «соломенным», т. е. по-видимому, таким, которое легко и безвредно для христианства можно было бы сжечь на огне!).

Принципиально, духовно нет никакого основания думать, что Духом Божиим человечеству (т. е. Церкви) не могут быть открыты и явлены в новые времена еще новые мысли, приближающие ее сознание к Непознаваемому.

Православная Церковь признает Священное Писание (Библию) за бесспорный, выше всего стоящий, святой авторитет. Всякие человеческие верования и мысли, имеющие появиться в истории, должны быть проверены на основании Священного Писания. Эти верования и мысли, если они будут противоречить Священному Писанию, не смогут быть признаны Церковью за истинные. «Слово Божие» (Библия) для Православия так свято, авторитетно и ценно, настолько «пачкает руки», что к нему следует относиться с особым благоговением, и нельзя его трогать запачканными (в нашем смысле слова) руками, запачканными относительно и превратностью нашего времени. Но это не должно быть понято законнически и формалистически. Святой текст Священного Писания, установленный Церковью, хотя и не может быть изменяем по любви к Церкви в ее **прошлом**, но нет никакого — ни религиозного, ни богословского, ни морального основания думать, что святой текст Библии не может быть переведен на разные языки, т. е., объясняем, интерпретируем и применяем к разным эпохам, к разным стадиям религиозного развития — по любви к Церкви в ее **настоящем и будущем**.

Евангельское сравнение Истины (Царствия Небесного) с зерном, для нас является в отношении к Слову Божию очень поучительным: хотя ни дерево, ни его цветы, ни его плоды внешне не похожи на зерно, из которого они произошли, но в сущности они — то же самое. Слова Апокалипсиса о том, что от написанного в нем нельзя ничего ни убавить, ни прибавить (Апо. XXII, 18-19), не должны быть поняты формалистически. Эти слова предостережения имеют в виду педагогическую заботу автора. Сектанты, отвергающие Свящ. Предание, как все то, что не записано в Слове Божием, ссылаются на слова Апокалипсиса, где говорится, что ничего к написанному в Библии не должно ни убавлять, ни прибавлять. Но в опровержение сектантского буквөөдства, нужно вспомнить, что в книге Второзаконие имеются аналогичные слова: «Не прибавляйте к тому, что я заповедаю вам, и не убавляйте от того...» (Второзак. IV, 2). Однако, несмотря на эти слова Закона Моисеева, автор Апокалипсиса счел возможным через много веков написать и свое Откровение и свои Послания и свое Евангелие. Следовательно, Священное Писание может быть восполнено позднейшими откровениями Святого Духа Церкви!

Слова Апокалипсиса вовсе не являются особенностью одного из авторов книг Священного Писания и, поэтому, сами по

себе вовсе не свидетельствуют об исключительном значении только данного текста Библии. Эти слова написаны в духе и обычаях эпохи, когда не почиталось за преступление изменять и искажать тексты каких бы то ни было «писаний». Так например, укажем на аналогичную Апокалипсису приписку автора апокрифической книги Псевдо-Еноха, который свою книгу заключает следующим грустным предчувствием: «теперь я знаю... что грешники изменят и исказят весьма мое слово истины...» (С IV, 10-11).

Слова Апокалипсиса о том, что не должно к Священному тексту что-либо прибавлять, подобны педагогической заботе, какую имеет учитель в классе, веля детям выучить только то, что он им преподавал. Если дети будут, каждый от себя, вносить «отсебятину» в заданные уроки учителя, то получится Бог знает что; и никакого единого, объективно-школьного учения не выйдет. Так получится и в религии, если общецерковное учение каждый еретик или сектант начнет корректировать или дополнять по своему. Во избежание подобной «отсебятин» и сектантства, церковные писатели предостерегали людей от произвольных сокращений и прибавок. Но когда люди перестают быть школьниками, кончают школьное обучение, поступают в университеты и сами делаются учителями, когда в дальнейшем эти учителя устраивают ученые собрания и советы, и конклавы, и академические совещания, когда совместно обсуждают проблемы жизни, то им часто приходится видоизменять или, лучше сказать, объяснять и интерпретировать то, что формулировалось их отцами и дедами. Так и Библия на протяжении истории ее составления постоянно корректировалась и переводы ее уточнялись. Делалось это, конечно, не сектантски самомнительно, но **с о б о р н о**, любовно, в согласии с голосом всей Церкви, т. е. с голосом Духа Божия, живущего в ее полноте — **плироне**. **Дух Божий** — нужно это утверждать со всею силою — **прежде всего, сказывается в соборности, т. е. в любви**. Было бы нелепо и горделиво утверждать, что действие Духа Святого нужно искать, в первую очередь, вне соборности, вне Церкви, а где-то на стороне у отдельного человека, в секте, в среде мнимого «качества». (Сектанты любят говорить, что важно не количество, а качество, предполагая при этом, что качество — это они, а огромное количество — это Церковь!)

«Дух дышит, идеже хочет», и бывают случаи, когда устами отдельного человека Он учит всю Церковь. (Так бывало иногда

с пророками, с духовными вождями, с учителями Церкви. Так было с Афанасием Великим, с Максимом Исповедником, с новаторами церковными и реформаторами, протестовавшими против человеческой окостенелости и старообрядчества, но это лишь исключения; нормальный же путь действия Святого Духа есть путь любви и уважения к коллективу, к Церкви. «Где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди них». И если брат твой согрешит против тебя — говорит Спаситель — то сперва скажи ему одному. Если не послушает, позови двух или трех свидетелей. А если и их не послушает, то призови всю Церковь. (Мт. 18, 15-17).

Основание Христом Новозаветной Церкви есть необычайно важный духовный факт, начатый с избрания апостолов и освященный в день Пятидесятницы, когда Дух Святой вложил в людей внимание друг ко другу и способность одному человеку понимать другого, несмотря на иноприродный каждому человеку язык. Можно утверждать со всею категоричностью, что всеобщность, универсальность чего-нибудь есть верный признак истинности. То, что всем нужно и полезно («*Quod semper, quod ubique, et per omnibus creditum est*») т. е. то, что касается всей Церкви, то именно и любо Святому Духу, который есть Дух любви и единства.

Всякий универсализм ближе к истине (т. е. к Богу), чем партикуляризм и обособленность. Церковное, «соборное» ближе к Истине, чем индивидуальное и сектантское.

Православие признает Библию «Священным Писанием», «писанием богодухновенным», «Словом Божиим», но что это значит? Значит ли это, что Бог Сам сел за стол, взял бумагу и чернила и написал нам Библию?

В духе подобного наивного антропоморфизма написаны некоторые страницы самой Библии, где говорится, например, о том, как Бог гулял среди деревьев Рая во время прохлады дня (Быт. III,8) или, как Он завтракал под дубом Мамврийским около шатра Авраамова (Быт. XVIII, 1-8). Но этот библейский антропоморфизм, даже три тысячи лет тому назад, вряд ли был понимаем буквально, а в наше время такое буквальное понимание свидетельствовало бы уже не о наивности, а о слабоумии.

«Авторство» Божие по отношению к Библии есть действие благодати Божией на устных и письменных авторов Библии, точнее сказать, действие благодати Божией на Церковь, которая в

потенции есть все человечество, ибо Бог хочет, чтобы все спаслись и Он открывает свою волю всему человечеству в его прошлом, настоящем и будущем.

В заключение мы остановимся на православном учении о синергии, необходимом для уяснения того, что есть Слово Божие.

Бог создал Адама по Своему образу и подобию, т. е. вложил в него нечто от Своего Божества. Человеческая свобода и связанная с нею возможность творчества является бесспорно одним из тех существеннейших качеств, которые делают человека богоподобным. Адам призван «давать имена» вещам мира, т. е. их осмысливать и организовывать. Адам призван быть «садовником» Рая, насажденного Богом, т. е. быть его устроителем и попечителем. Адам призван «владычествовать» над природою, за ней ухаживать и помогать ей совершенствоваться (Быт. 1,26, II,15, 19,20).

Адам есть помощник и сотрудник Богу в мире. (Учение о творческом значении человека развил прекрасно большой русский философ Н. Ф. Федоров (см. Общее дело)).

Человек-Адам есть не только вершина творения, но он есть и его средоточие. Человек в себе содержит весь мир. Он есть микрокосм. Адам занимает срединное положение между Творцом и творением, имея в членах своего тела природный мир, а в своей душе образ Божий и его Дух. Человек есть существо духовно-телесное, и в этом его медиумическое положение. Бог действует и открывается миру через человека благодаря причастности его к двум мирам — миру горнему и миру дольнему. Софийность мира, его извечная Премудрость и сила, и красота, и слава вложены в мир, может быть и независимо от человека (хотя и не независимо от «человечности», не независимо от «богочеловечества», которое предвечно), но познаются они человеком, находятся в онтологической связи с богочеловечеством. (Рим. I,20): божественная София-Премудрость выражается в мире устами человеческими, на языке человеческом. Это через Адама-человека Бог выражает Свою волю. Поэтому Слово Божие в мире только и может быть словом человеческим. Невидимый, вездесущий Дух материализуется и воплощается не через ангелов (ибо они бесплотны) и не через животных (ибо они не духовны), а через единственное двухприродное существо — человека. Поэтому откровение Бога миру б о г о ч е л о в е ч н о. А точ-

нее говоря, оно и возможно только благодаря премирному и надмирному богочеловечеству, лежащему в основе творения Богом мира. Адам есть не только творение Божие, несущее в себе все свойства этого факта сотворенности его Богом, но, вместе с тем, Адам есть друг Божий, т. е. Его другое «Я», сотворенное Им, ради которого, ради воплощения в которое, по слову преподобного Максима Исповедника, человек и был создан. Слова Христа «Вы — друзья Мои» не новы, они лишь реабилитируют человека в его человеческом, богочеловеческом достоинстве.

Человек есть «друг Божий» не только в отношении к природному миру, он сотрудничает с Господом и в деле собственного спасения, на пути к собственному преображению и воскресению: Бог спасает человека не помимо его собственной воли на это. Это-то участие человека Богу в деле собственного спасения и называется с и н э р г и е й (сотрудничеством). Когда мы говорим «Бог сказал» или «Бог повелел» или «Бог написал», это значит, что сказал это, повелел или написал Бог устами, руками или совестью человека. «Слово Божие» есть слово человеческое, отражающее вечную Истину и совершенную божественную Любовь. Представление об этой Истине и Любви живет в сердце человеческом, в сердце Адама, т. е. в Церкви, с тех самых пор, как человек был создан в полноте, т. е. когда Бог, вдуввши сперва в человека «дыхание жизни», наделил его потом Своим образом и подобием. Церковь ведет свое начало от Рая. Адам и Ева, беседовавшие в Раю с Богом, и представляют собою **всю Церковь**. Церковь в своем идеальном определении и есть **всечеловек, андрогин-Адам, т. е. всечеловечество**.

Но так как человек-Адам пал и в человеке-Адаме совершилось, трагическое разделение, и в первоначальную гармонию врезался диссонанс, то не все в человеке-Адаме сохранило первоначальную печать «добро зело»: в человеке-Адаме, т. е. в Церкви, вместе со злаками народились и плевелы. Первоначальная, софийная «Невеста Христова» — Церковь прославленная, приобрела и другой аспект, другое состояние «Церкви воинствующей», борющейся за отделение в ней злаков от плевелов. В Адаме-Церкви не все божественно, не все идеально. И не все слова, и не все дела Адама-Церкви воинствующей безгрешны. Кроме абсолютного, в ней уживается и относительное. Не все слова, сказанные падшим Адамом, т. е. Церковью воинствующею, бывают адекватны Слову Божию, которое произнес бы Адам-Церковь до грехопадения. В этом трудность.

Мы должны научиться различать вечное от временного и богочеловеческое от греховного. И это — не где нибудь, а в душе, в совести, которая есть поле битвы, где, по слову Достоевского, Бог с дьяволом борются. Человеку нужно распознать, что в нем есть голос Божий и что есть голос дьявольский. Человеку нужно распознать, что в нем есть истинное, вечное, прекрасное божественное, и что — временное, относительное, греховное. Сердце человеческое таинственно содержит в себе критерий истины. Но сердце не индивидуальное, не сепаратное, не эгоцентрическое, а сердце любовное, солидарное, соборное, вселенско-католическое, сердце, находящееся в согласии, в симфонии с другими сердцами, т. е. сердце Церковное.

Это мое сердце в соборности с другими сердцами и есть Церковь Божия. Это мое сердце, в соборности с другими сердцами решает все вопросы жизни, определяет авторитеты, диктует моральные законы и заповеди, пишет и толкует Библию. **Слово Божие не падает к нам с неба, а диктуется общецерковной, общечеловеческой, соборной религиозной совестью, живущей в моем сердце.**

Ограничение Слова Божия Канонам Священного Писания нужно было Церкви не позитивно, а так сказать негативно, для ограждения от откровений сомнительных, неясных, поэтически-легендарных (от апокрифов). Позитивно Слово Божие не может быть ограничено никакими канонами, оно не вмещается ни в какие временные, человеческие рамки и каноны, ибо Оно есть Жизнь и вневременная Истина.

Об этом хорошо свидетельствует **неоконченность** Книги Деяний Апостольских, или книги Деяний Святого Духа — как ее верно называют Отцы Церкви. Эта неоконченность говорит о том, что жизнь Церкви, движимой Святым Духом, еще продолжается, и мы **все** ее творим, мы все, члены Церкви, пишем книгу деяний Святого Духа, которая будет закончена, когда прекратится время. Тогда и закончится писание Библии.

В дополнение к словам автора Апокалипсиса, предостерегающего Откровение Божие от субъективных, еретических и сектантских приписок и толкований (XXII,18), необходимо указать на слова того же автора Апокалипсиса о запрете ограничивать безграничное действие в Церкви Святого Духа, о запрете накладывать печать на уста пророков, говоривших и имеющих гово-

рять в будущем то, что им велит Бог. Вот эти слова Тайновидца: «Не запечатывай слов пророчества книги сей» (XXII,11)... ибо не все еще кончено, не все еще записано и жизнь продолжается. Поэтому: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще и святой пусть освящается еще», поэтому Господь и говорит: «Отец Мой доныне делает и Я делаю» (Ио. V,17).

А когда ученики Христовы печалились, предчувствуя близкую разлуку с Учителем, то Он их утешал и говорил о послании им Другого Утешителя, Духа истины, который наставит их на всякую истину и научит всему» (Ио. XVI,13, XIV,26).

«Царь Небесный, Утешитель, Дух Истины! Ты везде и все Собою наполняешь. Ты источник жизни и всякого блага. Приди, благой Господи, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси нас!»

М. ФОРТУНАТО

СВ. БЛАЖЕННАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА

† 969 — 1969

Девятый и десятый века в истории славянских народов были веками их обращения в христианскую веру. Сегодня в славянских странах, с большим или меньшим торжеством, иногда и вопреки внутренней оппозиции, отмечаются тысячелетние юбилеи. В прошлом году происходили торжества 1000-летнего юбилея христианской Церкви в Польше. Этим юбилеям уделяет особое внимание ученая литература, указывая на культурное значение обращений; эта литература особенно обогатилась за последние годы в связи с недавним 1100-летним юбилеем просветительного дела свв. Кирилла и Мефодия.

Наш русский юбилей еще впереди; надо верить, что к 1988 году русская общественность должным образом отметит 1000 лет своей христианской веры и своей культуры. Этого требует наше культурное предание. Но хотя еще рано готовиться к празднованию годовщины «крещения Руси», другой, немаловажный юбилей нам следует отметить в нынешнем году: тысячелетие кончины блаженной княгини Ольги. По преданию, она скончалась 15-го июля 969 г., и в этот день Церковь ежегодно празднует ее память.

По некоторым историческим данным, обращение в Православную веру в нашей стране подготавливалось постепенно. Можно думать, что первое крещение «Руссов» имело место во времена патриарха Фотия и славянских первоучителей, еще за 120 лет до официального «крещения Руси» при Владимире святом. За эти 120 лет Киевская Русь постепенно приобщалась к Откровению, не без сильной внутренней оппозиции; она переживала муки рождения новой веры; она то освящалась новыми своими праведниками, то бушевала предсмертными судорогами воинствующего язычества. Одним из светлых звеньев этого бурного процесса явилась княгиня Ольга.

Вот как описывает ее смерть летописец:

«В 969 г... Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки, и все люди. И понесли и похо-

ронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — этот и похоронил Ольгу» (русский перевод).

«Сын ее» — это князь Святослав, отчаянный воин, гениальный завоеватель, язычник, отклонявший увещания матери принять ее христианскую веру под предлогом, что «дружина моя станет насмехаться».

«Внуки» — это Олег, Ярополк и Владимир, получившие воспитание от самой Ольги, пока отец их, Святослав, воевал вдали от дома. Первые два внука, умершие в 977-ом и 980-ом гг., по-видимому, склонялись к христианству. Владимир же отдал почти двадцать лет своей жизни язычеству, пока не пришел к убеждению о превосходстве Православной веры, не крестился и не крестил Киевскую землю.

Ольга была похоронена на «открытом месте», подобно тому, как и мы хороним наших покойников на кладбищах, а не так, как обычно погребали язычники, насыпая курган над могилой. Ни кургана Ольга не хотела, ни тризны, т. е. языческого обряда, так как — подчеркивает летопись — она «имела при себе священника», который и совершил над ней христианский обряд погребения. Этот новый, идущий против исконных словянских обычаев ритуал скрывает сравнительно редкий в те времена подвиг веры «благоверной княгини», правительницы языческой страны, почти двадцать лет стоявшей у власти — от смерти мужа (кн. Игоря, ум. 945 г.) до совершеннолетия сына (964 г.).

Повесть Временных Лет сохранила об Ольге несколько красочных легенд, выявляющих редкие черты ее богатой натуры. Ее характер отличался, как будто, и даровитостью и большими крайностями. Превосходный организатор своей территории, она бывала коварна и злопамятна к врагам, убийцам мужа; известны ее страшные четыре мести против Древлян. Известна и ее словесная находчивость в Константинополе, где она будто бы перехитрила («переключала») самого императора. Все эти известия мастерски переданы летописцем в легендарной, анекдотической литературной оболочке; и если в букве этих рассказов можно иногда и сомневаться, то дух их, без сомнения, точно передает природные черты личности княгини Ольги.

Но вот происходит нечто до тех пор не бывалое: княгиня, прославившая в свое время как «мудрейшая всех человек», при-

нимает крещение, становится христианкой. Ее «мудрость», служившая ей прежде в подавлении врагов, в дипломатических сношениях с зарубежными государствами, теперь помогает ей взыскать Православную веру. На это указывает любопытнейшая реплика Владимировых бояр, соглашающихся принять в 987 г. «закон греческий», т. е. Православную веру из Византии: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его баба твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». После смерти Ольги-христианки христианство в киевской Руси отошло снова в тень, хотя не надолго. Но зерно было посеяно, пример был показан: ему последует креститель наш, св. кн. Владимир. Вот как отзывается о подвиге блаженной княгини Ольги летописец:

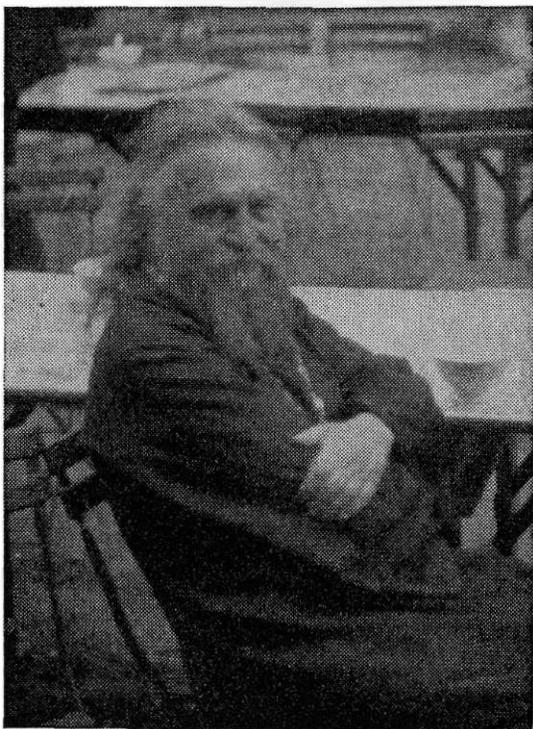
«Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла; как луна в ночи, так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты св. крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа».

«Мы же взываем к ней: «Радуйся русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в Царство Небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она за Русь».

К 25-летию смерти о. Сергия Булгакова

† 13 июля 1944 г.

Двадцать пять лет прошло со дня смерти нашего учителя, отца, вдохновителя и друга Сергея Николаевича Булгакова. Мы счастливы, что Бог дал нам жить вместе с этим исключительным, огромного значения человеком — гигантом христианской мысли, православным пророком.

О. Сергий Булгаков на Съезде Р.С.Х.Д.

Лишь пройдя большой жизненный путь, побывав «в стране далекой» (Лк. 15,13), отец Сергий пришел к священству и в священстве обрел себя, вернулся в свой родной отчий дом. Священство для отца Сергия было частью его личности (он любил напоминать о своем «левитском» происхождении). И священнодействие было для него тем воздухом, без которого он не мог уже жить, той духовной почвой, которая роднила его с живым Преданием Церкви Христовой.

Тем не менее, несмотря на свое священство (традиционное левитство), он был пророком в равной, если не в большей, мере, чем священником.

Хотя в своей мистической глубине пророчество не может быть противопоставлено священству, как нечто контрадикционное, ибо если дары различны — «одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, иному вера... иному пророчество», — то все же исходят они от одного и того же Духа (1 Кор. XII, 4-11). Однако пророки в жизни не всегда уживались с левитами и, к сожалению, это не один лишь Вефильский священник Амасия, выгоняя Амоса из Израиля, сказал ему «уходи от нас прочь и больше не пророчествуй!» (Амос VII, 12-13).

Если в существе своем взаимоотношение между установленным в религии Священным Преданием (носителями которого были жрецы) и спонтанным проявлением Духа, Который дышит «идеже хочет» (и Который говорил через пророков), не могло быть противоречивым, однако внешне, в истории, это взаимоотношение часто сохраняло свою антиномичность и в своем отечестве пророки не признавались! (Лк. IV, 24). На эту историческую антиномичность указывает библейское выражение «Закон и Пророки», употребляемое и Самим Христом (Мф. VII, 12), которое, имея в виду, конечно, не два, но в существе своем один и тот же источник откровения Божия, говорит о двух сторонах его.

Очевидно, так уж и должно быть, что в мире падшем, лежащем во времени, «Закон и Пророки» живут в раздвоенности, как две Платоновских половины. «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре, но не грусти... разлука не долга!..» Там, где времени больше не будет, в той Любви, широкой, как море, надеемся — сольется в полноте своей то, что не вмещается покуда в земные временные берега! (А Толстой). Ибо — «мужайтесь, Я победил мир!»

Трагедия мира в его распадении. Трагедия твари, ее слезы и стенание, ее совокупное мучение (Рим. VIII, 22,23) в том, что вечное разделено со временным, духовное с материальным, религиозное со «светским», мирским.

Бог и мир, Вечное и временное — вот проблема всей жизни и богословия о. Сергия. Озабоченность этой проблемой делает о. Сергия актуальным и дорогим для всех надеющихся на вожделенное и предопределенное **единство** всего во всем (Рим. VIII,

16-39), где будет «празднующих глас непрестанный и неизреченная сладость зрящих Господнего лица Красоту неизреченную» (Василий Великий).

О. Сергей был пророком. Он выходил из времени во вне-временное, усматривал во временном, оседлом свободное откровение Духа, и потому-то — это парадоксально — он, как и все пророки, был живым, интересным для времени, говорил на «злобу дня». О жгучих проблемах современности он говорил древним языком Отцов Церкви и Библии. Или, наоборот, можно сказать: о жгучих извечных проблемах он говорил на языке нашей современности. Как всякий пророк, он был не только в прошлом и не только в настоящем, но и в будущем, вернее, в вечном. Религиозная онтология увенчивалась христианской эсхатологией.

Разделение «духовного» и «материального», кажется нам, достигло в наше время своего апогея: материализм совершенно откровенно и цинично заявляет о своей раздельности с миром духовным. Секуляризацией проникнуто все наше бытие и социально-политическое, психологическое и даже религиозно-философское. На сепаратность и несвязность одного с другим указывают темы нашего времени: «Наука и Религия», «Церковь и Государство», «Божье и человеческое», «Средневековье и Гуманизм», «Вечность и Время», «Творение и Эволюция», «Светская культура и Церковь», «Творец и Тварь»... Значение о. Сергия в том, что, учитывая всю антиномичность проблемы, он разрешает ее трагическую несвязность и отчужденность (*aliénation*). Он на полвека опередил проблематику, над которой мучились Бультманы, Барты, Тиллихи, Робертсоны... И Тейяр-де Шардена никто не назвал бы новатором, если бы когда-нибудь читал то, что задолго до него писал о. Сергей.

«Новаторство» и «модернизм» суть слова бранные для многих церковных людей, которые видят в модернизме некое умаление извечных традиционных истин. Всякое новаторство их пугает и однозно для них, как «протестантизм». Хотя, по правде сказать, модернизм и протестантизм суть вещи вполне «законные» в религии, которая претендует на жизненность и вечность. История мира, история веры и мировоззрений еще не кончилась. Эпохи во времени сменяются одна другой, и нет никакого основания предполагать, что люди прошлого ценнее, чем люди настоящего и будущего. *Sub specie aeternitatis* Божественные откровения восьмого века до Рождества Христова так же нужны, как отк-

новения века 8-го или 18-го или 28-го по Р.Х. Кроме того, язык, на котором эти откровения выражаются, постоянно меняется. Постоянно меняются мехи, в которые вливается извечное Божественное вино. И по воле Божией, новое вино не должно вливать в ветхие мехи (Мф. IX,17). Иисус Христос, несмотря на Свою неразрывную связь с Ветхим Заветом (Мф. V,18), был вместе с тем «протестантом» и «модернистом»! Указывая на Свое постоянное творчество в мире, Христос говорил: «Отец Мой донныне делает и Я делаю» (Ио. V,17). Субботство «восьмого дня» еще не наступило, и нет никакого богословского основания предполагать, что оно вообще когда-нибудь настанет.

Для нашей разорванной на части современности необычайно важно такое явление, как о. Сергей. Он не только в своем богословии, но и в своей биографии показал о возможности синтеза инородных и будто бы противоречивых вещей. Так необычайно важно и радостно знать, что в личности о. Сергия совмещался компетентный социолог-экономист с богословом; русский интеллигент XIX века совмещался со священником религиозного Ренессанса; человек светской культуры — со служителем алтаря, молитвенником; человек, ходивший «ножками по земле», наполненной заботами, хлопотами, нуждами, науками, политикой... совместился с заоблачным метафизиком и мистиком. Возможно, что именно эта соединенность в одном лице того, что русским коммунистам и атеистам казалось совершенно не соединимым, и была главной причиной изгнания о. Сергия из нашей разорванной Родины: один комиссар из Чека, высылая в 1923 году о. Сергия за границу, сказал ему: «Вы нам опаснее, чем целая Белая Армия!» К сожалению, идею оторванности Бога и мира носят в себе не только слепые марксисты, но и среди так сказать «верующих» людей, многие заражены дьявольской (*) секуляризацией Божьего и мирского и превратно толкуют слова евангелиста Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире — кто любит мир, в том нет любви Отчей!» (1 Ио. II,15). Нельзя не любить тот мир, который любит сам Бог и ради спасения которого дает Своего Сына (Ио. III,16). Не любить же мы должны тьму и зло мира. «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла».

Мир падший — это тот мир, в котором люди имеют скорбь,

*) Слово «дьявол» происходит от греческого глагола «разделять».

но вместе с тем это тот же мир, который приходил победить Христос и вернуть к Себе как блудного сына (Ио. XVI,33).

Между Богом и миром, между Вечным и временным нет пропасти, хотя мир — это не Бог (пантеизм) и сам из себя не объясним (натурализм)! Сохраняя свою трансцендентность Творца, Бог вместе с тем имманентен человеку и в его лице — всей твари. Это соотношение трансцендентности и имманентности на все времена выражено в Халкидонской формуле по отношению к двум естествам в Господе нашем Иисусе Христе: «неслитно и нераздельно». В предвечном Богочеловеке, — а Богочеловечество не случайно, а предвечно, — человеческое, тварное естество соединено с естеством Божественным хотя и неслиянно, но и нераздельно! И халкидонское богословие (совсем не новое) раскрывает по новому во всем своем титаническом труде величайший русский богослов.

«Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящихся». «Наполнение Церкви Твоя сохрани. Освяти любящих благолепие Дома Твоего». Призови к Себе овец других дворов (Ио. X,16), ибо в Доме Отца Твоего обителей много (Ио. XIV,2). «Да будут все едино» (Ио. XVII,21), и «Бог да будет всяческая во всех... Ибо все из Него, все Им и все к Нему. Ему слава во веки». «Ей, гряди, Господи Иисусе!»

ВХОЖДЕНИЕ ВО ХРАМ СО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕЙ

Неизданная проповедь прот. Сергия Булгакова.

(1943).

Что празднует Церковь как Введение во Храм Приснодевы, Богоотроковицы, каковы сила и смысл этого празднования? Прежде всего здесь воспоминается Ее посвящение Богу чрез вселение в Храм, а чрез то и первое Ее освящение. Родители Ее, святые и праведные Иоаким и Анна, которых Церковь именует Богоотцами, как бы возвращают Богу Чадо, дарованное им в лета старости чудесною милостию Божиею, жертвоприносят Ему свое единственное и дорогое. Вместо жертв подзаконных, крови агнчей и тельчей, здесь приводится в храм Та, в которой проявились вся сила и плод ветхозаветной святости и благочестия. Ради того Бог заключил завет с избранным народом Своим. Вместе с тем здесь приносится Богу высшая жертва любви родительской и дочерней и тем, поистине, совершается исполнение закона и пророков. И младенствующая возрастом отроковица не младенствует духом, Она вольно совершает то, к чему имеет призвание, — Рабы Господней. Она отрекается от мира и всей сладости любви родительской, от утешений очага семейного, Она хочет отныне принадлежать Богу и, в ознаменование того, вводится в храм рукотворный, сама имея чрез то соделаться и Храмом Нерукотворным, Материю Божией, явиться вратами человеческими для вхождения небесного, — Боговоплощения. Она призвана стать Храмом храма чрез освящение Духом Святым, а в Ней и чрез Нее освящается и вся вселенная, — явиться средоточием Града Божия, о котором так поведано Тайнозрителем: «храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель и храм Его, и Агнец». (Откр. 21,22). И все это — начало и конец строительства нашего спасения, предзаложено и заключено в сем небожественном вхождении во храм Богоотроковицы, которую, повинувшись безотчетному велению Духа Святого, с превосхождением ветхозаветного церковного закона и даже вопреки ему, вводит во Святаю Святых первосвященник, свидетельствуя тем о начале Завета Нового, о приближении Царствия Божия.

Как из всякой точки окружности прямые линии ведут к ее середине, так и каждый праздник, свидетельствующий о Боговоплощении, по-своему содержит и всю его целостность, поучает о радостной истине веры нашей, есть ее торжество. Но и не только вероучение содержится в празднике, а и пророчествование с особым молитвенным вдохновением, и его мы призваны в себе раскрывать и осуществлять. И оно относится ко всей нашей жизни, в ее прошедшем, настоящем и будущем. Первее всего, с благодарной памятью о прошедшем, мы созерцаем духовными очами, как в шествии во храм Богоотроковицы, вместе и вслед за Нею, сошествовало и совводилось в него великое множество, тьмы тем людей от всех племен и языков, среди же них и от нашего родного народа, начиная с того времени, как он был призван и озарен светом веры христианской. Путь к ней ведет и чрез ветхозаветный закон, данный избранному народу, и через им созданный ветхозаветный храм, в который вошла и его освятила Собою богоизбранная Отроковица: это есть вселенский храмовой праздник ветхозаветного благочестия. Христианину, размышляющему об истинах своей веры, надлежит поэтому носить в сердце благодарную память о храме Иерусалимском как молитвенном средоточии мира. В молитву же этого праздника посему должно быть включено и молитвенное обращение к Богу о помощи в бедах и о спасении народа, праотцы коего создавали этот храм.

Молитвенная любовь наша да будет обращена к настоящему, к тем, которые и ныне призываются к соучастию в шествии во храм. Если же по благословным винам они в нем ныне отсутствуют, им да поможет и поведет за Собою и вместе с Собою сама Пречистая Богоотроковица. Таково современное человечество, доньше в огромной части еще просвещенное светом веры христианской или же, — к горести нашей, — ее утратившее, от нее отвернувшееся, или же насильственно лишенное этого просвещения. Здесь и мысль и забота наша обращаются прежде всего к народу нашему, нарочито же к юности русской на родине и в изгнании. День сей почитается праздником юношеского движения ко Христу, обращения умов и сердец к вере христианской. Здесь, в изгнании, оно подавало в начале светлые упования. Ныне уже поблекли они от разлагающих влияний нашего времени, его соблазнов и искушений. Однако главная наша молитва да относится к неисчислимым жертвам духовным гонения на веру, которое совершилось на родине нашей. Детство и юность духовно им

опустошены, лишены святыни, ибо не знают ее. Они родились как бы ранее проповеди христианства, для них совершилось событие, нами ныне празднуемое. Они томятся во мраке язычества и жаждут света. Им и нам да поможет в том сама Детоводительница Богоотроковица, да призовет и поведет их за Собою ко храму святому Своему, да совершится духовное христианское возрождение земли Российской. Об этом да возносится наша молитва, с пророчественным упованием грядущего и ясновидением настоящего, ибо призвание Божие, как и дары Божии, верим, остались непреложны. Ведать это ныне есть для нас нарочитый долг и подвиг веры, испытываемой в искушениях. Народ наш издревле носил в себе призвание к святости, и да явит он миру Русь святую, проповедующую ему Евангелие наряду с другими христианскими народами и исповеданиями.

От мысли о своем народе в его ожесточении обращаемся и к этим другим христианским языкам, хотя и разделенным от нас разным исповеданием, но единящимися в любви ко Христу и Богоматери. Да исцелит Пречистая расколы церковные и соединит христианские исповедания в едином шествовании вослед Нея. Далее мысль обращается и ко всему человечеству, к народам, и доньше не ведущим Христа, не знающим Храма Ветхозаветного и Новозаветного, томящимся во тьме и сени смертной. Когда придет час их обращения, и они будут призваны, то и их поведет за Собою Пречистая во Храм Господень, таково наше упование. Не замкнем же и для них и не ожесточим сердца своего, ибо о них обращено в лице апостолов и к нам слово Христово: «шедше научите вся языки».

Наконец, остается еще особый зов и нарочитое пророчество праздника, по силе и значению даже в нем первенствующее, это — молитва о преодолении ожесточения и о спасении в «малом остатке» «всего Израиля», как оно непреложно обетовано великим апостолом языков (Рим. IX-XI). Святейшую Дщерь Израиля в Ее шествии во храм Иерусалимский провождали и его другие дочери, сретал же Ее первосвященник Ветхого Завета. Ветхозаветная церковь встретила Ту, чрез Которую явился миру «свет и откровение языков и слава людей Твоих Израиля», Христос, и она принесла Ему свои лучшие дары, которые приуготовляла в течение многих веков ее существования: богоотцов, богоприимцев, Предтечу Христова, как и тех, кто был избран и призван стать первоапостолами и равноапостольными. Ветхий Завет влился в Новый и преобразился в нем. И однако на путях дальнейших соверши-

лось самое ужасное событие в истории мира; Израиль не принял Христа, отторгся от Него и доныне пребывает в неведении, ожесточении и ослеплении. Шествие во Храм, вслед и вместе с Пречистой, для него остается прервано доныне. Однако великий апостол пророчествовал, «что ожесточение во Израиле произошло до времени, пока войдет полное число язычников (Р. 11,25), ибо «дары и избрание Божие непреложны» (29). И если таково пророчество, то о нем должно быть и молитвенное упование, именно пред лицом ныне происходящего в мире. Христианам надлежит ведать и веровать, что празднование вхождения Богородицы во храм некогда станет вселенским, совершится во всей полноте, Ее молитвою и водительством.

Такова заповедь веры, пророчественно данная созерцанию этого дня, как бы оно ни казалось противоречащим современности. «Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых» (Евр. 11,1). Она да утверждает нас в верности, в твердости христианского упования, в мужестве духовном. Да не отвергнет ныне и нас Пречистая, и да не отлучит по недостойности нашему от числа входящих с Нею и за Нею в храм Господень, в светлой радости праздника Ее вхождения. Аминь.

ПАМЯТИ О. ГРИГОРИЯ КРУГА*)

ТОЛЬКО СВИДЕТЕЛЬСТВО

Отца Григория мы не знали. Прибыл он к нам три-четыре года тому назад для росписи нами же самими воздвигнутого храма. Ждали его — монах и монашки три — как художника Красоты духовной, а увидели в нем также еще и монаха!

Он — из Прибалтики, рода предпринимательского; фамилия его «круглёна» на русский манер; поставлено «г» вместо «к».

Писал он не по свежему, размачивал, — полуфресками, много раз возвращался, дописывал, любил дописывать, дорисовывать. Сам замазывался; разноцветие — на лице, на подряснике, на полу. Не ремесленник, совсем не ремесленник, а мастер, мастер и в первом наброске и в последнем мазке.

Приезжал на два-три дня не каждую неделю; долгими периодами, особенно в зимнее время, не бывал. А, казалось, — в целом росписи был заинтересован! В конце недели было его повинностью быть на клиросе у его старца. Слух имел несовершенный, но гласы в одиночном исполнении усвоил. А читал — в самом избранном монашеском произнесении.

Не много успевал за проезд: разговаривал, раскачивался, дописывал. К новому располагался не скоро, зато появлялось оно легко и чудесно! Монашеская судьба: тело недостаточное, поглощавшее пищу без внимания, но тело претерпения, не усваивающее пищи, пригвождавшее его паче вольной аскезы. Говорил много, если не отъединялся, — внимательно, ищущее у собеседника. Я боялся лишней раз прийти, чтобы не отвлечь от работы. Кроткий, на коротке, никогда — на дистанции.

Надпрестольный образ — Троица Рублевская — набросал и исполнил быстро и к нему уже не возвращался: ему было трудно в потолочном расположении. Зато запрестольный образ — Воскресение Христово — выписывал многожды и тщательно. Предстояло исполнить, по моему нужно-настоятельнейшему влечению, Троицу Софийную! Тут уж было дело другое! В храме резонанс, и наши голоса звучали повышено. Державный новгородский образ! — не откажешь! Но я имел неосторожность, для

*) Написано в виде письма — ответа на нашу просьбу рассказать об отце Григории. (Н. А. Струве).

О. Григорий Круг

убедительности, говорить: Огненный Ангел, Святая Сила, Престол Напрестоления Неба, София ангельская, София действия — преобразующая Софию Девства, Метатезис Миротворения, Воля Саваофа. Он настораживался, протестовал! — Нет и нет, — на престоле София Божественная! И он был прав — без того, чтобы и мне быть неправым!

Это в Ваших устах я слышал дважды слово — софианство! — Никита Алексеевич! Нет, — он не был софианином! Как не был и анти-софианином! (Ничтожный термин — софианство, — порочит высокий контекст русской софиологической мысли! Презрим его!).

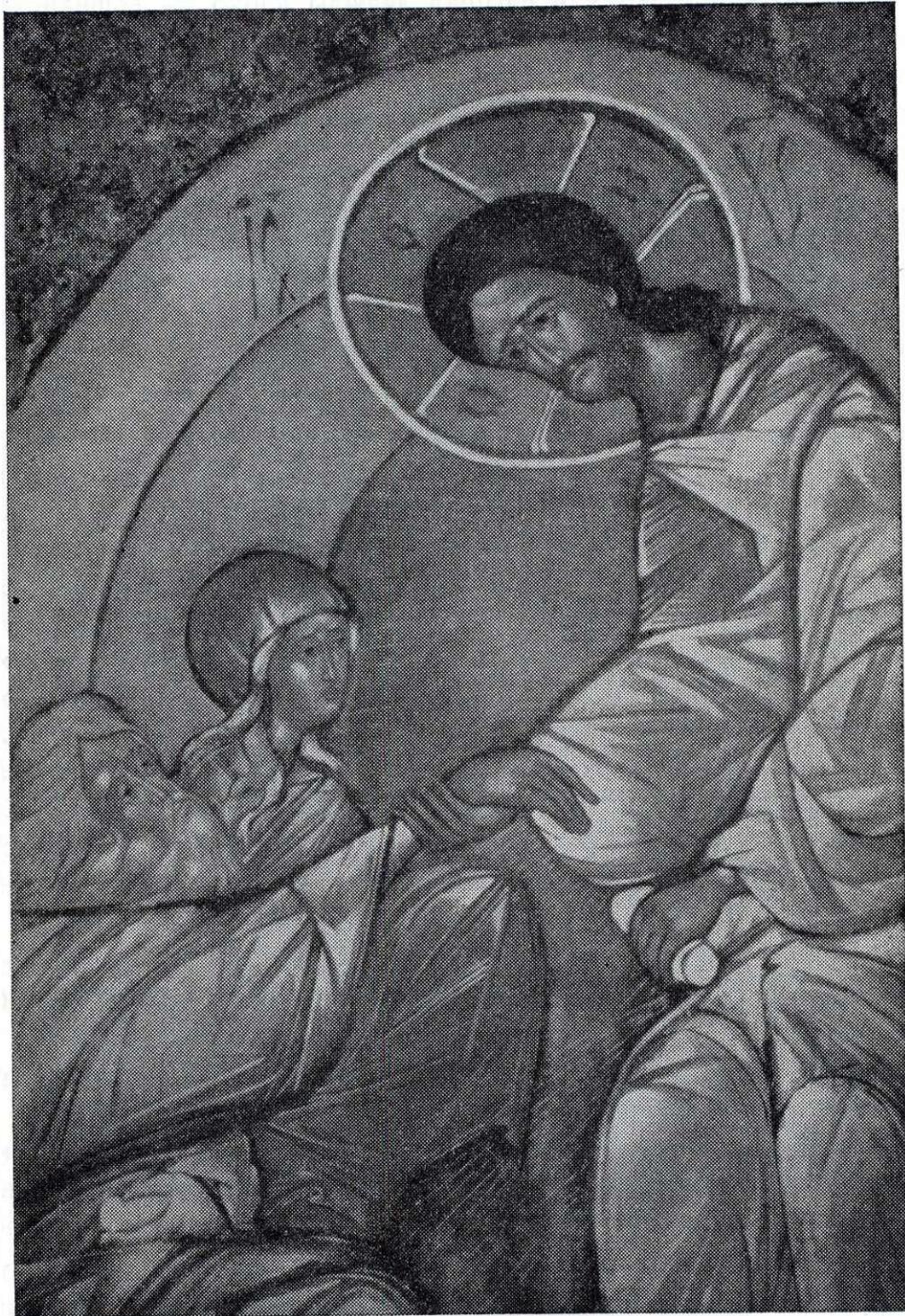
Это я — строитель, зодчий, полагавший камни — шел с Низу, думал о достоинстве и удостоении тут — Неба — Тварного, видел Втождествление Встречи. А он — художник, в Даре — оставался в Верху и даром Верха нарисовал Софию Божественную!

Огненный Ангел, по моей просьбе, имел поднято-распростертые крылья. Предстояло, в пару симметричную, нарисовать Софию Киевскую! — Явилась — Богородица Знамения, но руки остались опущенными. Просил, поэтому, в поднятии нарисовать двух-рожный и трех-рожный пламенники в прообраз двукирия и трикирия (через год нарисовал, потом стер — не вышло). Соответственно предстоянию Ангела нужно было изобразить предстояние Богородицы. — Согласился изобразить родителей Богородицы Иоакима и Анну. (Так мы попали в празднование: Престол Софии Киевской — Рождество Богородицы!). Нужно было развивать верх. Верх у Ангела совершенно исключительного значения: Уготовление Престола. Оно прямо предуказывает Софию среднюю, Софию Средства, Софию Крестную! Согласился: — тема — Царство и Священство Божией Матери, — нарисованы корона и омофор!

Софию Крестную, на потолке, наметил он только в последние свои два приезда, только два раза поднялся под потолок. О, и за то спасибо! Тема Троичной Софии выявилась. Престол и евхаристические сосуды приписаны были не им. Строитель выиграл у художника! Он добился своей цели! Цель в Верху, а достигается при ходе с Низу! За Тремя Софиями — три русских державствования — Киев, Новгород, Москва, три свято-стольные престольные Празднования! В храмике на французской земле!

Художник ушел. Храм еще не совсем закончен; он почти закончен! Так нужно считать: другого художника не позовешь! Недоимка, усматриваемая, пусть подчеркнет его неуходимое присутствие!

У нас он писал фрески (его икона Архистратига Гавриила). Когда я увидел в недалеком соседстве, в Монжероне, им исполненный иконостас, то я понял степень его терпения (он мог бы

Сошествие во ад.

Фреска о. Григория Круга в скиту Св. Духа.

Под Парижем — (Le Mesnil St-Denis)

нам исполнить и иконостас!), степень его принятия художества сестры Иоанны Рейтлингер. В иконостасе иконы все — ее руки. Но она не отвечает за целое иконостаса. Эти иконы я забирал у нее в течение двадцати пяти лет, — тут тоже свидетельство моей верности! На смену уехавшей (она бы писала фрески в нашем храме!) сестры Иоанны Рейтлингер пришел брат Григорий Круг (было дано ему имя пр. Григория — иконописца Печерского, которое носил я до моего монашеского пострижения). Оба они для меня дародатели Духа!

Иконостас в Монжероне очень большого стиля. И здесь опять соответствие между делом строителя и художника. Храм строил русский не русского заграничного поколения с вольным или нарочитым подражанием строительной классике. Но целое отметилось удачно широко-шаровой и сниженной посадкой купола. И вот, художник — отец Григорий в иконостасе подражательно ухватил эту особенность и фигурности обеих местных и других икон сниженно-рассадил, так что в этом храме хочется сидеть, а не стоять.

Три храма: скитский, его «собственный», наш — здесь и этот — Монжеронский, то есть, по архитектуре: какой-то надземно-гrotовый, конструктивно строенный, но весь неправильный наш и вполне правильный — разнятся друг от друга максимально. Отец Григорий нашел себя в них, поместил свою душу в них, впечатлел Образ соотносительно Объему.

Три места эмигрантского жития, малые наличия живой жизни получили от него Лицо Поклоняемого Величания!

Вечная ему память! — положился, как мы с Вами видели, в оцинкованный гроб у алтарной абсиды, одиночно, до скончания Века!

Верхняя роль — Святая роль!

Архим. Евфимий Вендт

« ПОРТРЕТ ПАПЫ »

(Из статьи Ганса Кюнга)

Ганс Кюнг, известный швейцарский богослов, профессор Тюбингенского университета, автор большой работы О Церкви, напечатал в известной французской вечерней газете Ле Монд статью, озаглавленную «Портрет Папы». Опираясь на недавние заявления кардинала Сюэненса, он пытается наметить те реформы, в которых больше всего нуждается в настоящее время Римский престол. Точка зрения Кюнга далеко не разделяется всеми католиками. Против нее выступил известный богослов Даниелу (недавно посвященный во епископа и назначенный кардиналом). Но православный читатель не может не заметить, что определение папского примата, данное Кюнгом, очень приближается к православному учению о равноправности поместных церквей, не исключаяющей первенства одной из церквей в служении и любви.

Статья печатается с некоторыми сокращениями, в основном — за счет повторений или узко-технических уточнений.

Ред.

...Кардинал Сюэненс оказал Папе, которого он чтит за прямоту мысли и добрые намерения, большую услугу. Он лучше защищает служение Петра в Церкви, чем все эти традиционалисты, которые защищают обветшалую форму этого служения и их собственные ключевые позиции в римской системе. Кто оказал Папе большую услугу? Те, кто, во времена Реформации, потребовали коренной реформы через отречение от средневековых форм или те кто, призывая Матфея 16,18 и каноническое право, ратовали за *Statu quo ante* Средневековья? Кто дал лучший совет Папе в девятнадцатом веке? Те, кто, несмотря на угрозы отлучения от Церкви, просили о добровольном отказе от церковных государств, или те, кто, призывая снова Мат. 16,18, защищали давно устаревшее историческое положение? Кто сегодня оказывает

Папе, в его трудном деле, наибольшую поддержку? Те, кто требует коренной перемены в папстве согласно Христову Евангелию или те, кто после Второго Ватиканского собора хочет вернуть Церковь и Папу к Первому Ватиканскому собору, те, кто думает, что покончили с реформой папства тем, что назначили несколько кардиналов-прогрессистов (которые, до сих пор, в своем большинстве служили лишь либеральной вывеской неизменившейся системе)...

...Из за того что растет недоверие к высшим руководителям церкви, постепенно — а этого следовало бы избежать любой ценой — среди духовенства, как и в народе, все меньше и меньше принимают во внимание предостережения, внушения и даже сами энциклики и декреты Папы. Энциклика *Humanæ Vitæ* лишь пример того, что в создавшейся ситуации (а изменить ее можно только из Рима), за Папой уже не следуют широкие слои не только мирян, но и духовенства, и даже высшего. Епископские совещания, ратовавшие за свободу совести, в свою очередь оказали Папе большую услугу, чем те епископы Северной Америки, которые пытались запретить в служении священников, не согласных с *Humanæ Vitæ* и которые сами виновны в том, что священники десятками (а скоро, м. б., сотнями) бросают церковное служение.

Бесконечная надежда, вызванная заявлениями кардинала Сюэненса, заключается в следующем: не нападая на современного носителя Петрова служения, не показывая по отношению к нему никакой горечи, епископ, имеющий папское служение в нашей церкви (а не просто богослов), нам предлагает портрет Папы таким, каким он мог бы быть. Стоит только собрать черты, разбросанные в заявлении, и портрет нам предстанет с полной ясностью.

...Такой Папа будет проникнут подлинно евангельским понятием о Церкви, далеким от юридикзма, формализма, неподвижности и бюрократизма. Тайна Церкви предстанет ему, в свете Нового Завета, не как административная и централизованная единица, где епископы действуют только как исполнительные органы от имени Папы, а как Церковь, которая реализуется подлинно в поместных церквях, будь то общины, города, епархии, страны в их индивидуальном бытии. Эти поместные церкви, будучи единой Церковью Божией, составляют одно общество, соединенное с Римской церковью как с центром их единства.

Такой Папа не будет считать, что децентрализация власти — опасное преддверие возможной схизмы. Вместо того чтобы препятствовать законному разнообразию, он всячески будет способствовать ему во всех областях: в духовности, литургике, богословии, каноническом праве, пастырстве. Его цель будет не сосредотачивать власть в одном месте, но без всякой претензии служить богатому разнообразию поместных церквей в лоне единой Церкви. Он не будет уничтожать плюрализма разных богословий инквизиторскими методами прошедших времен; наоборот, он будет развивать их свободное проявление и служение Церкви...

...Папа будет рассматривать свое служение как церковное: он будет Папой не над Церковью или вне ее, но в Церкви, с Церковью и для Церкви. Никакого изоляционизма, никакого триумфализма: Папа не будет изолирован, а будет в единстве с Церковью, каждый раз по новому осуществляя искомое единство. Для всех важных постановлений и решений, он будет прибегать к сотрудничеству епископата, лучших богословов и мирян, а не будет от них отрекаться *post factum*. Иногда он может и даже должен действовать один, но он никогда не должен действовать «вне», отдельно от Церкви и ее епископского собора, а в полном единении и непоколебимой солидарности со всею соборною Церковью. Помощь, обещанную Петру, он будет рассматривать не как личное вдохновение, но как особую помощь, данную в сотрудничестве и в совещании с Церковью, целокупности которой был дарован Святой Дух...

Такой Папа будет не против права, а против юридизма; не против закона, а против законничества; не против порядка, а против неподвижности; не против авторитета, а против авторитаризма; не против единства, а против единообразия. Он будет избран не собором кардиналов, в котором преобладает определенная национальная группа, а представительным органом всей Церкви. Не национальность его, а качества будут определять выбор. Отказавшись от власти, которая ему присуща в силу второстепенных и внешних званий (митрополит Римского округа, первоиерарх Италии, Западный патриарх, возглавитель ватиканского государства), он целиком посвятит себя своему пастырству для вселенской Церкви и для собственной епархии, и тем привлечет к себе взоры всех...

Таков, по мнению кардинала Сюэненса и не его одного, образ папы — такой, каким он мог бы быть. В этом образе нет ничего

одеждаю Второй Ватиканский собор. А если что противоречит в нем Первому Ватиканскому собору, то необходимо пересмотреть и исправить Первый Ватиканский собор, в свете Евангелия, — и это была одна из главных целей Второго Ватиканского собора. Во всяком случае, юридические категории Ватиканского собора не достаточны, чтобы определить, на основании Писания, служение Петра как служение Вселенской Церкви, как первенство служения, в библейском значении этого слова (и это совершенно независимо от второстепенного для многих вопроса об историческом и экзегетическом оправдании преемственности Римского епископа). Первенство служения будет нечто большее, чем «первенство чести», которое своей пассивностью не может никому помочь. Первенство служения больше, чем «первенство юрисдикции». Понятое как власть и мощь, оно внесло бы только недоразумение, в своей буквальности оно как раз замалчивает основное: служение. В библейском смысле, служение Петра может быть только пастырским первенством, для блага всей Церкви. Как таковое, оно имеет основание в Новом Завете, вне всяких вопросов о преемственности. Как таковое, оно имело бы большое значение для всего христианства. Папа Иоанн XXIII показал, по крайней мере в виде абриса, что такой Папа возможен.

Карл Ранер правильно усмотрел в воззрениях кардинала Сюэненса программу для ближайшего епископского синода... У Рима, правда, другие планы. После энциклики *Humanae Vitae*, этот Синод должен послужить укреплению римской системы — и здесь напрашивается аналогия со встречами коммунистов после Праги; он должен дать иллюзию монолитного единства епископата во всем мире. Осторожно, этот Синод уже именуется «чрезвычайным» и на него приглашаются только председатели епископских совещаний. Тем самым небольшое число председателей прогрессивного толка епископских совещаний Центральной Европы будет бессильно перед мощным аппаратом Курии, которая будет хорошо представлена, и перед большинством председателей афроазиатских совещаний, настроенных консервативно. Тайный документ, подготовленный Курией для обсуждения... тяготеет к единообразию и завершается следующим заявлением: «Епископские совещания, прежде чем сделать какое-нибудь заявление в важной области, должны своевременно запросить мнение апостольской кафедры». Если это предложение пройдет, то в будущем Папа и Курия уже смогут не бояться никаких критических заявлений подобных тем, которые были высказаны епископскими

совещаниями Центральной Европы по поводу регулирования рождаемости. Можно себя спросить, согласятся ли епископы, чтобы им таким образом заградили уста, в то время как они должны представлять Риму неотложные вопросы нашего времени, в частности тот, который касается священников и celibата.

Программа кардинала Сюэненса рассчитана на долгое время. Ее осуществление требует терпения и непоколебимой решительности. Что она будет осуществлена — в той или иной форме, это так же неминуемо, как в свое время утрата церковных государств. Вопрос только в том: не будет ли она осуществлена еще раз слишком поздно и, тем самым, дорогой ценою?

(Ле Монд, 12 августа 1969 г.)

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

К 80-летию АННЫ АХМАТОВОЙ (1889-1966)

Полученное нами неизданное стихотворение Анны Ахматовой без указания года, но, судя по содержанию, его следует датировать серединой сороковых годов. По силе выражения, оно принадлежит к самым замечательным из ее гражданских стихов. Ред.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Все ушли, и никто не вернулся. ⁽¹⁾
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся, ⁽²⁾
Чтоб увидеть все небо в крови.
Дом был проклят и проклято дело.
Тщетно песня звенела нежней
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою моей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко сложенной слежки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня, ⁽³⁾
Опоили меня клеветою,
Окормили отравой меня.
И до самого края доведши,
Почему-то оставили там —
Буду я городской сумасшедшей
По притихшим бродить площадям.

(1) Этот стих взят самой Ахматовой эпиграфом к шестому стихотворению из цикла Полночные стихи (1963)

(2) По всей вероятности, эти три стиха относятся к Б. А. Анрепу (1884-1969), главному вдохновителю любовной поэзии Ахматовой начавшая с Подорожника.

(3) Ахматова, вероятно, имеет здесь в виду нападки Жданова и исключение ее из Союза писателей, имевшее место осенью 1946 года.

НЕИЗДАННАЯ СТРАНИЦА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. А. АХМАТОВОЙ ОБ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМЕ (1)

Но совсем не в этом дело. Почему мемуаристы этого склада (Шацкий-Страховский, Г. Иванов, Бен. Лившиц) так бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, а главным образом обывательскую точку зрения на поэта, а не склоняют головы перед таким огромным и ни с чем не сравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают своим совершенством и ни откуда не идут?

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии такого факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама?

В мае 1937 года Мандельштам вернулся в Москву — «к себе», в Нащокинский (2). Одна из двух комнат была занята человеком, который писал на них ложные доносы и скоро им нельзя было показываться в этой квартире.

Разрешения остаться в столице Осип не получил. Они приезжали из Калинина и сидели на бульваре. Это, вероятно, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы — нищие» и «нищим лето всегда легче».

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой и холодом и вьюгой.

(1) В моей машинописи следует за словами "...а Сафо печатали? а Иисуса Христа печатали?" Остальное совпадает, правда, в сокращенной редакции, с текстом Воспоминаний напечатанным во втором томе Сочинений, изданных Г. Струве и Б. Филипповым, МЛЮ, 1968, стр. 166-187, за исключением одной строчки: "О Марине: " Я антицветаец". В музыке был дома, и это крайне редкое свойство".

(2) Квартиру в Нащокинском переулке О. Э. Мандельштам получил осенью 1933 года и прожил в ней до первого ареста 13-го мая 1934 г.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа: «Как по улицам Киева-Вия» (Фонтанный Дом, 1937).

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятным упорством требовал, чтобы в Союзе Писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, повидимому, «забыли» послать повестки и никто не пришел. Осип по телефону приглашал Асеева. Тот ответил: «Я иду на «Снегурочку» (3), а С., когда М. попросил у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Осипа Мандельштама осенью 1937 года. Осип и Надя приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое... Беда ходила по пятам за всеми нами. У Мандельштамов не было денег. Жить им было совершенно негде. Осип тяжело дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню куда. Все было как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу. Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания О. Э. о нем и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увы, могут сказать это о себе?

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории около станции Чарусти (4) (в разгар ежовщины). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца. О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер». В начале 1939 года я получила письмо от московской приятельницы: «У подружки Лены родилась дочка, а подружка Надюша овдовела» — писала она.

В то время (5) мы с ним одновременно читали «Улисса» Джойса. Он в хорошем немецком переводе, я в подлиннике. Несколько раз принимались мы (говорить) об «Улиссе», но было не до книг.

28 июня 1957 г.

Публикация и примечания Н. А. Струве.

(3) К Асееву обратилась за помощью из Елабуги Марина Цветаева, незадолго до самоубийства, и так же безрезультатно.

(4) Санаторий около станции Чарусти Саматиха был обычного типа.

(5) Вероятно, относится к 1937 году.

ДЕТСТВО БУТАФОРСКОГО РЕБЕНКА⁽¹⁾

I

На этот раз «печальный демон, дух изгнания» пролетал над Парижем.

Было начало века. Улица Суффло, шестой этаж, квартира ученого филолога Шарля Швейцера. В ванной комнате шалил со спичками мальчуган, похожий на девочку, — мать оставляла сынишке волнистые локоны, чтобы скрыть его некрасивость.

Мальчик чиркал спички, одна из них упала и прожгла ковер. Тогда и заметил дух гордыни умменького мальчугана Жана Поля — будущего знаменитого литератора.

Здесь очень мало прибавлено к тому, что написано в «Словах» Ж. П. Сартра (2).

Много написано книг о разных детствах: бедном и богатом, в семьях многодетных и с одинокими детьми, с хорошими и дурными. Одно было общим в этих книгах: о детстве вспоминали умиленно и часто называли его золотым.

Но вот — дождались мы книги о детстве отвратительном, которое автор называет «пустым и лживым сном». Прочитав такое, мы восприняли знамение времени: плохо дело, если раковые метастазы проникли в самые «гены» человечества.

Сразу стало очевидно и другое: «Слова» Ж. П. Сартра — замечательный комментарий к его теории. Своими «Словами» он подтверждает справедливость того, что было сказано нами об его статье «Экзистенциализм есть гуманизм».

Владимир Эрн написал в свое время статью о Льве Толстом с очень остроумным заглавием: «Толстой против Толстого». В Эрн показал, в каком вопиющем противоречии находятся многие художественные образы Л. Толстого с его головными выкладками: теоретическое отрицание и поэтизация церкви (исповеди в «Детстве и отрочестве»).

С таким же основанием можно утверждать, что в своей автобиографии — «Сартр против Сартра».

Тягостное впечатление оставляет эта автобиография. Все действующие лица даны в ней как охлажденные и опустошенные

1) Эта рукопись неизвестного автора получена нами из Сов. России.
2) «Новый мир», 1964, №№ 10-11.

души, в том числе и ребенок. Порой возникает недоверие и думаешь: не оболгал ли автор близких людей и самого себя, в меру своей взрослой испорченности, — стоит ли читать эту ожесточенную хулу. Примиряет и требует внимания авторская готовность без малейшего саможаления сказать о себе правду, вернуть себя наизнанку, казнить даже — опровергнуть самого себя.

Гоголь утверждал, что в его произведениях есть один положительный герой — смех. Такое же начало беспощадной откровенности, граничащей с покаянием, слышится в «Словах» Ж. П. Сартра. В соединении с большим словесным мастерством и изощренностью психологического самонаблюдения, возникла еще одна волнующая исповедь «сына века».

«У кого что болит, тот о том и говорит». Автор знал, что и где у него болит, но диагноза поставить не мог. Диагноз необходим, и мы попытаемся его поставить.

Прежде всего, необходимо отвести одну мораль, которую автор «Слов» считает самым ценным выводом из своего произведения: будто бы виновата была во всех искажениях детской души «буржуазность» воспитавшей его семьи.

— Что с меня спрашивать, — я дитя лепрозория, — уничижает себя Сартр. — Вы, чистые и непорочные, рожденные там, где воздух, как на горных вершинах, свободен от бактерий эксплуататорского общества, — смотрите на мои язвы и куски отпадающего тела. — И предлагает себя в качестве клинического экспоната для изучения «буржуазного» ребенка.

Можно согласиться, что изоляция и одиночество ребенка были связаны с «буржуазностью» семьи старого Швейцера. В демократических семьях дети легче находят сверстников и освобождаются от ига взрослых. Впрочем, одиночество не так опасно для психики «дошкольника», если дома — мать и любящая бабушка. С. Т. Аксаков рассказал как гармонично развивалась душа Багрова внука, тоже одинокого ребенка. Глубоко прав Ж. П. Сартр, что «все» решает детство, — нравственная атмосфера семьи. В семье старого Швейцера атмосфера была такова, что обрекала ребенка на несомненное «кислородное голодание», — но это уже явление культурно-историческое, оно связано с судьбами духовной жизни Европы, — ее вероисповеданий и умозрений.

Сартр сам не может удержаться на узко-социологическом объяснении своей болезни. Много тоньше, чем банальная ссыл-

ка на «буржуазность», его понимание, что на заре дней он был «один из малых сих», соблазненных духом времени.

В семь лет, — пишет Ж. П. Сартр, — мне не на кого было надеяться, кроме как на самого себя, а меня еще не было — был необитаемый зеркальный дворец, в который смотрелась «тоска нарождавшегося века».

II

СЕМЕНА ВЕРЫ

Поставим на проверку исходное и самое порочное утверждение Сартра из его философской статьи: «человек в начале ничего из себя не представляет». (3). Мы очень долго возились с этой нелепостью в предыдущей статье.

Начать надо с того, что предки Ж. П. Сартра — жители многострадального Эльзаса — провинции, которая становилась то немецкой, то французской. Здесь как бы терлись друг об дружку два этнические материка Европы, — терлись и осыпались, образуя пограничное население особого склада — французских немцев и немецких французов. Дед Ж. П. Сартра — французский немец, кроме того, он — протестант по вероисповеданию и атеист в мировоззрении. Бабушка — неверующая католичка, холодная и циничная рассказчица скверных анекдотов. Мать — робкое существо с изломанной личной судьбой. Об отце можно не говорить — так рано, по мягкому выражению сына, «умыл он руки, отойдя в вечность»; к тому же, все равно «хороших отцов не бывает... подгнили узы отцовства». Маленький Жан Поль — дитя двух культур и двух вероисповеданий, но хорошо известно, что «кто везде дома, у того дома нет». Что же касается нравственной атмосферы в семье старого Швейцера, ее надо назвать скорее безнравственной: она была безлюбовна, нигилистична и пропитана скверным душком испорченного воображения «циничной» бабушки. Официальная принадлежность деда — к протестантизму, а бабушки — к католицизму маскировала законченный атеизм. «Моей семьи, — пишет Сартр, — коснулся медленный процесс дехристианизации, который зародился в среде высокопоставленной волтерьянской буржуазии и по прошествии столетия охватил все слои общества... Само собой, в нашей семье все были верующие — из приличия».

3) Сартр «Экзистенциализм есть гуманизм».

Из того, что пишет Сартр, становится очевидно, что принадлежность к католицизму еще в 900-х годах необходима была во Франции, как ношение одежды общепринятого покроя. «В нашем кругу...», — пишет Ж. П. Сартр, — вера была всего лишь громким титулом одомашненной французской свободы. Как и многих других, меня крестили, чтобы обеспечить мою независимость, — отказав мне в крещении, родня считала бы, что совершила насилие над моей душой. Католик по бумажкам, я был свободен, я был такой, как все. «Вырастет — говорили родные — поступит, как ему вздумается...» Быть атеистом было куда неудобнее, но тоже не требовало каких-либо жертв. Тяжелое впечатление производят словесные гадости, которыми дед отнимал у внука его детскую веру. А между тем, пишет Сартр, — «представь мне Шарль религию в другом свете, он толкнул бы меня на стезю веры, и я сделался бы жертвой святости». «Во мне клокотала ненависть деда».

Дед не мешал своим женщинам воспитывать внука в католичестве, в силу вероисповеданого безразличия. Бабушка делала из внука католика на зло противному ей супругу. Но кажется, что лучше было бы маленькому Полю остаться со своей естественной душой — христианкой. О своей детской религиозности Сартр пишет с кощунственной развязностью, но бросает и хватающие за душу признания.

Сразу, и с полной определенностью, можно установить, что вовсе не провозглашенное Сартром «ничего» — представлял из себя весьма одаренный маленький Жан Поль. «Я предчувствовал религию, — читаем в «Словах», «я уповал на нее, в ней я нашел бы исцеление...» «В моей душе... семена веры дали бы отличные всходы...» Мы слышали от Сент-Экзюпери, что он мог бы стать монахом, и то же самое пишет Ж. П. Сартр — «не случись недоразумения, быть бы мне монахом... В начале я верил: в ночной рубашке, преклонив колена на кровати и сложив руки, я говорил перед сном молитву, хотя с каждым днем все меньше думал о Боге...»

Можно сказать, что, в реторте своего рассудочного анализа, Сартр сжег и перетер свою детскую душу и, все же, нашел в ней «семена веры», которые «могли бы дать всходы».

Религиозное чувство пробуждалось настойчиво, но взрослые смяли его, как иные прохожие топчут клумбу, загородившую им дорогу. То был особый случай, не предусмотренный в Евангельской притче о семенах веры. Не в тернии и не на каменистую поч-

ву упало зерно, и не птицы унесли его, — родной дедушка закопал семя веры в душе внука, залили его кислотой антирелигиозных анекдотов.

III

«МНЕ НЕ ХВАТАЛО ДУШИ».

Тогда лишь наступил некий **обморок**, который принял наш философ за первоначальное «ничего». То была катастрофа, она происходила как взрывы тола, заложенного в разные углы обреченного на слом храма.

Цель была достигнута очень быстро, результаты дедушкиной работы проявились взрывом невиданного до сих пор в мире **детского кощунства**. То, что описал Сартр, требует большого внимания. Играя со спичками, озорник прожиг коврик, — и тогда, читаем в «Словах», — «когда я пытался скрыть следы своего преступления, Господь Бог вдруг меня увидел — я ощутил Его взгляд внутри своей черепной коробки и на руках, я заметался по ванной комнате — до ужаса на виду — ну, просто, живая мишень. **Меня выручило негодование**: я пришел в ярость от Его **наглой бесцеремонности** и начал богохульствовать, бормоча, как дед: «Черт побери, будь ты проклят, черт треклятый!» **С тех пор Бог ни разу на меня не смотрел**». Грех выписывать подобные строчки, но пусть тот, кто не удосужится прочитать в «Новом мире» «Слова» Ж. П. Сартра, поймет, до чего дошло дело. Далее развивается авторское богохульство в интонации скабрёзных анекдотов бабушки Луизы, — пусть найдет их в журнале интересующийся читатель.

Нравственная порча вела к гадким поступкам и некоторое время вызывала стыд. Но обертывался этот стыд вовсе не желанием исправиться. Мальчуган убегал в пустую комнату и начинал гримасничать перед зеркалом. «Комедии добра он противопоставлял комедию зла... Перекашивая и морща лицо, он искажал его до неузнаваемости, вытравливая следы прошлых улыбок». Автор прав, говоря, что «эти гримасы были (для него) отдушиной: мускульной блокадой я пытался парализовать мучительную судорогу стыда». Стыд, действительно, уступал место бесстыдству и ожесточению. С поразительной ясностью понимает Сартр, что он был «загнан в тупик гордости»; «я был одержим, бес, завладевший мной, сотрясал меня, как сливовое дерево».

Совсем недавно Франция подарила нам замечательную сказку о «Маленьком принце», а теперь мы можем сказать, что из той же прекрасной Франции пришла к нам история детства, которую надо бы озаглавить «Маленький бес» или, просто, «Бесенок».

Лев Толстой пережил «арзамасскую тоску» в пятьдесят лет. Мальчик, родившийся в начале XX-го века, подвергся этому ужасу сразу по вступлении в жизнь — «Когда мне было пять лет» — пишет Ж. П. Сартр, — «Она подстерегла меня, бродя по балкону, прижимаясь мордой к стеклу, — я ее видел, но не смел проронить ни звука... В другой раз она приняла форму провала... (я) вдруг увидел черную яму — это был погреб... Уж не знаю, откуда взялось у меня явственное предчувствие жуткой неотвратимости... В ту пору я каждую ночь ждал в своей постели свидания со смертью...» Сартр свидетельствует, что эта встреча сопровождала детство и отрочество большинства его ровесников.

Не лучше обстояло дело с воспитанием сердца, если называть так отношение к ближним. Одним словом — **безлюбовность** — можно определить нравственную атмосферу неуютной и разобщенной семьи, сшитой из каких-то полинялых лоскутьев разнородных культур и выродившихся кровей. Безлюбовность или «слезливая черствость», по выражению Сартра, была постоянной температурой, как промозглая осенняя сырость с миазмами гриппа. Не было настоящей близости с обезличенной и забитой матерью. Бабушка названа «женщиной-ледышкой», она неспособна ни на супружеские, ни на материнские чувства.

Истинный столп семьи — старый дед. Чтобы взять на свое иждивение овдовевшую дочь и внука, Шарль Швейцер отказался от пенсии и возобновил служебную деятельность, но внук не оценил этого усилия: нигде не помянул деда добрым словом. Приходится верить автору, что старый филолог тоже не имел подлинных чувств и лишь «лицедействовал», разыгрывая трогательные сцены любви между нежным *Grossvater*'ом и милым внуком; иногда это был способ согреть холодеющую кровь через припадание к юному существу: «дед ласкал внука, чтобы задобрить смерть».

Мы не уверены, что до конца уже замороженный «ледышка» — внук — правильно понял старика. Правда, и Т. Манн тоже применял слово «лицедейство» для характеристики поведения своего Будденброка. По всей вероятности, «лицедейство» и есть та пресловутая «респектабельность», к которой свелась протек-

стантская благочинность, вплоть до известной «zierlich-maierlich» .

То не наша *idée fixe*, а для самого Сартра очевидны были вероисповедные корни такого душевного омертвения. «Этот лютеранин, — пишет Сартр, — был не прочь вообразить вполне в библейском духе, что предвечный Бог благословил его дом... его вспыльчивость и величавость, его гордость и вкус к возвышенному маскировали робость ума, которую он унаследовал от своей религии, от своего века и своей среды, — университета». Был наружный формализм у старого Шарля Швейцера, — что-то вроде разупоженного костюма, напяленного на манекен. Сартр изображает деда почти как муляж, который механически встает в позу и выбрасывает руки, чтобы картинно обнять такого же заводного, разучившего свою роль внука. В чем-то очень существенном Сартр, видимо, прав: надменные чувства и стариковская теплота были очень уж глубоко запрятаны — под позерством и фразами, как «вещь в себе» у Канта — в хитроумном «единстве трансцендентальной апперцепции».

Задним числом, со своих взрослых позиций, Ж. П. Сартр находит только бранные слова для семейного уклада, в котором он воспитался, не различая в нем здоровых основ от исказившего их вырождения. Сартру невдомек, что пренебрежительно отвергнутый им «кодекс прописной морали консерваторов» или «бремя устойчивых предрассудков» как раз и понудили старого деда вернуться к заработку, чтобы приютить овдовевшую дочь с внуком. Был в доме и декорум благопристойности и уюта, — некий заведенный ритуал». Смысл этого ритуала заключался в том, что «нет на свете ничего нецелесообразного, что все — от мала до велика — занимают **определенное место** в мире» — ритуал весьма ценный, даже с точки зрения мудрой обмолвки Сартра, что человек есть «существо, созданное для ритуала». Надо сказать, что наш автор вообще «крепок задним умом» и поэтому истинно мудрые мысли роняет в обмолвках.

В понятие ритуала попадает весь бытовой уклад. «Задним умом» Сартр понимает, что все органическое требует формы, для всего есть «определенное место», — в семье, за столом — одно место для Поля, другое — для старого деда. Этот порядок тоже был от охаянного «кодекса». Взрослые соблюдали его по инерции, которую получали в 70-х годах XIX века. Что же касается мальчика, в нем инерция «ритуала» замерла уже к семи годам

жизни. Неудивительно, что он, не желавший теперь занимать «определенное место», «чувствовал себя «сбоку припека» и стыдился своего неоправданного присутствия в упорядоченном мире». По всей планете росли уже младенцы и отроки, которые составят «потерянное» или «сердитое» поколение персонажей Ремарка — Хемингуэя.

Казалось бы спасти положение должна была книжная культура, — ее густым облаком окружил внука старый филолог. Книг было множество — французские и немецкие классики. Мальчик рано выучился читать, и все эти сокровища полезли в его голову. Но получилось, видимо, вполне закономерное явление: известно, что самая обильная пища без витаминов ведет только к ожирению и нарушению «обмена веществ». В конце концов, старый педагог был лишь хранителем культуры и приобщить внука к ее духовным «витаминам» был не в состоянии. Старик сам хотел быть маститым корифеем и великих художников воспринимал лишь в этом корифейном аспекте.

Приходится сказать, что высокая культура (вернее, образованность) не сделала из Шарля Швейцера **человека культуры**. Мы узнаем, что он ценил не только классиков художественной литературы. Старый педагог отдавал должное и памятникам архитектуры. Старик «рыскал по деревьям, застывая перед какой-нибудь старинной каменной кладкой, и, постукивая концом своей трости по кирпичам, говорил с одушевлением: «Смотри, малыш, перед тобой галло-римская стена». Дед ценил также церковную архитектуру и, при всей своей ненависти к папистам, «не мог пройти мимо церкви, не заглянув в нее», если она была «готическая». Точность у внука похвальная: дед ценил, а не восхищался, хотя и «застывал», — опять «лицедейство», как в «сценах любви», когда картинно простирал объятия, чтобы заключить в них заводного внука. Красноречиво и это фамиллярное постукивание тростью по камням «седой старины»: так оценивают прочность и весомость, но не внутренний смысл и духовный порыв. То было ощупывающее восприятие слепца, и не мудрено, что мальчуган оставался холоден перед древней кладкой и готикой.

С полным основанием заявляет Сартр, что лишь «комедия культуры — приобщала (его) к культуре». И здесь — неудача: приобщения не состоялось, — третья неудача, если учесть несостоявшееся приобщение к религии, к матери, бабушке и деду («я не любил никого и ничего»). Можно сказать, что вместе с

тем соскочили все обручи, которые должны были стягивать слабые дощечки этого бочонка: узы любви к близким — их не было, не возникло и любви к родной культуре, Бог больше не присматривал за этим «гадким утенком». **«Меня не научили слушаться... Слушаться, но кого?...»**

Словом, и от деда, единственного человека, который мог бы приручить ребенка, — не просачивалось душевного тепла. — **«Я не люблю никого и ничего»**, — делает Сартр еще одно важное признание.

Ничего не скажешь, были основания у Ж. П. Сартра сказать, что в нем «не было ни веселости, ни преемственности, я не был продолжателем отцовского дела, я не был необходим для производства стали — короче, **мне не хватало души**».

Особенно важно, что Сартр сам понимает, как безнадежно прерваны в нем все живые связи, всякая культурная преемственность: разрыв двух эр — христианской и антихристианской, — прошел своими рваными краями через душу семилетнего мальчика.

Разверзается детская душа совсем новой формации, — появление такого ребенка было еще невозможно даже во второй половине XIX-го века. До сих пор мы знали «молодых людей», впадавших в мировую скорбь, опустошенных и ожесточенных. И вот сформировался нигилист-ребенок. Наивными простачками кажутся перед ним Чайльд Гарольды и Печорины.

Представьте себе, что вы заглянули в чашечку ландыша и обнаружили, что она — черна, как антрацит. Сажа и пепел, — уверяет Сартр, — были уже у него в душе к семи годам. Даже еще страшнее — **ничто**, подленный nihil, или «теон», как сказал бы философ. Пусть подтвердит это **своими словами** автор «Слов».

Уже приводилось его заявление, что в семь лет он был «необитаемый зеркальный дворец, в который смотрелась тоска нарождавшегося века». «Я был **ничто** — безнадежная прозрачность...» «Я даже не заметил, что упустил случай стать самим собой». «Выдуманным» и «бутафорским ребенком» с «озадаченной безликостью» называет себя Сартр. «Я ненавижу свое детство и все его следствия», — такого мы еще не слышали.

Судьбу этой несчастной детской души надо сравнить с печальной историей: упавшее на асфальт семечко израсходовало капельку своих питательных запасов, чтобы выпустить коре-

шок, затем оно ждало, что встретит землю, его польют и будет солнце, но мы уже знаем, — семечко облили серной кислотой, а от солнца загородили оловянной тарелкой.

Не забудем сделать сопоставление автобиографических «слов» с теоретическими прокламациями Сартра.

Да, скажем мы теперь, — **в семь лет** было действительно почти ничто, стерся даже «проект», нет элементов «существования», которые могли бы стать «сущностью», согласно экзистенциалистской концепции.

Но коротка память у Сартра, или он ни за что считает, как ребенком читал перед сном молитвы и «предчувствовал» религию, уповал на нее. Этот «упрямый факт» наш экзистенциалист почему-то не хочет принимать во внимание и предпочитает начинать с «ничего».

IV

ОТ «НИЧЕГО» К «СУЩНОСТИ».

Дальше, по философскому «графику» Сартра, — «существование» должно превращать себя в «сущность»; барон Мюнхгаузен должен вытащить себя из трясины «ничего», ухватившись за собственную косу. В распоряжении мальчика-несмышлениша были только «духовные сокровища» — множество почтенных, красивых книг.

И мальчик проделал с «сокровищами» примерно то же, что левые гегельянцы — материалисты с «мировым духом»: набили эту прозрачную форму весьма весомой материей, провозгласив, что, таким образом, они поставили великую философскую систему «с головы на ноги».

Мы не перестанем повторять, что если «природа не терпит пустоты», — тем более это относится к человеческой душе. Ее заполнение происходит одновременно с опустошением, но бывает подобно тому, как заполняется рот и горло землей у заживо похороненного человека: вместо воздуха — убийственный клин.

Мы внимательно отнеслись к тому, как описал Ж. П. Сартр свое рано начавшееся чтение, — явление это частое и далеко не всегда ведет лишь к скверным результатам. Нельзя сказать чтобы маленькому Полю пришлось читать только книги взрослых — дед подбирал ему и детские книги. Беда в том, что мальчик сознательно отворачивался от книг, доступных его пониманию, и тянулся к непонятному — энциклопедиям и романам, в их таинственные

«словесные джунгли». Наш бедный мальчик не любил ни одного литературного героя, — как все мы любили Робинзона Крузо, доброго негра Тома или золотую рыбку из сказки Пушкина. Заполнение души реальными и добрыми чувствами, — всего только любовью к матери и бабушке (какие, в самом деле, пустяки!), создало бы в душе ребенка сопротивление изнутри. Это сопротивление и не позволило бы ворваться в душу хаотической и непонятной «толще бытия», — так называет Сартр тяжелый ком, в который сбивалось теперь все смутное, что вычитывалось из энциклопедий и романов, сбивалось и лезло в душу, как могильная земля. Блуждания по «словесным джунглям» оказались очень опасны для незащищенного детского сознания.

Пусть бы наш бедный мальчик, читая книги, видел фигу, как Гоголевский Петрушка со своей эпической непошибаемостью. Жану Полю мерещились в «словесных джунглях» не прозаические фигуры, а какие-то жуткие кошмары. Маленького нигилиста тянуло именно в непонятные книги по очень глубокой причине: их туман был равнозначен сердечной пустоте и в этой пустоте маячили зачатая скверной нечисти. Мы это не выдумали, а прочитали в «Словах»: «... я пытался найти прибежище в одиночестве своего надменного «я», но у меня не было «я»: в глубине своей души я обнаружил озадаченную безликость. Мне чудилась медуза, которая тычется в стекло аквариума, собирая в мягкие складки свою мантию, и тает во мраке. Спустилась ночь, чернильные облака расплылись в зеркале, заволакивая мое последнее воплощение».

Мы не даром говорили о душевных связях и привязанностях, о сердечных влечениях и тяготениях, все это — центростремительность, отличная от разобщающей центробежности. Как всемирное тяготение образует орбиты и формы небесных тел, так душевные связи лежат в основе семьи и патриотизма и всего многообразия человеческих отношений. Все разлетается, как газ, при ослаблении этих связей. В такое газообразное состояние и перешла душа ребенка, как только он разлюбил вокруг себя все и всех. В этом и ни в чем другом — разгадка нелюбви маленького Поля к земле, первым этажам и долинам, его стремление быть все выше и выше, выше всех, и еще выше. Дело тут вовсе не в душевной «возвышенности», которую восхищает в подъеме нарастающее величие мира. То был соблазн абсолютного превосходства, соблазн демонический. «Победоносное «я», — как выражается Сартр, — рвалось не просто «домой», а на «символический шестой этаж», в мировую беспредельность, где надлежит парить

и носиться из края в край. Этот никому не подчиненный дух зла». «Меня расплющивала сила тяготения», — это надо понимать так, что вкусившую соблазна душу стесняла теперь всякая сердечная связь, именуемая любовью. Для прихотливых виражей ничем не стесненной фантазии лучшей средой был «разреженный воздух изящной словесности», — и всего лучше, если не все в ней было понятно, т. е. имело обязательный смысл.

Хуже всего было то, что взрослые без всякой меры захваливали своего Wunderkind'a, восхищались его милыми штучками. Вскинутый на их же ладонях под самый потолок, маленький хитрец считал, что в порядке вещей, если он видит всех у своих ног с высоты «символического шестого этажа». Надо было все время парить в лучах славы, но настоящие подвиги ума и добродетели совершать слишком трудно, — оказалось, что легко можно подменить их подделками. В своем лицедействе, позаимствованном у взрослых, мальчик был чудовищно изобретателен. Например, можно было вызвать восхищение тем, что читаешь очень умные книги, которые другим детям совсем недоступны. Услышав, что кто-то из взрослых уже за дверью, — беги к полке и тянись за Корнелем, — «До чего же он любит Корнеля!» — вскрикивает уже умиленная мать. С носа уснувшего деда соскользнули очки, — внук поднимает их, нарушает сладкую дремоту старца и сует очки, — мальчику что-то понадобилось от старика, — тот умиляется, — новый повод для «сцены любви», опять маленький Поль взмыл в облака. Достигнуть такой успех очень просто: как старинные воздухоплаватели, сбрасываешь мешочек с песком, — стало чуть меньше нравственного балласта, зато ты снова «набрал высоту».

Но, видно, ошибался Сартр, полагая, что Бог выпустил из Своего всеведения ребячью душонку, выключив в ней голос совести. В этой «изящной колбочке», — так определяет Сартр свою детскую душу, нарастало смутное и тягостное сознание: «я — лжец». До сих пор мы считали, что только Падший Ангел мог изнывать в неизбывно гложущей тоске, — так описал нам его Лермонтов и изобразил Врубель, — в роскоши ангельских крыл. В «Словах» Сартра предстала перед нами душа «одного из малых сих», соблазненная дедушкой и бабушкой. Все очень точно в том, как описывает Сартр томление детской души: «Радужная видимость, из которой была соткана моя личность, сама изобличала себя ущербностью бытия — я не мог осознать ее до конца, но не мог и не ощущать. Я бросался к взрослым,

СУДЬБЫ РОССИИ

Проф. Н. ЗЕРНОВ

РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

История русской культуры трагична; с фатальной последовательностью духовно пробудившееся и свободолюбивое меньшинство уничтожалось деспотической властью, стремившейся сохранить в своих руках неограниченное господство над населением и из-за этого запрещавшей ему общение с остальным миром. Стихийные, анархические восстания только ухудшали положение и были бессильны дать стране свободу. Но все, что было пережито в прошлом в России, не сравнимо с тем погромом культурного меньшинства, который учинила советская власть в двадцатом веке. С фанатическим ожесточением она обрушилась на него, значительная часть интеллигенции погибла в тюрьмах, те кто выжил принуждены были замолкнуть и сдаться на милость победителей. Этот удар поразил Россию во время замечательного духовного и артистического возрождения, ознаменовавшего начало века, и поэтому потери, понесенные нашей родиной, особенно непоправимы (1).

Для того чтобы понять причины постигшей нас катастрофы, следует остановиться на трех основных вопросах: кто был автором революции, какие цели преследовали ее организаторы и почему они так жестоко расправились с представителями культурного меньшинства?

Можно без преувеличения сказать, что ни одно историческое событие никогда не было окружено столь густым слоем лжи, как все что касается коммунистического эксперимента в России. Недаром официальная история революции периодически переделывается по указкам партии. Одной из легенд, созданной коммунистами, является мнимое пролетарское происхождение советской системы. В действительности она была делом рук интеллигенции, и целью революции не было улучшение экономических условий ра-

1) См. N. Zernov. The Russian Religious Renaissance of XX Century. London 1963.

ища подтверждения моих достоинств, — то есть снова увязая во лжи. Приговоренный нравиться, я выставлял напоказ свои прелести, но они блекли на глазах. Я повсюду влачил за собой свое наигранное простодушие, свою никчемную значительность и надежду подстеречь счастливый случай, еще минута — и я ухватю его, я становлюсь в позу, и она возвращает меня к привычной пустоте... Не разделяя ни желаний, ни надежд, ни радостей рода человеческого, я хладнокровно расточал себя для того, чтобы его пленять. Он был моим зрительным залом, зажженная рампа отделяла меня от него, ввергая в горделивое одиночество, всякий раз оборачивающееся тоской».

И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви....

(«Демон»).

Бедный мальчик! Отвергнув в припадке страшной хулы Все-видящее Око, он встретил прильнувший к его душе взгляд медузы и костлявый призрак «курносой гадины».

В свете этих соображений, все приобретает серьезный смысл. Даже такие непостижимые слова, как заворожившее мальчика наименование племени «кентонтиморуменос», или термин из теории словесности «парантон» и «апокопа», — таили в себе призрачное обличье каких-то темных сил.

Более здоровым было то чтиво, которое стала подсовывать сыну мать, — материнское чувство подсказало бедной женщине, что мальчику необходимо самое примитивное «развлекательное» чтение, и она стала покупать ему бульварные детективы. Но — спасти положение было уже нельзя.

Мы не считаем этот род литературы вполне невинным и не таящим в себе иллюзорных услад, — но, в какой-то степени, его можно уподобить езде на трехколесном велосипеде, вполне законной в известном возрасте.

При всей опасности, запойное чтение с его произвольными фантазиями как-то все же сдерживало воображение. Это был полет аэростата с еще не прорванной оболочкой. Забираясь все выше, шар лопнул от внутреннего давления, и газ разлетелся в разные стороны.

бочего класса, а установление нового идеального строя во всем мире, который раз и навсегда обеспечит бы человечеству равенство, свободу и материальное благосостояние.

Кем же была эта русская интеллигенция, сделавшая революцию, и почему она считала себя призванной не только разрушить петербургскую империю, но также перекроить все ранее выработанные формы общественной и политической жизни?

Описание тех сложных исторических причин, которые создали русскую интеллигенцию, выходят за пределы этой статьи. Достаточно указать, что она была единственным и неповторимым явлением, скорее похожим на секуляризованный орден, чем на класс или на политическую партию. Она родилась в середине XIX века, в эпоху реформ, завершившихся освобождением крестьян от крепостной зависимости. Сначала она состояла из радикально настроенной молодежи, которая остро переживала свою вину перед сельским населением и рвалась прийти на помощь всем обездоленным и угнетенным. Вожди интеллигенции считали империю виновницей всех социальных зол и своею главной целью они ставили борьбу с самодержавием. Духовные корни, питавшие протест интеллигенции против социального неравенства, уходили в православное учение о братстве всех людей, он рождался из веры в возможность установления праведного общественного строя и преобразования всей жизни. Но интеллигенция в массе своей ушла из церкви, она увлеклась идеей, что в европейском социализме содержатся все решения русских проблем, она считала, что христианское учение о любви к врагам не совместимо с революционным активизмом и является помехой на пути к быстрому переустройству жизни. Русская интеллигенция в течение своей краткой и бурной истории всегда оставалась численно небольшой группой, но ее горячая вера в правоту своих убеждений, ее готовность жертвовать собою делала ее огромной силой. С фанатическим упорством она билась, казалось, в непреодолимую толстую стену царизма и к всеобщему удивлению эта твердь начала поддаваться под ее ударами. В 1917 году интеллигенции удалось пробить желанную брешь, и ликуя, с красными флагами в руках, участники прорыва бросились вперед. Многие из них ожидали попасть сразу в мир, освещенный солнцем оводобы, равенства и братства, но в действительности они попали в грандиозный концентрационный лагерь, окруженный колючей проволокой, с пулеметными вышками на углах, грозившими гибелью каждо-

му, кто пытался вырваться на свободу. Почему же случился столь неожиданный подмен, почему революция, организованная интеллигенцией, принесла не свободу, а деспотию, почему сама интеллигенция была уничтожена теми, кому она открыла дверь к власти?

Разгадка этого неожиданного превращения связана с теми целями, которые ставила перед собою интеллигенция в своей борьбе с империей. Как уже было указано, русские радикалы жили религиозным пафосом, они мечтали о преобразении мира, они чаяли появления на земле нового человека, освободившегося от личного и национального эгоизма. Именно этот утопизм и идеализм оказался роковым для интеллигенции и погубил ее. Хотя ее большинство не предвидело той пропасти, к которой она столь быстро приближалась, но это ясно сознавали лидеры начавшегося в России духовного возрождения. Они знали, что победители утописты-революционеры будут непримиримые враги свободы.

Первые годы двадцатого столетия были ознаменованы в России резкой переменой в мироощущении молодого поколения. Как ветер иногда разгоняет одним порывом тяжелые облака и вся природа озаряется яркими лучами солнца, так перед взором интеллектуальной и артистической элиты внезапно открылся новый мир, полный красок и звуков, которых не видело и не слышало старшее поколение. Появились талантливые поэты, даровитые художники и музыканты, пробудилась философская и религиозная мысль. Начался так теперь называемый «серебряный век русской культуры». Жизнь оказалась прекраснее, сложнее и таинственнее, чем ее представляли вожди интеллигенции в девятнадцатом веке: Чернышевский, Добролюбов и Писарев. Исключительное сосредоточие на социальных и экономических вопросах перестало удовлетворять проснувшееся сознание, догматический позитивизм и материализм потеряли свою убедительность. Бесконечные споры между народниками и марксистами выпали из центра внимания. Передовая часть главным образом столичной интеллигенции вырвалась из душного, накуренного подвала, где она проводила время в нескончаемых прениях о преимуществах различных социалистических программ для переустройства мира. Она вышла на свежий воздух и стала жадно вдыхать его. Это чувство освобождения от революционной одержимости сопровождалось у более ответственных представителей интеллигенции

сознанием острой тревоги за будущее своей родины, за тех кто оставался в дурмане своих утопий.

В 1909 г. появился в Москве замечательный сборник под названием «Вехи». Его главные участники были четыре известных вождя интеллигенции Струве, Булгаков, Бердяев и Франк. Эти бывшие марксисты обратились с горячим призывом к своим соратникам остановиться на своем опасном пути, посмотреть заново свои установки и не бояться посмотреть в глаза суровой правде. Они предупреждали, что победа революции приведет к деспотии еще неиспытанной тяжести. «Вехи» были подлинно пророческой книгой, все, что писали ее авторы, сбылось восемь лет позднее. Голос «Вех» не был услышан, тогда как доводы бывших марксистов были убедительны своей логической последовательностью.

Авторы «Вех» утверждали, что так как цель революционеров была не постепенное улучшение экономических условий, а магический прыжок из царства необходимости в царство свободы, то победа должна была достаться самому фанатическому и утопическому партийному вождю. Тот, кто будет обещать больше всех других, тот, кто сможет перекричать всех соперников и убедить, что он один знает путь к всеобщему благополучию, тот будет иметь наибольший успех у легковерной и не искушенной в политической мудрости толпы. Так и случилось в 1917 году; Ленин оказался наиболее талантливым и ярким демагогом, он не знал границ в своих несбыточных обещаниях и он победил и левых и правых социал-революционеров и трудовиков и анархистов. Захватив власть, он сразу закрыл все органы печати своих социалистических соратников, как это предвидели авторы «Вех». Но эта мера оказалась недостаточной. Начались аресты и заключение всех непокорных или сомневающихся в непогрешимости вождя. Красный террор, раз начавшись, стал быстро расти, и вскоре он вовлек в свои страшные сети все население огромной страны. Общения, розданные своим сторонникам Лениным, были неосуществимы и поэтому как перед ним, так и перед его преемниками встал выбор или откровенно признаться в этом или же беспощадно карать всякого, кто посмеет критиковать партийного вождя, присвоившего себе непререкаемый авторитет и требующего от всех безусловного подчинения. Большевики встали на этот путь насилия, и уже полстолетия идут упорно по нему.

В действительности тот земной рай, который Ленин, Троцкий

и Сталин предлагают людям, является тюрьмой для подлинного человека со всеми противоречиями его сложной природы. Если бы он был осуществлен, он мог удовлетворить только ущербленного человека, отказавшегося от дара свободы и удовлетворившегося рецептом счастливой и беззаботной жизни, содержащимся в партийном катехизисе. Такие люди существуют, тоталитарный режим всячески покровительствует им, эти полулюди никогда не смогут всецело вытеснить и заменить обычных людей, таких, какими их создал Бог. Больше того, даже эти питомцы коммунизма не гарантированы от опасных влияний, и у них иногда появляется желание освободиться от опеки «родной и любимой» партии, и зарождается в душе сомнение: так ли всегда непогрешимы ее вожди. Вот почему советская власть принуждена всегда бдительно следить за подвластным населением, пресекать все его попытки выйти из ее попечения и сурово наказывать всех недовольных. Коммунистический строй не отделим от строжайшей цензуры, от лагерей и тюрем для инакомыслящих. Колочая проволока необходима для удержания в «раю» облагодетельствованное коммунистами население.

Вожди духовного возрождения все это предвидели и точно описали, но они указали так же выход из «рая» в солнечный мир христианской любви, всепрощения и свободы. Они верили, что в центре истории стоит парадокс Боговоплощения и что в Иисусе Христе человечество нашло ответ на тайну своего происхождения и конечного завершения своего земного существования. Согласно им, одной из причин, облегчивших победу коммунизма является потеря современными людьми дара распознавания духов, невозможность для них отличить истинных пророков от ложных, ангелов света от ангелов тьмы. Чем больше люди закрывают глаза на метафизические корни зла и стараются свести его на уровень психических и социальных неурядиц, тем беспомощнее становятся они в борьбе с враждебными силами, угрожающими им со всех сторон.

Русские были всегда полярны, зло во всех его проявлениях привлекало их, но и образ евангельского совершенства и чистоты сердца звал их идти по этой горной тропе. Русская литература сделала свой главный вклад в общечеловеческое искусство своим проникновением в свободу выбора между добром и злом в душе каждого человека. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Толстой и Блок все испытали соблазн отдания себя стихийным силам, несущим гибель. Но конечно глубже других природа зла

и его олицетворения в личности его носителя дьявола нашли свое описание в гениальных творениях Гоголя и Достоевского, а в наше время и Михаила Булгакова. Русские мыслители, будучи учениками Достоевского и Владимира Соловьева, знали, что современный социальный утопизм рождается из богоборчества, но только в России коммунизм обнаружил свою истинную природу. Ленинизм не только ненавидит Бога, но он также ненавидит свободного человека. Одной из характерных черт современного кризиса гуманитарной культуры, выросшей на почве христианства, является ее нечуждость к опыту, пережитому Россией. Романы Солженицына «Свидетельства Евгении Гинзбург (Крутой маршрут)» и Анатолия Марченко («Мои Показания») описывают тот ад, который человек способен создавать на земле. Самое разительное, что среди жертв этого ада находятся люди, добровольно помогающие своим палачам и мучителям ради того, чтобы еще усилить нравственные и физические муки своих товарищей по несчастью. Подобное inferнальное искажение личности еще раз доказывает как бездонность зла в человеке, так и безграничное стремление к Богу, к добру и красоте.

Советские тюрьмы и лагеря и их немецкие подражания раскрыли много нового в понимании природы людей, что должно было вызвать пересмотр многих привычных установок. Но этого до сих пор не произошло, что указывает на серьезность духовного заболевания, поразившего человечество. Тут как раз и становится ясным значение религиозного возрождения, случившегося в России накануне революции. Его глашатаи на опыте поняли, что человек не автономен, что ему не дана возможность оставаться нейтральным в той борьбе между добром и злом, которая выходит за пределы повседневного опыта.

Подобное утверждение, казалось бы, противоречит тому серому безрелигиозному мировоззрению, столь распространенному на западе. Средний советский гражданин тоже представляется погруженным в заботы об улучшении своего материального благосостояния и равнодушным к вопросам религии. Но за этой поверхностью безразличия и духовного обнищания идет повсеместно глухая, но упорная борьба между теми, кто верит в Бога, и теми, кто утверждает, что человек является сам хозяином своей судьбы. Только в России этот антагонизм прорвался наружу и безбожный человек старается всеми силами уничтожить христиан. Коммунисты закрыли около 90% церквей; бесчисленные мученики и исповедники заплатили своей жизнью за свою верность евангель-

скому благовестию. В действительности безбожный человек боится и ненавидит как Бога, так и своего ближнего, имеющего опыт богообщения. Уже Достоевский предвидел, что атеизм будет стремиться свести жизнь к одному уровню, что его идеал — это всеобщее единообразие, что он не может допустить и творческой независимости гения. Одним из самых трагических подтверждений этого является гибель о. Павла Флоренского (1882-1943?) — математика, изобретателя, искусствоведа, философа и богослова, справедливо названного русским Леонардо да Винчи. Он был задавлен бревном при разгрузке баржи в одном из сибирских лагерей. Этому гениальному русскому человеку не нашлось другого применения в социалистическом обществе. Солженицын в «Круге Первом» описывает злобного выродка Шикина, который распоряжается участью ученых и изобретателей, попавших в лагерь для подобных специалистов. Очевидно, один из таких Шикиных и был виновником смерти Флоренского и других выдающихся ученых, писателей и артистов, сосланных в лагеря.

Страшный опыт России вскрывает тот же процесс, который в смягченном и замедленном виде происходит всюду там, где человечество пытается строить свою жизнь вне Бога, на основе своих научных и технических достижений. Безбожие в своей сущности антигуманистично и отвергает свободу, но оно обнаруживает свой подлинный лик только тогда, когда оно доходит до своего логического конца.

В заключение хочется подвести итоги религиозного ренессанса, как для русского православия, так и для всего христианского мира. Может быть самый ценный вклад, сделанный вождями духовного обновления, была сила и крепость их веры в Бога. В наше время, когда Его существование упорно и самоуверенно отрицается большими и маленькими богоборцами, когда ленинцы в России уверяют, что у них имеются бесспорные доказательства, что мир существует вечно и что человек есть случайное проявление слепых сил материи и потому может по своему усмотрению устраивать свою земную жизнь, в это смутное время свидетельство людей, подобных Булгакову, Бердяеву и Франку о реальности их богообщения имеет особое значение. Их собственная вера прошла через горнило сомнений и отрицаний. Они сами были и атеисты и марксисты. Им знакомы все возражения против достоверности Евангелия и истины его благовестия. Вожди возрождения были глубоко укоренены в культуре России, они любили и верили в светлую будущность своей ро-

дины, но они не были шовинистами. Они знали и ценили запад. Оказавшись в изгнании, они вступили в дружеское сотрудничество с инославными. Они приняли живое участие в тогда начавшемся экуменическом движении. Они были убеждены, что только общими усилиями христианский мир сможет найти правильное решение стоящих перед ним вопросов и в этой взаимной помощи обрести свое утраченное единство.

Вожди возрождения не были напуганы отступничеством человечества. Они верили, что свобода, данная нам, может привести и к гибели и к спасению. Они учили, что христианство открыло перед людьми широкое и плодотворное поприще для творческой работы, для дальнейшего роста культуры и для преодоления вражды и распрей, но они настаивали, что пути подлинного прогресса были несовместимы с насилием и террором. Человек нуждается для своего совершенства в благодатной помощи Божьей, в реалистичной оценке своих возможностей и границ и в признании, что силы добра и зла превышают наше рациональное знание.

Русское возрождение оказало плодотворное влияние на тех западных христиан, которые были готовы учиться на горьком опыте своих соседей. Желание узнать об его учителях растет и в России. Об этом свидетельствуют те огромные усилия, которые делает советская власть для того, чтобы не допустить идеям возрождения проникнуть на их родину. «Свободной мысли неуютны насилие и ложь», цензура, тюрьмы и клевета не могут убить правды. Ленинисты в России делают все возможное в их силах, чтобы закрыть от народа светлый лик Христа и заменить его Лениным, громящим своих противников. Человек может восставать против Бога, отрицать Его существование, но людям не возможно победить своего Творца и отречься от данной им свободы. Это знали и об этом учили отцы русского духовного возрождения и это останется навсегда их драгоценным даром сокровищнице православной культуры.

ГОЛОСА ИЗ РОССИИ

А. АНТИПОВ

ОТ БРОЖЕНИЯ УМОВ — К УМСТВЕННОМУ ДВИЖЕНИЮ

Идеи могут быть обезврежены
только идеями.

О. Бальзак

1. Один из бросающихся в глаза итогов последних двенадцати лет состоит в том, что мы пристрастились к разговорам. Встречаясь друг с другом, мы живо обмениваемся новостями, слухами, догадками, значительно реже — обрывками нечаянно возникающих мыслей, делимся эмоциональными реакциями на события политической и культурной жизни общества. Речи становятся все свободнее; мы стали смелее, доверчивее, в значительной мере избавились от суеверий. Значение этих сдвигов не следует преуменьшать; преувеличивать его, однако, тоже ни к чему. Поначалу, после страшной немоты сталинской эпохи, такой род общения имел бесспорный позитивный смысл, помог нам сбросить или хотя бы ослабить многие путы, образовал доверительные кружки и даже создал некое подобие общественного мнения. Следует все же признать, что этот необходимый этап нашего просвещения уже исчерпан и пройден. С течением времени наши беседы все в большей степени вырождаются в однообразную болтовню; энергия и время расходуются на жевание, отрыгивание и пережевывание жвачки. Чувствуется оскомины. Наше вольнодумство лениво и поверхностно; информация попадает сплетней, критика смахивает на брюзжание, ирония отдает зубоскальством. Задача состоит в том, чтобы от болтовни перейти к мышлению, то есть к труду. Мы уже договорились обо всем, о чем можно договориться за чашкой чая или за рюмкой водки. Пора пересесть из-за обеденного стола за письменный.

2. Переход нашего развития в интеллектуальную фазу требует интенсивного обмена идеями. Только при этом условии наше общество сумеет осознать себя, сформулировать серьезную

и объективную оценку положения в стране и в мире, выработать новые цели и наметить реальные пути их достижения. Работа, о которой идет речь, несомненно потребует усилий многих умов в течение ряда лет. Мы нуждаемся в доброкачественном статистическом материале, в основательных исследованиях, касающихся экономических, политических, социальных, правовых, нравственных, культурных, психологических проблем нашего общества, в объективных работах по его истории. Нам нужны также переводы работ зарубежных специалистов. Мы должны бесстрашно исследовать свой общественный организм — такова насущная задача, решать которую можно только сообща, в условиях живой и свободной дискуссии. Мы овладели речью — пора учиться письму.

3. Здесь читатель вправе задать естественно возникающий вопрос: «Что это за фантастика? Где живет автор? Знает ли он о существовании цензуры?». Да, автор знает о существовании цензуры, и он ясно отдает себе отчет в том, что идейная жизнь нашего общества должна в значительной степени проходить вне сферы, контролируемой цензурой. В последние годы мы стали свидетелями массового распространения различных рукописных нецензурированных материалов — стенограмм, протоколов, писем, мемуаров, социологических и исторических исследований, даже романов. Количество таких материалов возрастает год от года. К сожалению, они остаются без обсуждения и тонут — если не в молчании, то в болтовне.

Немаловажным достоинством литературы такого рода, независимо от жанра, является прежде всего то, что тексты, предназначенные для публикации в списках, создаются без оглядки на официальную точку зрения, то есть без участия «внутреннего цензора», тяготеющего над автором любого произведения, предназначенного для типографской печати. Исследователям и беллетристам, привыкшим писать для печати, вероятно, нелегко будет научиться держать перо в раскованной руке — но эта наука окупится с лихвой новым и высоким наслаждением, которое они испытают.

Другая важная сторона дела состоит в том, что внецензурная литература порождает и читателя нового для нас типа. Написание отклика, критического разбора, может, по-видимому, стать самой обычной и естественной реакцией на прочитанный материал. Конференция проходит без председателя, каждый,

имеющий, что сказать, располагает собственной трибуной, с которой он спокойно, не прерывая других, высказывает свою точку зрения. Перо, бумага, мужество и осторожность — вот все, что необходимо.

Значительные произведения будут порождать таким образом лавинообразный поток критики, критики критики, откликов на отклики. Заметим в скобках, что для облегчения ссылок желательнее сопровождать каждый текст подписью (разумеется, псевдонимической) и разбивать его на небольшие параграфы, снабженные номером или заголовком.

Не следует думать, что метод распространения литературы в списках сколько-нибудь серьезно сужает аудиторию, к которой она обращена: Платон, Эвклид и Плутарх просветили своих современников и продолжают просвещать нас, несмотря на то, что их творения созданы задолго до изобретения типографского станка. Книга старше книгопечатания. Нужно ясно представить себе несоизмеримость двух достижений культуры — звукового письма и печати. Первое — великое завоевание человеческого разума; второе — важное техническое усовершенствование. В нынешних условиях особое значение приобретает другое остроумное приспособление, изобретенное еще позже: пишущая машинка может то, чего не может пресс Гутенберга. Важно при этом, что списочные публикации, как показывает опыт, имеют тенденцию к самовоспроизведению; вскоре после выхода в свет они сами собой — без участия автора или каких-либо специальных организаций — достигают оптимального тиража, в основном удовлетворяя активный спрос. При этом тираж оказывается приблизительно пропорциональным общественной ценности сочинения.

4. Здесь читатель вправе задать еще один вопрос: «А знает ли все-таки автор, где он живет? Известно ли ему о существовании могущественных органов, препятствующих распространению материалов, не прошедших цензуру?». Да, автор знает о существовании таких органов. Но могущество не есть всемогущество. Мощи сыскного аппарата должны быть противопоставлены хладнокровие и осмотрительность. От каждого участника внецензурной идейной жизни нашего общества требуется соблюдение определенных норм личной и коллективной безопасности. Уже сейчас во многих беседах обсуждаются соответствующие меры — основы будущего неписанного кодекса. Об этих мерах нужно думать. Необходимо свести к минимуму опасности, которым подвергается

гражданин, используя свои законные права в условиях беззакония.

*
**

Не будем шуметь, не будем воевать за свободу печати — будем ее осуществлять.

Январь 1969 г.

ПИСЬМО О. СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА
Профессору И. ГРОМАДКА

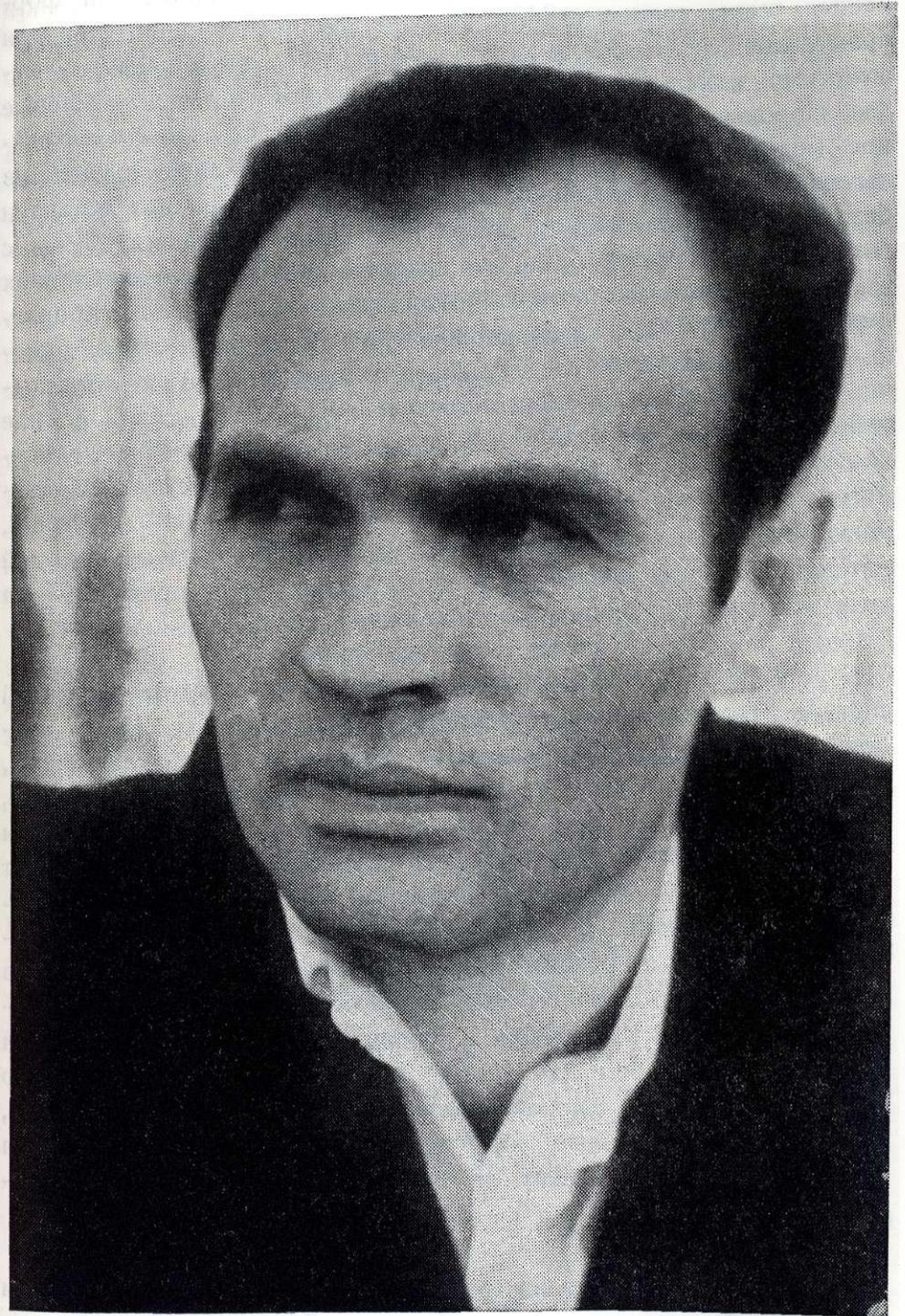
Председателю
Христианской Мирной Конференции
Профессору Иосифу Громадка.
Прага, Чехословакия.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Многоуважаемый Председатель, обращаюсь к Вам и с идентичными письмами к некоторым другим мне известным выдающимся представителям всемирного Христианства, — обращаюсь без какой-либо корпоративной представительности, но с полной личной ответственностью. Я почувствовал свой личный долг христианина и священника в том, чтобы передать Вам мои впечатления от свидетельства, с которым выступил в рукописи «**Мои показания**» (Александров, 1967) Анатолий Тихонович Марченко*), недавно вышедший из концентрационного лагеря на станции Потьма в Мордовской Автономной Социалистической Советской Республике. Речь идет не о проклятом прошлом, а о том, что происходит сегодня.

1. Сегодня политические заключенные в тюрьме и лагере подвергаются бесчеловечному обращению. Кошмарны условия перевозки заключенных. Затем во все продолжение присужден-

(*) Анатолий Марченко. **Мои показания**. Изд. La Presse libre - 372 стр. 1969. Ан. Марченко родился в 1939 г. Сын простого рабочего и сам рабочий. Совсем молодым человеком начал борьбу за свободу и справедливость, что ему стоило шести лет концентрационных лагерей строгого режима (с 1960 по 1966). **Мои показания** — правдивый рассказ о пережитом в лагерях. 29 июля 1968 г. он был снова арестован и 21 августа приговорен к одному году заключения в лагерях строгого режима. 20 августа 1969 г. в Перми состоялся новый суд над Марченко, который был приговорен к 2 новым годам заключения в лагерях строгого режима.

Анатолий Тихонович Марченко

ного срока — голод, хроническое недоедание, временами форменная пытка голодом. 2400 калорий на человека в день, для провинившихся — 1300 калорий. Принудительные работы, невыносимо тяжелые при столь недостаточном питании. Опасные для здоровья бытовые условия. Совершенно неудовлетворительное медицинское обслуживание заболевших. Автор вышел из лагеря инвалидом — оглох вследствие того, что был оставлен без лечения при гнойном менингите. Он свидетельствует — с готовностью доказать это на гласном суде — об избиениях заключенных, об убийствах пойманных беглецов, о многообразных издевательствах, доводящих людей до сумасшествия, самокалечения, самоубийства. Произвол администрации и абсолютная безнадежность протеста. Сегодня остается и в полной силе действует традиция сталинских лагерей — подавление человеческого достоинства заключенных и тяжелые репрессии для каждого, кто этому сопротивляется: лишение свиданий, посылки, книги, карцер и внутрилагерная тюрьма с пониженной нормой питания. Все это вместе называется «строгим режимом» — на деле же является системой ускоренной смерти.

2. Вместе с политическими заключенными сегодня в этой системе страдают и так называемые «религиозники». Автор свидетельствует: «Так одним словом называют тех заключенных, которые сидят за веру в Бога. Верят в Бога не только они, среди заключенных есть и другие верующие; а религиозники именно за религию арестованы и осуждены. Кого только нет среди них! И мусульмане с Кавказа, и Средней Азии, и православные, и баптисты, и свидетели Иеговы, и евангелисты, и субботники, и много разных других»... «Фанатизм религиозников проявляется только в том, что они отстаивают свои собственные религиозные убеждения и правила. Это очень смиренные и спокойные люди, большей частью старики лет 60 и старше, но есть и молодые. К заключению своему они относятся не так, как другие заключенные: их утешает то, что они страдают за своего Бога, за свою веру, и они терпеливо переносят страдания и мучения».

3. Автор близко познакомился в лагере с писателем Юлием Даниелем. Вместе с писателем Андреем Синявским они были в 1966 году осуждены соответственно на 5 и 7 лет «строгого режима» за художественные произведения, в которых проявили

критическое отношение к современной действительности. Известно, что позднее за составление сборника документов о процессе этих писателей осужден на 5 лет «строгого режима» Александр Гинзбург. Вместе с ним за составление рукописного литературного сборника «Феникс» осужден на 7 лет того же убийственного «строгого режима» больной Юрий Галансков. К сожалению, из свидетельства Марченко нельзя определить — каково относительное множество других подобного рода страдальцев. Формально они считаются уголовными преступниками, но они не сделали и не замыслили никакого насилия. Они только попытались-было осуществить некоторые из прав человека, провозглашенных еще в 1948 году Организацией Объединенных Наций; а это такие права человека, которые являются вместе с тем и религиозной обязанностью человека. Христианин обязан пред Богом быть вполне человеком — свободным человеком, свободно размышлять, не лгать, не притворяться пред собой и другими... Преследование человека за эту свободу личных убеждений и мирных правдивых высказываний есть покушение Кесаря на то, что принадлежит Богу. По сути дела такое преследование есть преступление против человечности — против свободной, священной человечности, которая дарована нам от Бога во Христе, Господе нашем. За этот христианский принцип страдают сегодня в «строгом режиме» упомянутые и безвестные представители русской интеллигенции.

Таковы в кратчайшем изложении свидетельства, в правдивости которых при желании можно довольно легко убедиться. Представляю их на усмотрение Вашей христианской совести. Я полагаю, что в нашем практическом отношении к этим фактам сегодня на деле проверяется искренность и духовная сила нашего Христианства.

С уважением свящ. Сергей Желудков.

В день святителя Николая и Победы,

9 мая 1968 года.

Мой адрес: С.С.С.Р., Псков-14,
Псковская улица, 6.

Идентичные письма рассылаются:

Его Святейшеству Патриарху Вселенскому Афинагору — Стамбул, Турция.

Генеральному Секретарю Всемирного Совета Церквей доктору Юджину К. Блейк — Женева, Швейцария.

Его Преосвященству Кардиналу Беа — Рим, Италия.

Его Преосвященству Кардиналу Стефану Вышиньскому — Варшава, Польша.

Его Милости Архиепископу Кентерберийскому Михаилу Рамзей — Лондон, Англия.

Его Милости Епископу Вуличскому Джону Робинзон — Лондон, Англия.

Профессору Колумбийского Университета и Православной Академии имени св. князя Владимира, протоиерею о. Александру Шмеман — Нью-Йорк, С.Ш.А.

Протоиерею о. Владимиру Родзянко — Англия, Лондон, Британская Радиовещательная Корпорация.

ПОСЛЕДНИЕ ВЕСТИ ИЗ РОССИИ

В конце сентября Редакцией Вестника было получено известие о новой волне арестов, коснувшихся ряда лиц, так или иначе выразивших протесты против злоупотреблений Советской власти.

Среди арестованных находятся и два члена Православной Церкви, имена которых хорошо знакомы читателям Вестника: Борис Талантов и Анатолий Краснов-Левитин.

Борис Талантов был арестован 12 июня 1969 года в Кирове (Вятка) и находится в одиночном заключении, несмотря на протесты многочисленных верующих города Кирова.

Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин арестован 12 сентября и посажен в Бутырскую тюрьму. Последним написанным им произведением был протест против незаконного ареста Бориса Талантова. А. Краснов вошел в инициативную группу защиты гражданских прав в СССР, почти все члены которой были арестованы.

Произведения Б. Талантова и А. Краснова были помещены в предыдущих номерах Вестника. Редакция Вестника обращается ко всем своим читателям с просьбой молиться о здравии и освобождении от уз рабов Божиих Бориса и Анатолия. Необходимо как можно шире распространять сообщение об их аресте, а так же направлять в международные и советские органы телеграммы протеста с просьбой об освобождении заключенных.

А. КРАСНОВ-ЛЕВИТИН

СВЕТ В ОКОНЦЕ

«Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела».

Б. Пастернак

Арестован генерал Григоренко. *)

Петр Григорьевич Григоренко — честнейший, бескорыстнейший русский человек. В чьем сердце не откликнулось горестным эхом это известие, кто не вздрогнул, услышав эту весть?

Не вздрогнул и остался равнодушным только тот, в ком окончательно заснула совесть, кто окончательно потерял чувство чести.

Петр Григорьевич Григоренко происходит из простой крестьянской семьи. Украинец по отцу, великоросс по матери, он родился в 1907 г., почти вместе с XX веком. И вся жизнь его прошла в самой гуще этого трагического и величавого века. Крестьянский сын, он вступил в комсомол в ранней юности и был комсомольским активистом у себя в деревне. Он в 20-х годах, по глубокому внутреннему убеждению вступил в коммунистическую партию; ревностным коммунистом остается он до сего дня. С его пись-

(*) Как, вероятно, читателям известно, генерал Григоренко, 34 года прослуживший в советской армии, был разжалован и исключен из Ком. партии Н. Хрущевым за то, что протестовал против наметившейся тенденции реабилитировать Сталина. В 1967 году генерал Григоренко открыто протестовал против незаконностей в процессе, учиненном Буковскому и Хаустову; в 1968 году он таким же порядком заступился за Галанскова, Гинзбург, Добровольского и Лашкову. В августе того же года он протестовал против нового ареста А. Марченко. С особенным пылом он ратовал за восстановление гражданских прав крымским татарами и за предоставление им возможности вернуться в Крым. Ген. Григоренко арестован 7 мая 1969 г. в Ташкенте, куда он приехал, чтобы выступить в качестве общественного защитника на процессе, учиненном группе крымских татар.

Политико-философская проблема о совместимости «социализма и свободы», поставленная А. Красновым в конце статьи, требует более тщательного анализа. До сих пор социализм и свобода нигде не совмещены, и не совсем ясно, что гарантирует их совместимость. Ред.

менного стола на вас смотрит Ленин, портрет которого стоит, прислоненный к углу, точно икона. А говорит он о коммунизме с такой горячей верой, что даже люди, наиболее далекие от коммунизма, на какое-то мгновение начинают верить в него. Петр Григорьевич в молодые годы избрал себе профессию военного, — и вся его жизнь прошла под боевыми знаменами. Кадровый офицер, боевой генерал, проделавший весь путь Отечественной войны — от 22 июня до дня Победы, ученый артиллерист, профессор Академии, он сросся с армией.

Он — генерал до кончиков ногтей. Генерал и в штатском платье, которое не может скрыть его военной выправки и которое так не идет к его богатырскому росту. Осенью прошлого года я слышал передачу по иностранному радио, в которой нашего генерала называли старым, вздорным служакой, какие имеются во всякой армии. Какой глупый образ и как не похож Петр Григорьевич на тот тип старого бурбона, о котором говорит радио-обозреватель. Нет, армия не убила в генерале ни ума, ни сердца. Мягкий, все понимающий, снисходительный к людским слабостям, тонко чувствующий и внимательный к каждому человеку, генерал представляет собой тип настоящего интеллигента. Откуда усвоил крестьянский сын деликатность, чувство такта, изящество манер? Не знаю. Вероятно, ниоткуда. Он таким родился и таким дожил до 62-х лет. Вспоминаю его сейчас, в своей комнате, в той самой комнате, в которой я принимал его месяц назад, на Пасху. И не верю: неужто действительно он арестован, брошен в какую-то вонючую яму?

Не верю, но не верить нельзя. Не мужское дело предаваться сантиментам. Давайте разберемся в том, что произошло.

*
**

Четыре года назад меня принял (вследствие моего заявления, поданного в ЦК) зав. отделом агитации и пропаганды горкома Шумилов, Анатолий.

От него я услышал следующую фразу: «Насколько я понимаю, Вы сделали целью своей жизни защиту религии. Ну, и защищайте себе ее на здоровье. Почему Вы все время лезете в политику?» Я вспомнил этот эпизод потому, что подобные советы я слышу каждый день от самых разных людей: от друзей и от врагов, от церковников и от коммунистов, от семинаристов и от убеленных сединами протоиереев. Я хочу, однако, заслу-

шать совет Главы моей церкви. Главы живого и вечного. Открываю Евангелие. Читаю: «Человек накий шел из Иерусалима в Иерихон и попал к разбойникам, которые раздели его и, изранив его, ушли, оставив его, едва живого. Случайно, священник некий шел путем тем и, увидев его, прошел мимо. Так же и Левит, бывший на том месте, проходил и, увидев, прошел мимо. Самарянин же некто, проходя, подошел к нему и, увидев, милосердствовал. И, приступив, обвязал струпы его, возлил на них масло и вино. Посадив же его на свой скот, привел его в гостиницу и ухаживал за ним. И поутру, уходя, взял два сребреника, дал гостиннику и сказал ему: «Последи за ним, и если что истратишь, я, когда возвращусь, отдам тебе». «Кто из этих трех ближний тому, кто попал к разбойникам?» Он (книжник) сказал: «Сотворивший милость с ним». И сказал ему Иисус: «Иди, и ты твори так же» (Лк. 10, 30-37).

Таков ответ Господа.

Я видел с детства людей, скованных страхом; страхом, который овладевает людьми, парализует их способности, превращает их в идиотов. Я видел с детства уйму несправедливости, жестокости, мерзости. Как только не издевались над людьми, как только не мучили их, как только не плевали им в душу! Потом эти несправедливости были осуждены. Но на смену им пришли новые несправедливости, новые страдания, новая ложь.

И кто поможет страждущим, обремененным, обиженным судьбой? Может быть, священники? Они проходят мимо; они заняты повседневной работой (1), а многие из них целиком уходят в быт, становятся мещанами и эгоистами.

Но, может быть, левиты (активные церковные работники), которые шмыгают по заграницам, обжираются черной икрой на банкетах, получают бешеные оклады в Иностранном отделе при Патриархии и пишут бездарные статейки в ЖМП? Может быть, они помогут израненному? Нет, эгоистичные и продажные, они тоже проходят мимо.

Я принадлежу к православной церкви и вовсе не хочу бросить в нее камень, хотя и критикую пиявок, присосавшихся к ней и питающихся ее соками. Но в настоящее время я вижу больше Христова Духа в людях, пришедших со стороны — самарянах.

Разве не милосердным самарянином был П. Г. Григоренко,

1) Я не сужу тех священников, которые заняты работой: работа эта важная, полезная и от нее зависит будущее России. Земной поклон им за эту работу.

когда в 1961 г. он, преуспевающий молодой генерал, выступил на партконференции с резкой критикой Хрущева и поплатился за это своей карьерой, обрек себя на скитания по тюрьмам и сумасшедшим домам, на обыски и аресты, на унижения и оскорбления? Разве не милосердным самарянином явился он сейчас, когда он пришел на помощь чуждому ему по крови крымско-татарскому народу и за это поплатился свободой? Разве не милосердными самарянами являются Петр Якир, Павел Литвинов, Лариса Богораз, Владимир Буковский, Виктор Красин, Александр Гинзбург, Виктор Хаустов, Юрий Галансков, Ирина Белгородская, вся жизнь которых отдана людям, ибо они все отдали народу — все без остатка, ничего не оставив себе?

Я преклоняюсь перед душевной чистотой арестованного сейчас Ильи Габая — скромного, честного и веселого человека, всю жизнь страдавшего за свои убеждения.

Я с волнением прочел письмо Ивана Яхимовича, написанное за два часа до ареста, полное достоинства, беззаветной любви к народу и смелости. И я воскликнул об этом коммунисте: «Се человек!»

И я иду к этим людям, поднявшим знамя борьбы за свет и правду... Ни в чем не поступаясь своими убеждениями, оставаясь верующим христианином и сыном Русской Православной Церкви, я иду вместе с ними и буду счастлив разделить их судьбу.

В быту до сих пор неверное представление о политике. Считают политику чем-то грязным, надувательским, чем занимаются хитрые честолюбцы, жаждущие власти. Зачастую это так и бывает. Но есть и другие политики — политики, прототипом которых является Данко, сердце которого — огненный факел, освещающий путь народу.

60-ые годы прошлого века жил в Москве человек крайне консервативного образа мыслей, монархист и славянофил И. Э. Аксаков. Но он был верующим христианином и верующим человеком. И неожиданно для всех, он приветствовал бунтаря Гарибальди, потому что, как писал он сам, «Гарибальди не только политическое, но глубоко нравственное явление».

Политика из ремесла становится подвигом, когда человек отдает себя народу и жертвует собой за народ. Политика становится глубоко нравственным явлением, когда человек идет за нее на страдания. Церковь в страстную неделю, говоря о Христе,

желая подчеркнуть особую высоту его подвига, указывает, что на страдания Он пошел по Своей Воле. Она говорит словами отпуста: «Христос, **грядый на вольную страсть**, истинный Бог наш». Но и все выше перечисленные нами люди грядут на вольную страсть и в этом они уподобляются Иисусу Христу, становятся (независимо от своих убеждений) причастниками Его страданий.

Недавно я стал крестным отцом девушки-еврейки, поэтессы и вольнолюбивого человека, которая написала перед крещением следующие строки:

«Вы не бойтесь веселого Бога,
Он живет в высоченном доме.
И любая прямая дорога
Непреренно приводит к Нему».

Петр Григоренко и его товарищи идут по жизни прямой дорогой, и я верю, что она приведет их к Богу, как привела уже многих вольнолюбивых людей, которые принимают крещение и присоединяются к церкви в эти дни.

Но они дороги мне и сейчас, такими, какие они есть, и неверующими. И я считаю их братьями своими во Христе — во Христе, грядущем на вольную страсть.

Среди верующих людей есть представление о политике, что она является чем-то низменным, слишком земным, отдаляющим от Бога. «Я не могу без отвращения слышать о политике», — сказал мне недавно один молодой священник, встретившийся со мной в вагоне электропоезда. Так говорят мещане в рясах, но не так говорит истинно церковное сознание. Церковное мировоззрение хорошо выражено в известной народной легенде о святом Кассиане и о святителе Николае, архиепископе Мир Ликийских.

Шли однажды два святителя к Богу в белоснежных ризах, символизирующих их душевную чистоту, а по дороге им попался мужичок, который вытаскивал завязшую в грязи телегу. Глянул на него святой Касьян и прошел мимо, ибо не захотелось ему марать в грязи свою чистую ризу. А святитель Николай помог мужику и пришел к Богу в одежде, облепленной грязью. И Господь сказал святителям: «Ты Касьян, за то, что не помог мужику, будешь праздноваться раз в четыре года, а ты, Николай, за то, что ему помог, будешь праздноваться не один раз, а два раза в год».

И действительно, святитель Николай не боялся грязи и он не боялся вмешиваться в политику: он спасал невинных людей, осужденных на смертную казнь, посещал тюрьмы, вступался за обиженных, боролся со всякой несправедливостью, откуда бы она ни исходила... И потому ставит его наша церковь на одно из первых мест среди святых угодников Божьих: «Друг Христов и Второй Петр, явился еси, отче...» восклицает она словами песни шестой канона святителя.

А эгоистичных и теплохладных, которые равнодушны к людским страданиям, — изблюет Господь из уст Своих и прогонит прочь от Лица Своего и в этой жизни и в будущей.

**

Но чего хочет Григоренко, чего хотят его товарищи, из-за чего они страдают?

Начнем с второстепенного — с того, что послужило непосредственным поводом для ареста П. Г. Григоренко и И. Я. Габая, — с дела крымских татар. Скажу для начала несколько слов о своем восприятии этой проблемы. Мой отец был до революции мировым судьей г. Баку, и ему была присуща психология колониального чиновника со всеми его слабыми сторонами — и, прежде всего, великорусский шовинизм, сопровождавшийся пренебрежительным отношением ко всем «инородцам» (не исключая и евреев, из которых он сам вышел). Особенно пренебрежительно Эммануил Ильич относился к татарам. И, к своему стыду, должен признаться, я воспринял от него подобное же отношение к татарам. Я помню, с каким неприязненным чувством я, будучи молодым учителем, отнесся к вновь назначенному директору школы только потому, что она была татарка. О крымских татарах я имел самое смутное представление и никогда о них не думал. Но в 1944 году произошел случай, который заставил меня остро почувствовать горе крымских татар.

1 мая 1944 г. я поехал в дом отдыха, под Ташкент, в качестве корреспондента последних известий при Узбекском радиокомитете. Администрация приняла меня хорошо и поместила в одну комнату с начальником крупного строительства какого-то предприятия. И вот что рассказал мне начальник: — Плохо у меня было с рабочей силой. Совсем плохо. Местность безводная, проклятая. Пустыня. Кто сюда поедет? Совсем я горел, но выручили крымские татары.

— Как так?

— Да так. Привезли несколько эшелонов. Мужики, бабы, старухи, маленькие дети. Я им говорю: — Идите работать. Ах — так, ладно. Помещение не даю. Карточек не даю. Ничего не даю. А там ни сельсовета, ничего нет. Я хозяин. Посидели три дня под открытым небом, — половина пошла работать. Посидели неделяю. Все пошли. Ну, тут я их и запряг. План выполнили. И орден получил.

— Ну, а крымские татары как?

— Да ничего. — Впрочем, перемерла половина.

И тут я почувствовал, что дрогнуло мое сердце и комок подступил у меня к горлу. Я почувствовал острую жалость к этому чуждому для меня народу. Как я был счастлив, когда через много-много лет я смог поставить свою подпись под петицией, требующей справедливости к этому многострадальному народу. Но это не только многострадальный народ; это свободолюбивый и благородный народ. Из его среды выходят честные и смелые борцы за справедливость. Такими людьми являются Гомер Баев (чью мужественную речь на суде в Симферополе, произнесенную в конце апреля этого года, читал я вчера), а также героические защитники своего народа, которые должны предстать перед судом в Ташкенте.

И русский народ побратался с крымцами, протянув им руку в лице лучших своих сынов — недавно умершего писателя Алексея Костерина и генерала Петра Григоренко, которые отдали столько сил за возвращение крымцев в родные места. И теперь я спокоен: подленький писака Первенцев в сталинские времена оплевал крымский народ, но Костерин и Григоренко спасли честь русского народа, и отныне татаро-русское братство нерушимо веками.

Борьба за возвращение крымцев на родину — это, однако, лишь часть единой великой проблемы. Проблемы борьбы за демократию и за человечность в нашей стране.

За демократию. Очень много ругали и ругают буржуазную демократию. И действительно, она, как и все на свете, не является идеалом. Она не смогла предотвратить власти золотого тельца над душами людей. Однако не следует забывать, что демократия явилась величайшим завоеванием человечества. Свобода слова, свобода печати, свобода совести и свобода гражданской деятельности, завоеванные сначала в Англии (вследствие двух революций), а затем провозглашенные на весь мир Великой Французской

Революцией, являются основой человеческого общества; только эти свободы поднимают человеческое достоинство, дают возможность людям отстаивать свои права, обеспечивают справедливость. Только при соблюдении этих свобод — общество является обществом. Без них — не общество, а баранье стадо, бегущее за первым попавшимся пастухом, которому посчастливилось взять в руки палку. И тем не менее одной политической демократии мало, — нужна еще (в этом великая идея Сен-Симона, Фурье, Прудона и Маркса) и демократия экономическая.

Октябрьская революция разрушила капитализм, — она заложила основы социализма. Однако, в силу исторических причин, она вырвала те слабые победы буржуазной демократии, которые имелись в феодальной царской России.

Говоря языком Гегеля, Октябрьская революция была анти-тезисом по отношению к тезису — буржуазному обществу.

Антитезис, как известно, означает отрицание. И действительно, Октябрьская революция отрицала буржуазное общество целиком и полностью, перечеркивала в нем все, как отрицательное, так и положительное, что в нем было. В том числе и политическую свободу. Вряд ли можно судить за это кого-нибудь. К сожалению, все революции всегда впадали в крайность.

Общество, построенное Октябрем, является также анти-тезисом капитализма. Оно отрицает не только власть золотого тельца, но и политическую свободу. Если из отрицания частного предпринимательства выросла грандиозная промышленность, не знающая частных хозяев, что является несомненным достижением, — то из отрицания политических свобод выросла сталинщина, стоившая бесчисленных жертв, задержавшая историческое развитие нашей Родины на десятилетия и отнюдь не преодоленная до сих пор.

В данное время наш народ хочет синтеза — отрицания отрицания.

Таким синтезом может быть только социалистическая демократия — строй, в котором органически сочетается социалистическая собственность на средства производства с неограниченной свободой убеждений (исключение должно быть сделано лишь для человеконенавистнических идей — расизма, фашизма, деспотизма), с уважением человеческой личности, с полным отсутствием беззакония и произвола.

В нашей среде нет сторонников капитализма, — мы все сторонники социалистической демократии.

Социализм и свобода. Свобода и социализм. Вот чего мы хотим и мы этого будем добиваться до конца своей жизни и, если нужно, за это умрем.

**

Когда я сказал, несколько строчек перед этим, что мы боремся за демократию, я не случайно прибавил: «И за человечность». Ибо сталинщина — это не только произвол, но это прежде всего бесчеловечность.

О том, как бесчеловечность при Сталине пронизывала всю жизнь, говорить не приходится. Достаточно обратиться хотя бы к произведениям Солженицына, Евгении Гинзбург и Дудинцева, — если у кого-нибудь ослабла память.

Но долой имперфекты, — будем говорить о настоящем. А впрочем, все-таки вспомним историю.

Когда княгиня М. Н. Волконская, собираясь ехать в ссылку за своим мужем декабристом С. Г. Волконским, обратилась к Николаю I, то он, как известно, ответил ей письменным разрешением. Как излагает Некрасов письмо Николая, царь «не смея противиться чувствам высоким таким, давал он свое позволение, но лучше б желал, чтобы с сыном своим осталась бы я...» (Некрасов очень точно воспроизводит смысл письма Николая I).

Так было. А что мы видим теперь? Невеста Александра Гинзбурга, которая только ввиду неожиданного ареста жениха не успела зарегистрировать свой брак (заявление в ЗАГС уже было подано), 14 раз подавала заявление с просьбой разрешить ей оформить брак, — и 14 раз ей в этом было отказано. Сейчас она не может получить свидание с любимым человеком. Она бьется, как рыба об лед, кидается во все инстанции, — она не ставит перед собой никаких политических целей, — она хочет только одно — позволения видеть раз в несколько месяцев любимого человека. Увы! Никто не ценит ее высоких чувств. Это ли не бесчеловечность? И куда же идти дальше, если приходится учиться человечности уже у Николая I... — самого деспотичного из русских царей.

А вот другой факт, происшедший на днях. На этой неделе, как известно, судили математика Бурмистровича за то, что он прочел какую-то повесть Даниеля. Председательствовала член коллегии городского суда Лаврова, красивая, молодая женщина.

И вот, во время перерыва, она сказала следующую фразу: «Подсудимый, я лишу вас отдыха; вы его используете неправильно, — вы все время смотрите на свою мать». Даже конвоиры опешили от этой реплики, и кто-то из них сказал в коридоре: «Верно, она не замужем. Верно, у нее нет детей».

Мы привели два мелких факта. А сколько их можно привести еще: мы ведь ничего не сказали о сажании здоровых людей в сумасшедшие дома, о тяжком режиме лагерей, о выбрасывании с работы людей за их религиозные (пишущий эти строки) и политические убеждения.

И вот, мы поднимаем знамя борьбы за человечность. Мы заявляем, что никто не смеет унижать, обижать, оскорблять людей за их образ мыслей. За свободу, равенство и братство между людьми мы боремся. И если нужно — за это умрем.

*
**

Тяжело плестись в пургу одному: завывает вьюга; увязает в снегу, ветер валит с ног.

Но вот вдали забрезжил свет, совсем крошечная огненная точка — свечечка в чьем-то оконце.

И легче становится на душе, и бодрее шагает путник. И дальний свет зовет и манит. И вот сейчас мы завидели свет — теплоту, благородство, доброту — свет в оконце старого генерала и его друзей. И тепло и радостно на душе. Не погаснет этот свет.

«Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе.
Свеча горела».

Москва, 24 мая 1969 г.

ПИСЬМО ТРУДЯЩИХСЯ г. ГОРЬКОГО к ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ ЮДЖИНУ БЛЕЙКУ

Господин БЛЕЙК!

Обращаемся к вам с нижеследующей просьбой, имеющей чрезвычайно важную необходимость для большинства христиан г. Горького (РСФСР).

В г. Нижнем-Новгороде, называвшемся так до 1932 года, насчитывающем до 1917 года 110 тыс. жителей, имелось свыше 40 православных храмов, из которых с 1941 года и до настоящего времени остались на весь Горький, с населением 1,2 милл. жителей, лишь три действующих небольших храма, расположенных в бывших сельских местностях, включенных позднее в черту большого города, при этом ни в Канавинском, ни в Автозаводском, ни в Приокском и Сормовском районах города нет ни одной действующей церкви. Указанные три храма не превышают общую вместимость четырех тысяч человек, тогда как, если исходить лишь из предельно минимального соотношения верующих (10%), то число верующих выражается в сто двадцати тысячах только по г. Горькому, не считая приезжающих из других населенных местностей (гг. Бор, Дзержинск) и районов области, не имеющих храмов. Чрезмерное скопление молящихся внутри храма, особенно в осенне-зимнее время, при сильной тесноте и духоте, а также стояние вне храмов с непокрытыми головами (мужчины) на холодном воздухе, вызывает не только заболевание, но даже несчастные случаи, зарегистрированные в городских больницах.

Летом прошедшего 1967 года православные христиане г. Горького, исходя из постановления правительства об открытии храмов и из уверения митрополита Никодима в интервью с иностранными журналистами, передаваемому по радио о свободном открытии в нашей стране храмов по просьбе верующих граждан, обратились к уполномоченному Городского облисполкома по делам религии Волкову А. П. с ходатайством, под которым подписались свыше полутора тысяч человек. Уполномоченный дал разъяснение, что с этим вопросом надо обращаться в районные исполкомы города от лиц численностью 20 человек. В июле-августе 1967 года были поданы заявления во все райисполкомы города, но ни один из них не вынес никакого решения

и лишь по истечении нескольких месяцев при личных беседах с заместителями председателей райисполкомов верующие выслушивали ответы, что наличия трех церквей вполне достаточно, а председатель облисполкома г. Чугунов И. И. заявил, что он не уполномочен решать такие вопросы.

В январе 1968 года было подано ходатайство в Совет по делам религии при Совете Министров СССР на имя т. Куроедова В. А., подписанное также численностью 1500 человек. Представителей данной петиции принял инспектор т. Коваленко А. А., объяснивший, что Совет по делам религии не может ни открывать, ни закрывать храмы, а лишь перешлет заявление в Горьковский облисполком, что и выполнено им 15 февраля сего года, но облисполком отказал письменно в удовлетворении просьб без какой-либо мотивировки отказа (фотокопию ответа прилагаем).

4 апреля сего года группа верующих обратилась с той же просьбой в Президиум Верховного Совета СССР и описала действия упомянутых выше органов. Это письмо пошло обратным ходом опять через Совет по делам религии в Горьковский облисполком, который до сих пор не считает нужным дать какой-либо ответ. Такое же молчание сохраняет и ЦК КПСС, куда в июне месяце сего года направлено аналогичное письмо, а редакция газеты «Правда» переслала таковое опять в Совет по делам религии СССР.

Еще более прискорбным явлением служит воздействие руководящих лиц общественных, партийных отделов и администрации в тех предприятиях, где работают верующие, подписавшие ходатайство, применением к ним методов нажима, угроз и лишения законных прав и понуждая к отказу от подписи ходатайства. В частности, в заводе «Красное Сормово» понуждение к отказу со стороны начальника СКБ т. Зиватовского и начальника отдела т. Ефремова велось в грубой форме с оскорблением религиозных чувств, называя их заразой, а верующего сотрудника возможным орудием шпионажа, после чего этого работника перевели без его согласия на другую пониженную работу. Этими и подобными им воздействиями подвергают не за какие-либо противоправительственные дела, за уголовные преступления или за аморальное поведение, а лишь за участие в подписании ходатайств об открытии храма, что противоречит статьям 5, 7, 9 и 15 Указа Президиума Верховного Совета от 12 апреля сего года. Об этих неправильных методах поставлен в известность генеральный

секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев письмом от 28 июня сего года. 4-го апреля с. г. было направлено письмо в Московскую патриархию на имя митрополита Никодима с просьбой оказать содействие в данном деле, используя авторитет патриархии перед соответствующими органами и лицами гражданской власти. Взамен ожидаемой помощи мы, по прошествии трех месяцев (8 июля), получили лишь извещение от заместителя митрополита Никодима епископа Филарета о переадресовке им ходатайства управляющему делами Московской патриархии митрополиту Алексею по принадлежности.

Таким образом митрополит Никодим, его заместитель епископ Филарет, митрополит Алексей (все они члены Синода), будучи поставлены полностью в курс изложенных обстоятельств, могут дать подобное интервью по данному вопросу.

Исчерпав, как видите, все каналы и не получив ниоткуда конкретного разрешения вопроса не только в положительном для нас смысле, но и в отсутствии мотивированных отказов и даже в неполучении многих ответов от местных и центральных учреждений, верующие во всех своих ходатайствах ставили в известность упомянутые органы и возглавлявших их лиц, что неудовлетворением ими просьб вынудят обратиться во Всемирный Совет Церквей и в Комиссию Прав Человека при ООН, к чему и прибегаем настоящим письмом к вам с просьбой оказать содействие имеющимися в вашем распоряжении средствами к использованию своих задач и прав.

Господин Блейк, православные христиане г. Горького выражают уверенность, что вы примете и личное участие к оправданию наших надежд на вас в вопросе удовлетворения насущных духовных нужд, имеющих важное жизненное значение для верующих в условиях, описанных выше.

По нашему мнению, к тому имеются возможности в нашем городе, так как здания храмов, эксплуатируемых под хозяйственные нужды, подвергаются разрушению из-за отсутствия ремонта за ряд десятилетий.

Нам приятно было узнать, что в связи с пятидесятилетием возобновления русской патриархии, наша страна гостеприимно встретила в своей столице церковных представителей из многих других государств. Для них были возможности посетить все церкви Москвы, которых насчитывается не менее нескольких десятков.

Видя церковное благолепие их создается впечатление, что такое положение для молящихся имеется и во всех других городах. Но это мнение ошибочно. Пример тому г. Горький, в чем вы могли бы убедиться личным посещением или через своих представителей.

Господин Блейк, просим вас не делать настоящее письмо достоянием широкого круга, особенно журналистов, до получения благоприятного исхода ваших стараний в нашу пользу. И лишь в том случае, если к авторитетному вмешательству возглавляемой вами организацией не прислушаются, тогда наше заявление сделать предметом обсуждения мировой общественности*).

(Следуют 36 подписей с адресами).

Копия вышеприведенного письма отправлена генеральному секретарю ООН У Тану 4 ноября 1968 г.

Г-н У Тан! Адресуя вам это обращение (голос многих тысяч верующих г. Горького), просим вас после ознакомления с ним передать его в комиссию прав человека при ООН.

Перед отправлением к вам мы решили использовать последнюю возможность: ознакомить с его содержанием наше правительство, все еще надеясь, что голос многих тысяч горьковчан будет услышан. Но, к сожалению, и на этот раз наши усилия были тщетны. Все наши письма были переадресованы к заместителю председателя Горьковского облисполкома т. Гришанову А. В., который дал краткий лаконичный ответ (фотокопию ответа мы прилагаем).

В письме говорится, что мотивы отказа были даны на личном приеме у т. Гришанова (по поручению верующих на приеме были: Козулин В. Ф., Мещерский Д. Н., Денисов А. В.).

Тов. Гришанов изложил следующие «мотивы»: проверка посещения церквей в будничные дни показала, что народу ходит мало, а в воскресные дни переполнены не только православные храмы, но также и кинотеатры, стадионы, дворцы культуры.

*) Ходатайство трудящихся гор. Горького удовлетворено не было и поэтому уполномочили Ю. Блейка предать гласности их письмо.

Что можно на это ответить?

Церкви в основном посещаются в субботные и воскресные дни, так как основная масса верующих работает всю неделю, кроме этих дней.

В кинотеатры можно попасть на любой сеанс и, кроме того, число кинотеатров с каждым годом увеличивается, а число церквей остается тем же. Такие «мотивы» верующие вправе считать личными соображениями т. Гришанова, но не как ответом официального лица — депутата народа.

Таким образом, голос многих тысяч горьковчан так и не был никем услышан.

23 сентября 1968 года мы отправили к вам письмо, которое было послано с уведомлением. Но прошло около двух месяцев, а мы не получили почтового уведомления о вручении нашего письма адресату.

Совершенно ясно, что наше письмо было задержано соответствующими органами.

Поэтому мы вынуждены воспользоваться неофициальными каналами, чтобы вы и мировая общественность узнали о трудности духовной жизни верующих нашей страны, которые характерны для очень многих областей и городов нашей родины.

Ответ просим сообщить по адресу: г. Горький, 86, ул. Мануфактурная, д. № 13, кв. 50 — Козулину Вениамину Федоровичу.

4 ноября 1968 г.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ МАНУИЛ ЛЕМЕШЕВСКИЙ

(1885-1968)

12-го августа 1968 года, на 83-м году жизни скончался, пребывавший на покое, один из замечательных русских иерархов-исповедников веры — митрополит Мануил Лемешевский. В Журнале Московской Патриархии (10-1968) под подписью Сызранского епископа Иоанна напечатан некролог почившего, из которого осторожный автор, или бдительная цензура — а вероятно, и тот и другая, удалили всякий намек на страдальческий путь митрополита Мануила, просидевшего более 20 лет в лагерях. В моем архиве, уже много лет, хранилась рукопись, описывавшая жизненный путь преосвященного Мануила с революции по его третий арест в 1940 году. Написанная в конце войны не известным мне человеком, вырвавшимся из Советской России, она представляет собой ценнейший документ по истории русской Церкви в пореволюционное время.

Испытание преосвященного Мануила Лемешевского не окончилось в 1940 году. Освобожденный в 1945 г., он получил Оренбургскую кафедру, где развил кипучую деятельность, о которой можно найти сведения в номерах Журнала Московской Патриархии, относящихся к тому времени.

Полученный им титул архиепископа, пребывание на заседаниях в Священном Синоде не уберегли его от нового ареста. В 1948 году архиепископ Мануил был снова сослан в лагерь. Последнее его заключение оказалось самым длинным: оно затянулось на семь лет, вплоть до амнистии 1955 года. По освобождении, архиеп. Мануил занимал последовательно Чебоксарскую и Куйбышевскую кафедру. В 1962 г. он был возведен в сан митрополита.

Преосвящ. Мануил участвовал в злополучном совещании епископов 1961 года, на котором, под давлением правительства, были приняты неканоничные и пагубные для церковной жизни постановления, ущемляющие права священников. Вопреки ожиданиям, митрополит Мануил не выступил против навязанных решений, то ли по старости лет, то ли по обычной ему установке не противиться церковной власти. Рукопись печатается без сокращений и снабжена нами примечаниями, дополняющими или уточняющими отдельные факты.

Никита СТРУВЕ

«Их же не бе весь мир достоин, скиташеся в пустынях и в горах и пропасть земных».

(Евр. II,38).

Преосвященный Мануил родился 1 мая 1885 года в семье инженера Виктора Густавовича Лемешевского третьим ребенком, в Луге, и был назван в честь отца своего Виктором. Старший брат его Павел окончил высшее образование, сестра Мария

вышла замуж (за некоего Синявского); ему же на порах первой юности было видение, повелевшее ему уйти от мира, причем тут же ему было объявлено его будущее и монашеское имя Мануил.

И двадцати двух лет от роду он принял пострижение, где — к сожалению, неизвестно, непонятый родными, за исключением младшего брата Андрея, на которого его поступок произвел большое впечатление.*

Революция 1917 года застала его в братстве во имя Св. Александра Невского в Петербурге, тогда уже Петрограде. Это была крупная организация религиозно-просветительного характера, основанная в Александро-Невской Лавре при маститых отцах-иеромонахах Льве и Гурии и имевшая отделение на Спасской улице (д. 27), где было также и общество трезвости. Именно на Спасской при домовый церкви Общества был иеромонах Мануил неутомимым деятелем на ниве Божьей. Вдвоем с другим тружеником о. Варлаамом (также иеромонахом) они отправляли Божественную службу, посещали больных, вели беседы, раздавали книги. При Обществе была бесплатная столовая для бедняков; во время революции она продолжала существовать, делая действительно большое дело при наступившем голоде. О. Мануил привлекал к своей работе кого только мог: в хоре у него пел всякий, кто только что-нибудь понимал в пении; среди потерявшейся с революцией русской интеллигенции находил он подходящих себе людей. Так, повстречав на улице убитую горем женщину (Феодосию Дмитриевну К.), мужа которой расстреляли большевики, он посоветовал ей, чтобы отвлечься, работать при столовой: и навсегда привлек эту душу к живой, энергичной, неутомимой деятельности во имя Божие. Он собирал «беспризорных» ребят и разучивал с ними хоровое пение; находившееся поблизости (в Саперном переулке) Убежище Слепых получало от

*) В своем некрологе епископ Иоанн уточняет обстоятельства монашеского призвания епископа Мануила.

«В 1909 году неожиданно заболел его брат Павел. Виктор дал обет Богу принять монашество, если только его брат восстанет с одра болезни. Павел действительно выздоровел, хотя и был уже на грани смерти. В апреле 1910 г. Виктор тайно покинул родительский дом и поступил в самую бедную и тихую обитель: Николо-Столпненскую пустынь. Четыре года, с 1912 по 1916 год, иеромонах Мануил пробыл в Киргизской Духовной Миссии в г. Семипалатинске. В 1916 г. он поступил в Петроградскую духовную академию» (ЖМП, 10, 1968).

Общества постоянную духовную поддержку. Жил о. Мануил в это время с матерью и братом Андреем в Солдатском переулке. Отца их уже не было в живых.

Мало-помалу Соввласть, отделившая Церковь от государства, начала притеснять приютившуюся на тихой Спасской улице религиозную организацию: закрыла столовую, отняла помещение О-ва и разогнала его членов; библиотеку Братства не хотелось терять, и долго можно было видеть о. Мануила, развозившего драгоценные духовные книги на маленьких саночках по верным людям. Большинство же книг ему пришлось взять к себе.

Церковка во дворе каким-то чудом уцелела (домовые церкви закрывались в первую очередь), и вся энергия бывшего братства сосредоточилась в ней. Это был светлый очажок среди бушевавшей кругом ледяной стужи безбожия для прибегавших к нему верующих. О. Мануил не был красноречив, его проповеди не отличались изысканностью слога, но было в нем что-то, покрывшее ему сердца людей, духовно с ним соприкасавшихся. Его духовные дети чрезвычайно любили его и, разумно пользуясь этой любовью, он роздал чадам своим ценности бывшего братства: кому поручил призреть обеспечивавшихся братством престарелых, кому, как упомянуто, отдал на хранение книги, кому вверил неустанно поступавшие взносы от бывших членов. Была в нем при всей мягкости обращения какая-то властность, так что трудно было его послушаться: одна из членов братства рассказывала, что однажды поспорила с ним и не уступала, пока он наконец не велел ей уйти и больше не приходить. Не придав этому слову большого значения, она в следующий раз, как всегда, отправилась в братство, но, подходя к дверям с несколько неспокойным сердцем, почувствовала, что не может, буквально не в силах войти и подняться по лестнице. Она стояла в отчаянии внизу лестницы до тех пор, пока о. Мануил не стал спускаться за чем-то вниз и, простив ее по ее просьбам, разрешил ей подняться и приступить к обычному делу.

И пока в маленькой прятанной в глубине двора церковке было светло и тихо, над Петроградской церковью разыгралась буря. Убоявшись ли преследований, ища ли в своем честолюбии власти, вышли некоторые представители духовенства из подчинения Свят. Патриарху Тихону и создали свою «обновленную» церковь, пытаясь примирить церковь с отвергнувшей ее светской

безбожной властью. Этой власти польстило, что непримиримые до сих пор представители церкви пошли на компромисс с революцией, протащили эту революцию в церковь, и соввласть взяла под негласное свое покровительство эту «обновленческую» лжецерковь. Указываемых этой последней истинных Христовых пастырей увольняли от должности и утверждали в не приличествующий им священный сан всякие темные личности.

Страх и уныние водворились среди петроградского духовенства. Отделенные от общегосударственного гражданства, «служители культа» знали, что они как бы «вне закона», но увы, только закона защиты, оправдания, а не сурового «революционного» закона обвинения в самых страшных преступлениях. Красноармейцы, шагая в строю по улицам, пели:

«Не надо нам монахов,
Не надо нам попов,
Мы на небо глазеем,
Разгоним всех богов».

А ребяташки в школах зубрили:

«В монастырском одеяньи
Под покровом Бога, ты (т. е. священник)
Пробрался для злодеянья (!)
В душу темной бедноты».

И когда в храм являлись представители обновленчества с внушительными бумажками от Исполкома и предлагали местному духовенству немедленно «переключаться» на новый порядок службы, новое иерархическое подчинение, за несогласие обещали репрессии и приводили недалекие примеры ареста непокорных — многие не могли устоять.

В результате подобных действий в короткое время церкви области и города одна за другой становились обновленческими и к середине 1923 года во всем Петрограде осталось православными не более трех-четырёх храмов.*

Народ был в недоумении, в сомнении, в печали. Не легко было простым прихожанам (а храмы посещались теперь главным образом простонародьем) разобраться в сути дела, не столь важ-

*) По сведениям Журнала Московской Патриархии 113 храмов из 123-х были в руках обновленцев.

ным представлялся, правда, неожиданный переход богослужений на новый «гражданский» стиль, но во всей этой внесенной новизне, в зазвучавших по новому проповедях, более похожих на выступление «советских трибунов», в стриженных головах духовенства и многобрачии священников им почувствовалась подмена истинного апостольского православия.

А весной еще с разрешения церковной власти было проведено государством изъятие из храмов их многолетних ценностей — золотых и серебряных сосудов и риз на нужды «молодой республики», — и было это так грубо, так бесчинно выполнено, что верующие были глубоко оскорблены.

Не забыть этой возмущенной, негодующей толпы, словно раздраженные пчелы над родным ульем, окружившей ломовую телегу перед папертью нашего собора. В распахнутых дверях храма стоял милицейский чин, не допускавший никого внутрь, а оттуда выносили большие и малые — немногочисленные, не было много у нас — пакеты, обернутые в ткани, и валили в телегу. И когда, наконец, ругаясь, что мало нашли, «изыкатели» уехали, народ ринулся в храм, где на полу, на скамьях, на стульях лежали сорванные со стен, вынесенные из алтаря иконы, ограбленные, грубо оцупанные, поруганные... И со слезами, склоняясь к ним ниц, лобызали их люди, словно прося у изображенных на них прощения за допущенное насилие. А престарелый настоятель, принужденный сопровождать по храму «изыкателей», еще весь дрожащий от пережитого унижения, понуря седую голову, молча взирал на своих возмущенных овец.

— Ценности! Пусть бы брали ценности, раз им надо, — Господь-то не обеднеет от этого. А вот зачем так грубо, так гадко?

— Врываются в храмы, как разбойники, царапают, рвут ногтями: не золото-ли? Хватают, роются, нехристи, и шапки-то не сняли! И с папиросами в зубах. И это Патриарх разрешил! — с горечью говорили в притворе, намекая на как-то объявленное обращение Святейшего к православным — не противиться изъятию ценностей.

— Не это Патриарх разрешил, — слышалась несмелая защита, — он предусматривал выборных из верующих, как в Москве, которые бы приготовили ценности к сдаче, а они, видите, не слушают, не доверяют...

— Что Патриарх может? — высказывается кто-то. — Он далеко, не видать ему, что тут у нас творится. Патриарх нас забыл...

И это остается последним словом и повисает над всеми щемящим чувством сиротства, покинутости. Толпа медленно расходится, и быть может многие из составлявших ее намерены никогда больше не приближаться к этому порогу. Да, очень многих оттолкнуло от церкви это гнусное «изъятие», еще больше верующих перестало посещать церковь из-за обновленческой смуты, в которой и не могло, и не хотело разобраться.

А Святейший не забыл ничего, видел и издали своего наши смуты и беспорядки, и страдал с нами, и решительное средство нашел помочь бедствующему кораблю Петроградской церкви.

В сентябре того же 1923 года вызвал он к себе о. Мануила. 38-летний иеромонах был в несколько дней возведен в сан архимандрита, а затем хиротонисан во епископа. 23-го сентября была хиротония, а 29-го новый архиерей появился в Петрограде, вооруженный Патриаршим посланием.

В скромной церкви свв. бессребреников Космы и Дамиана (куда перешел приход Спасского братства из закрытого наконец под пращешную домового храма в д. №27) за Божественной Литургией прозвучало впервые это послание, полное отеческой ласки, сочувствия и увещания, — и оттаяли сердца человеческие.

И начались чудеса. Один за другим храмы стали возвращаться к православию, выходя из обновленческого оцепенения. Это было удивительное время. Владыка называл это недолгое свое архиерейское служение в Петрограде, которое навсегда стоило ему свободы, но к которому он постоянно тянулся воспоминанием, — временем своего «женихства Божьей Матери». Перед его приездом ему явилась (во сне или наяву — не знаю) Царица Небесная с воздетыми, как на иконе Знамения, руками и изрекла: «Дерзай, Мануил!» С тех пор он особенно чтит икону Знамения Божьей Матери, почему-то Абалакское Ее изображение (м. б. потому, что там по бокам изображены некоторые святые, его небесные покровители).*

И он дерзал. На пятом году революции нельзя было действо-

*) Мануил Лемешевский участвовал в деле прославления Абалакской иконы Божьей Матери, еще будучи в Киргизской миссии.

вать так смело, так открыто на пользу Церкви, но именно эта беззаветная смелость, это самозабвение, презрение к опасности и усталости вернуло ему и Святейшему Петроградскую паству. Словно белый орел летал он над омраченным, испуганным городом в его опустелые были храмы со словом ободрения, увещания, призыва — и под вольные крылья этого орла стекался верующий люд несметными толпами в возвращенные к жизни церкви свои. Ободрившиеся, пристыженные невероятной смелостью архипастыря, призывавшего их от лица Святейшего к покаянию и обещавшего им прощение за проявленное малодушие, священники и настоятели церквей со слезами радости склонялись перед Владыкой в покаянии: таким образом их храм освобождался от обновленческой ереси. По словам очевидцев, это было глубоко волнующее зрелище, этот чин покаяния.

Пример одних увлекал других: эта радость вспыхивала то здесь, то там. Верующие с поразительной быстротой узнавали об этом и из одного восторжествовавшего прихода бежали разделить радость другого. Знакомые торопились принести друг другу чудесную весть; на улице при встречах первый вопрос был: «Вы знаете, такой-то храм перешел?» «Перешел», «перешла», — что за заветные слова это были! Эта радость каждого отдельного храма, его торжество становилось общим и единило верующих целого громадного города чудным единением, напоминавшим далекие времена зари христианства. Казалось, буря радости охватила город, словно какое-то пламя зажглось и объяло его. Это был чудесный общий праздник!

В целых семействах в то время не было большей радости, как узнать, где и когда будет архиерейская служба, и в урочный час этот залитый огнями храм был наводнен народом, люди стояли на улице, под окнами, кругом. Святая служба захватывала всех: советские будни с их утомлением были забыты, здесь было светло, легко, радостно молиться. Небо казалось так близко, вечное счастье так живо, так влекуще; длинная 3-4-часовая вечерняя служба выстаивалась легко, без усталости, редко кто уходил до конца, до последнего «Ис полла эти, деспота».

А он стоял над ними, удивительно маленький (он малого роста), словно придавленный тяжелым золотом облачений, с бледным пергаментным лицом аскета, осененный золотым ореолом светлых вьющихся волос; высокий лоб глубоко прорезали складки, словно бы бесконечного утомления, худенькая рука

крепко охватывала золотой архиерейский посох. В нем была замечательная в то время особенность, придававшая ему вид чрезвычайной молитвенной собранности, так что, нельзя было взглянуть на него без благоговения: он держал взгляд постоянно долу во все время службы, во все время предстояния народу; зато если при нужде (во время каждения храма, например) этот взгляд на миг поднимался, из него, казалось, выбивался нестерпимый блеск. И снова гаснул под опущенными большими веками, и неземное строгое лицо было бесстрастно, как на древних, греческого письма иконах. Не раз говорили про него, что он словно с иконы сошел.

Возгласы произносил он по старинному, протяжно, распевно, и несся этот высокий сильный голос через весь храм, отовсюду слышный, словно дальний певучий звон.

Великое торжество было в Петрограде, когда в октябре к православию вернулась Александро-Невская Лавра. Громадный собор не мог вместить нахлынувшей публики: люди чернели на всех колоннах внутри храма, уцепились за стенные канделябры, влезали на решетки. Владыка принимал покаяние лаврского духовенства и праздновал возвращение монашествующих, не согласившихся с обновленчеством и не посещавших своих лаврских храмов. Прямо с утреннего богослужения, дотянувшегося до 4-го часа, Владыка в поданном кем-то из верующих автомобиле помчался в Озерки, где его ждали ко всенощной. Он не отличался здоровьем, служил не раз с повышенной температурой, но терпеливо стоял бесконечные часы после богослужения, неустанно благословляя все подходивших многочисленных чад своих.

Говорил он безыскусственно, отрывистыми фразами, почти везде то же, не успевая, конечно, подготавливать свои проповеди. Это и были как бы не проповеди, а горячий призыв к бдению, к терпению, к верности и стоянию за правду Христову. («Дайте пост уму» — взывал он между прочим, — «бросьте хоть на время увеселения, кинематографы, театры, пока наша мать-церковь так страдает...»). И говорил он все это с тем же бесстрастным лицом, с тем же долу опущенным взором, недвижный, простой, только нервно сжимая руками высокий, украшенный осенними цветами жезл, и в этом была удивительная сила, покоряющая, уводящая более, нежели магнетические взоры и оживленная жестикация обновленцев, бивших на внешний эффект. Кончалась служба, сменялось блестящее облачение монашеской ман-

тией на плечах архипастыря, и он выходил из храма, а народ бежал за ним, охваченный единым порывом, стремлением что-то сделать, чем-то сразу ответить на его призыв, и не зная, чем...

Замечательно относился Владыка к душам, отошедшим из этого мира, замечательно чувствовал усопших. Как он молился за них на парастасах, как заботливо вычитывал бесчисленные синодики и поданные записки. Впоследствии мне случалось видеть, с какой горячностью и заботой он записывал каждое названное ему имя покойника; все карманы его были полны поминальных записочек. Близок был душе его потусторонний мир и населяющие его небесные наши заступники — Святые; близки были и неразрешенные души усопших «мирских человек», жаждущих нашей земной за них молитвы.

Как он молился, как горел на молитве в храме, будь то Божественная литургия с громадным наплывом говеющих, будь то тихий, словно «семейный» акафист Страстям Христовым в среде своих бывших братских, служившийся у них на Спасской в течение 17 лет, что и хотел он возобновить по четвергам; словно Божия свеча, словно огненный столп, светивший новому Израилю в трудном пути к земле Обетованной, — недвижимый, сдержанный, как бы отсутствующий стоял он на своем усталом архиерейском амвоне, вполне уподобляясь тому орлу, чье изображение лежало по чину под его стопами именно для побуждения всякого святителя к этому всецелому устремлению горе. Было ли ведомо ему в это время, какую великую, незримую духовную красоту (иначе не умею выразиться) Церкви являл он в своем Богослужении, или бессознательно творила это в нем Высшая Сила?

Даже сомневающиеся, индифферентные, нецерковные люди, заслушиваясь рассказами православных членов своей семьи, приходили за ними в храм, и, может быть, чисто внешне созерцая за литургией молящегося архипастыря, словно таявшего, как небесное видение, в лучах утреннего солнца, говорили потом: «Стою — и не знаю, где я: на небе, или на земле». Да, это была та самая служба Богу, упоенные которой послы Владимира Святого обратили некогда через него к православию всю землю Русскую.

Православные приносили в Церковь к его службам иконки и крестики для освящения, чтобы они хоть постояли на престоле

за его службой; дети выпрашивали у него за благословением цветы из его архиерейского посоха.

Братство, потерявшее своего духовного вождя, горевало о его возвышении и боялось за него. Слепые, приходившие в ближайший теперь к их убежищу храм Свв. Космы и Дамиана, узнавая его голос, умиленно улыбались друг другу: «Вот он, наш голубчик-батюшка!» Здесь, в этом маленьком храме, он словно отдыхал от своих орлиных полетов по городу, то за акафистом, то за всенощной почти безвестному образу Божьей Матери, то за соборованием близких духовных чад своих. И как хороши были эти тихие, но полные такой духовной силы служения! Точно уступал он эти вечера неутешным своим прежним детям в память мирного прошлого.

Увлекающиеся петроградцы мечтали уже о белом клобуке для своего любимого духовного вождя (он именовался епископом Лужским, а позднее Управляющим Петроградской епархией), как вдруг безбожная власть спохватилась. И то непостижимо, как она могла допустить такой подъем церковной жизни, не замеченный ею (не заметить было невозможно), т. к. в передовой газете промелькнула статья на семи столбцах, посвященная Владыке, где конечно стремились развенчать его в глазах верующих, обливая его гнуснейшей грязью. Не забыто было в неповторимых выражениях описание его внешности, в знак удивления, как перед такой ничтожной с виду, незначительной личностью «кувыркались маститые убежденные седиными протоиереи, видные диаконы» — намек на чин покаяния.

А модный «пролетарский поэт» Демьян Бедный (воистину — бедный) тоже не просто прошелся в своей последней книжечке антирелигиозных стихов с таким стихотворением (описывая, куда охотнее идет советский ребенок).

«Конечно, если в пышном храме
Публично, окружен попами,
Костюм меняет архиерей —
На это «гала-представленья»
Сынок с восторгом, без сомненья,
Пойдет с мамашею своей».

Подглядывал же, значит, подслеживал же кто-то за нами, «недреманный глаз революции!»

Правда, потворствовала Соввласть по-прежнему обновленческому движению, питала и поддерживала его, может быть, надеясь, что оно снова возьмет верх; уполномочивала по-прежнему его представителей к занятию храмов (так были отобраны у нас Спасо-Преображенский собор и ставшая столь дорогой для многих церковь Свв. Космы и Дамиана), но теперь эти представители получили в свое распоряжение опустелое здание: остающееся православное духовенство покидало свой храм и присоединялось к другим приходам, принимавшим их с распростертыми объятиями, а за ними и их словесные овцы, за небольшим исключением «несознательных» старушек и убогоных, привыкших к своим стенам и часто не видевших ничего далее стен.

А вся масса прихожан, еще вчера заливавшая волною родной храм, узнав о его передаче «врагам», клялись в себе сегодня у дверей его не переступать более его порога, не поддерживать этих врагов. Бывали и такие, которые в неразумной ненависти хотели с оружием в руках отстаивать правду свою.

— Пусть только придут! — со сверкающими глазами говорили они, — мы их палками погоним от этих дверей!

— Что вы, что вы, — палками! — урезонивали их. — Разве можно? Или вы не слышали, как Владыка просил не чинить насильникам никаких препятствий.

Они не слышали, но аргумент был убедительный.

— Так-таки и отдать им храм? — уже с сомнением говорили они.

— Конечно, конечно! Потерпеть надо, как и Господь терпел лишения. А будем сопротивляться — Епископа и арестуют.

Это опасение отрезвляет последние горячие головы.

— Епископа, Епископа! — еще ворчит какой-то упорствующий, но возразить ничего не может.

И не надо называть имени этого епископа: один он у нас, наш Ангел молитвы. В Петрограде его звали «Пламенный», в Луге — «наше солнышко».

В конце года появился еще один, преосвященный Венедикт, епископ Ладожский. Это был один из старых иерархов, почтенных лет, но бодро державшийся. Не знаю, откуда был он прислан в помощь Управляющему Петроградской епархией, которая стала уж очень обширной.

В январе принесли покаяние Владыке Мануилу видные дея-

тели обновленчества и «живоцерковников» (напр., еп. Артемий Ильинский), а 3-го февраля — в день иконы Б. М. «Отрада и Утешение» — был Владыка арестован (1924)*.

Арестован!

Каким ледяным холодом охватило душу это жуткое слово. Не хотелось верить, не хотелось слышать. Сердце цеплялось за надежду, что быть может, это ложная тревога, слух: ведь нигде это объявлено не было и передавалось из уст в уста: но вывешенные на дверях храмов объявления о предполагавшихся его служениях были сняты... лица духовенства озабочены и печальны, — сомнения не было.

Это был большой церковный траур. Это было полное ощущение несчастья, общей беды. В храмах ввели в ектению в прощении «недугующих, страждущих, плененных» добавление: «В темницах заключенных»; пелись акафисты Скорбящей Б. М. Тем более, что за этим арестом прошла волна арестов вообще.

Был он взят на своей квартире в Солдатском переулке, как всегда, после рьяного обыска во всех вещах, и с ним его младший брат Андрей, любимец матери. Бедная старушка лишилась разом обоих сыновей.

Владыка был помещен в «Домзак» на Шпалерной улице. Там его «дело» выяснялось в течение всей весны и лета, а в октябре месяце, примерно в годовщину своей яркой кипучей деятельности, он был приговорен к ссылке на три года в Соловецкий концлагерь. С ним высылался его брат Андрей и группа священников. Все они подверглись этому наказанию, конечно, по пресловутой «58» статье, «за контрреволюционную деятельность».

Это была с времен гражданской войны первая массовая ссылка. Страшные дни. Женщины украдкой караулили своих мужей у ворот тюрьмы, когда их поведут. На заднем дворе Николаевского вокзала, куда их привез фургон, собралась толпа народа. Сколько слез, сколько безумного горя! И нельзя приблизиться, чтобы проститься с родными «преступниками». Тогда Владыка поднялся над смятенной толпой и издали благословил ее торжественным архиерейским благословением (обеими руками). Все пали на колени, в октябрьскую грязь...

*) «К концу деятельности Преосвященного в Петрограде большинство обновленческих церквей возвратилось в Православие» — подтверждает некролог *Журнала Московской Патриархии*.

Мать Владыки, Вера Ивановна, заболела в эти дни и слегла, чтобы не встать более. Гроб ее поставили в крошечной церковке Успения на Жуковской улице, куда перебрались бездомные остатки Спасского братства после отнятия храма Свв. Космы и Дамиана. Владыка называл эту церковку «мое подворье», и сюда принесли тело его матери для общенародного пения панихид.

Похороны Веры Ивановны в Александро-Невской Лавре превратились в настоящую демонстрацию. В Духовскую церковь, где было соборное отпевание, пришло столько народу, что едва вместились в храм. Плач по «умершей с горя» выразил обновившуюся скорбь по отсутствующем сыне ее. Ее гроб несли до кладбища открытым, усыпанным цветами; всякий теснился хоть дотронуться до края гроба. Печальное шествие двигалось медленно, под тихое пение; над могилкой, рядом с мужем, оставшиеся дети повесили венок с надписью: «Многострадальной маме».

Потянулись печальные будни в затаявшейся снова церковной жизни большого мятежного города. Но и в буднях этих долго еще мерцал отсвет горевшего год назад яркого света, словно догорал пламень великого зажженного пожара. Какая-то неуловимая тайна билась еще в ней, в этой будничной жизни, какая-то чудная радость словно звучала еще и пела отголоском небесной гармонии тронутая и отзвеневшая струна. Еще некоторое время не могла суета земная заглушить пробужденные в сердцах людских горные стремления — так близки, так живы были еще дни недавнего духовного подъема.

Несколько спустя появились в нашем городе еще архипастыри; кроме еп. Венедикта * их стало еще трое: преосв. Николай, епископ Сестрорецкий, служивший главным образом на Охте, ** еп. Иннокентий из крестового братства Льва и Гурия, отбывший уже ссылку, и еп. Григорий, посвященный недавно в наместники Ал.-Невск. Лавры, «последняя жемчужина» Святейшего, по собственному его выражению, и незаурядные святители это были, и служба божественная свято и истово ими правилась, — но не то это было, не дано им было продолжать в той же силе дело

*) Венедикт Плотников, епископ Кронштадтский, был приговорен к смерти в 1922 г. вместе с митр. Вениамином, но затем помилован. Был епископом Новгородским (1935), Казанским (1936), расстрелян в 1938 г.

***) Николай Ярушевич, впоследствии знаменитый Митрополит Крутицкий.

их предшественника. Неповторимы, вероятно, такие моменты; — Бог весть!

Для монаха, видимо, не так тяжела была эта ссылка, эта жизнь, если не в порядках, то в атмосфере великого бывшего там столько лет сурового монастыря. Впоследствии он рассказывал, что на одном из островов, Анзерском (и как раз на самом страшном, «штрафном») он пережил отрадные часы молитвенного уединения под покровительством местного святого отшельника, препод. Елеазара Анзерского. Владыка потом заказал себе и образ его написать.

Там, в Соловках, Владыка пользовался заслуженным уважением, как со стороны высланных, так и местного населения — немногих уцелевших там и жестоко работавших монахов.

Рассказывали, как одна женщина, жена одного из высланных туда священников, каким-то образом приехала к мужу на свидание. Ехала она в большой досаде на Владыку, считая его прямым виновником ссылки мужа. И проходя к месту работы мужа каким-то двором, вдруг остановилась в пути и не могла двинуться с места. Испуганная, она оглядывалась по сторонам, ища помощи, ища объяснения своему положению. И увидела поодаль стоящую фигуру монаха, пристально на нее смотревшую и быстро ее издали благословлявшую. Это был Владыка Мануил. Она упала ему в ноги и с тех пор всегда глубоко чтит его.

Выслан он был на три года, а мы осмелились ждать его раньше: ждали, что зачтут ему тюремное заключение. Однако, для «служителей культа» этого не существовало: вместо досрочного освобождения срок его все затягивался. Полных три года истекало в октябре 1927 года, а начало 1928 года застало его еще в ссылке. Он писал своему братству (а оно уцелело теперь только как любительский хор в Жуковском храме Успения) с просьбой молиться о смягчении сердца некоего Грачева, в руках которого по человечески была его судьба.

Наконец, весной пробил час освобождения. Он проехал к нам через Москву, повидался там с церковным главой (после смерти Святейшего в 1925 году патриаршее место соблюдалось митр. Петром Крутицким и его преемниками), и город, в котором он так прогремел, за который так пострадал, ждал его теперь трепетно-радостно...

Ждали и с беспокойством. Уже с полгода волновались сердца и умы верующих новым опасным расколом в своих рядах: за

взятием под арест митрополита Петра церковь возглавил митрополит Сергей Нижегородский, именованный заместителем местоблюстителя Патриаршего Престола. И внезапно во всех ленинградских храмах слух верующих был поражен необычайным, чудовищно прозвучавшим воззванием этого маститого иерарха.

Основным предложением его было ввести за богослужением молитву за предрержащую власть. Но это было преподнесено верующим не как молитва о заблуждающихся, погибающих в неверии, о их просвещении и познании истины, а о торжестве и процветании, об успехе этой власти, — невероятно! Об успехе безбожников, разрушителей храмов, убийц духовенства. А звучало это именно так. «Ваши радости — наши радости» — читалось на всех церковных амвонах, откуда когда-то несущийся, сдержанным пламенем рвущийся голос Владыки Мануила призывал к непримиримости с соглашателями, к верности чистоте православия до муки, до смерти.

— Если бы он был здесь, не посмели бы и читать здесь подобные вещи, — возмущались верующие.

— Что же это такое? Ведь это хуже, чем обновленчество! — недоумевали другие. Православные вовсе готовы были бросить в церковь ходить. Ждали авторитетного слова старших, пострадавших уже за правду.

Наших четырех святителей, нашей отрады, уже не было. Налетел опять какой-то шквал арестов духовенства, и они были разсланы, кто куда. Поставлен был митр. Сергием неизвестный ленинградцам почтенных лет иерарх, епископ Димитрий и, как слышно было, ожидался наконец ленинградский митрополит. Прежние «петроградцы» мечтали, чтобы это был Мануил.

Но к тому времени — в Великом посту, — он еще не был освобожден. Громадный Лаврский собор увидел, наконец, в стенах своих первосвятителя северной столицы, Иосифа (Петровых, автора известного сочинения «В объятиях отчих»), но для того только, чтобы тотчас его лишиться: митрополит Иосиф не согласился с действиями своего главы, Сергея Нижегородского, и совершенно отделился от него, увлекая за собою целую плеяду достойного духовенства и с ними, как всегда, множество мирян.

Между тем, спохватившись, устрашась произведенного на верующих людей впечатления, митр. Сергей послал в Ленинградские главные храмы своего «популярного» красноречивого протоиерея Александра (Быкова) (впоследствии еп. Амвросий),

умиротворить взбаламученную паству, разъяснить его мысль, истолковать его волю. И несколько раз можно было слышать с амвона этот убедительный голос миротворца с успокоительной улыбкой докладывавшего верующим, словно бунтующим школьникам, что они не так поняли намерения заместителя местоблюстителя, что он «не уяснил настроение народа» и т. д. Но что же? Значило ли это, что он берет свои слова о «наших и ваших» радостях назад? Моление о власти было, тем не менее, введено в ектению словами Апостольского текста (I Тим. 2,2).

Многие, как сказано, отделились, нашлись отделившиеся целые храмы, и движение это было названо по имени преосвященного Иосифа «иосифлянским» (второй раз в истории церкви русской!). Последнего тотчас арестовали и выслали, но это только поддало жару отколовшимся, придав ему в их глазах ореол мученичества. Меркнул свет патриаршего престола, пошло великое нестроение.

Однако, авторитетные, всеми уважаемые и почитаемые иерархи из высланных ранее за сопротивление обновленчеству, усиленно писали из мест своего поселения верующим: держаться митрополита Сергея Нижегородского, «не раздирать самовольным отделением Тела и без того истрадавшейся церкви». В защиту его мероприятия ставили то, что в древнем Риме первые христиане молились за здоровье Кесаря, хотя он и преследовал христианство, — по завету Христову: молиться за врагов.

А иосифляне возражали — почему это не было введено с начала соввласти, а только теперь, 10 лет спустя, т. е. явно под нажимом этой самой власти?

Не мудрено, что ждали Владыку Мануила, словно хозяина, хоть и недолгого, ленинградской епархии.

И вот, наконец, в субботу Жен-Мироносиц ко всеобщей вошел он в «свое подворье», в Успенский храм. Не знаю, надо ли останавливаться на том, как поразила нас внешняя в нем перемена: в потемневших, когда-то золотистых волосах проглянула частая проседь, лицо покрылось сетью морщин и складка на лбу обозначилась резче; а глаза! в этих бледно-голубых глазах погас, померк былой блеск... В нем ощутилось какое-то беспокойство, словно прежде сдерживаемая нервность прорвалась наружу. Сломился и голос, сохранивший интонацию, но уже не несшийся словно откуда-то издалека над народом, как дальний звон.

И в служении его — как ни тяжело писать это — не было той прежней таинственной силы, выносившей нас, если смею сказать, словно на Фаворские вершины, открывавшей душе такое непередаваемое счастье... Нельзя умолчать, насколько эта перемена огорчила верные сердца ожидавших Владыку невольно в прежней силе и славе. Надо было признать, что то была особо дарованная ему тогда благодать Божия, необходимая в тот решительный момент; но быть хотя и временно таким сосудом благодати — малое ли это дело?

По залившей маленький храм толпе собравшихся, как и прежде, несся взволнованный шепот. Но это не было, как тогда, волнение радости. «Владыка здесь не надолго!» «Уезжает через 10 дней», «Не имеет права проживания в Ленинграде»... Слезы и горе среди недолго порадовавшихся духовных чад.

Но самым неожиданным было то, что он призывал к миру с митр.Сергием, что он не обрушился на него с прежней ревностью, не громил его пламенным словом, а напротив, это убежденное слово направил против иосифлян, против всех, кто «взялся спасать Церковь, вместо того, чтобы спасать свою душу». Он говорил о тех авторитетах, которые, томясь в ссылке, призывали к смиренному послушанию старшему иерарху.

— «Не время, — говорил он, — терзать церковь спорами и раздорами, надо сплотиться воедино в эту тяжелую для нее и для всех нас пору и молиться крепче о мире ее. Да, знаю, что от меня многие ждали другого, что уже раздаются голоса: Великий «столп православия» пал! Нет, я, хотя и никакой не столп, но остался, как никогда верен Православию, верьте мне...»

Он поделился с нами, что, когда прибыл в Москву, митрополит Сергей предлагал ходатайствовать о том, чтобы поставить его, Мануила, митрополитом Ленинградским на покинутое преосвященным Иосифом место. Он отказался от этой чести, умолчав перед нами — почему. И хотя и отвращал он от иосифлян, и умолял нас о повиновении митр. Сергию, но чувствовалось, как тяжело все это легло на него, что вся потрясшая нас перемена в нем не трехлетней Соловецкой каторгой вызвана, а вот этими самыми церковными терзаниями, этим новым страшным испытанием.

И за эти десять дней, хотя храмы снова до отказа наполнялись народом, хотя многие, узнававшие его, бежали следом за увозившей его после службы извозчицей коляской, множество

ленинградцев, разочарованно ропща, отошли от него, былой своей гордости и славы, «и уже не ходили с ним»... Он глубоко и тайно страдал от этого: он необыкновенно привязался к городу, так жестоко его казнившему сначала со стороны внешней власти, а теперь и духовных чад его.

Перед неумолимым отъездом он раскрыл свои двери всем желавшим видеть его и говорить с ним. Помню маленькую ризницу «его подворья», где он стоял в уголку, без конца благословляя маленькими крестиками подходивших к нему через стеклянную дверь, облепленную ожидавшими своей очереди. Сколько тут горьких жалоб, слез, человеческой немощи и верной любви было! И как часто, если подходили одновременно двое, на прощанье благословлял он обоих разом, обеими руками, словно своих иподиаконов.

(продолжение следует)

БИБЛИОГРАФИЯ

«Great Lent» by Alexander Schmemmann, professor of Liturgical Theology. St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. St. Vladimir's Seminary Press, 1969.

Трудно писать о книге от начала до конца прекрасной. Похвальные слова отскакивают от таких книг. Нельзя покрывать хорошую икону излишней для нее ризой. А книга о. Александра Шмемана и есть икона. Она наглядно передает некую невидимую высокую сущность. Трудно писать о такой книге. Лучше бы просто сказать: «читайте, перечитывайте, а если не понимаете по-английски, требуйте немедленного перевода на свой язык». А еще лучше было бы, пожалуй, молча вручать эту книгу, кому только можно.

Но молчать все-таки нельзя. В наш век всяких громкоговорителей надо говорить громко. Голос тишины нынче трудно расслышать. Чтобы услышать тишину, надо прежде всего очень громко попросить прекратить шум, а может быть, и пошуметь при этом самому.

Настоящая статья и является таким приглашением послушать тишину, потому что книга о. Александра и есть тишина, глубь духовной тишины. Впрочем, частично, и она есть громкий призыв опомниться, не шуметь.

О том, в чем заключается внутренняя удача художественного творения писал не раз В. В. Вейдле. Слова его об этом автору настоящей статьи довелось цитировать неоднократно. На этот раз, здесь будут приведены слова Льва Толстого, которого Вейдле цитирует: «Тем и важно хорошее произведение, что основное его содержание во всей полноте может быть выражено только им». Вейдле применяет этот критерий к Солженицыну, чтобы похвалить его. Но этот критерий вполне применим для положительной оценки «The Great Lent». Все в этой книге адекватно выражает сущность ее предмета. А предмет этот — Великий Пост. О нем в книге сказано так, что можно смело утверждать, что мы имеем дело не с книгой о Великом Посте, а с самим Великим Постом. Это он сам вошел в книгу, а через нее входит в нас, в наше сердце и творит там то, что он и призван творить; очищает, просвещает и ведет к полноте Пасхального света.

Углубляясь в книгу, будтоходишь в ароматный сад или, лучше сказать, в храм, где благоухает «Постная весна». Даже тонкие, научно обоснованные богословские построения в этой книге духовно питательны. В ней, как у древних отцов, теоретическое богословие духовно питает и очищает, а аскетические наставления ведут к высокому богословскому умозрению. Чувствуется, что книга глубоко автором пережита, потому что она не просто читается, а переживается.

Редко кому ныне доступна и понятна вполне «Постная Триодь». Для многих теперь книга о ней может показаться интересной только для специалистов... А «The Great Lent» о. Александра — этот настоящий гимн во славу «Постной Триоди», всецело обращен к современному человеку. Он в ней не забыт.

Лучшие богословские книги всегда имели сотерiologicalкую (душе-спасительную) цель; они были вдохновлены любовью и к Богу и к

человеку. Такова и книга о. Александра. Ее цель — найденное автором для самого себя сокровище передать современному человеку, затерянному, затертому в тисках механической цивилизации.

Автор вполне сознает, как трудно это сделать, но он знает, что мир и князь мира сего всегда боролись с Богом, пытались лишить людей источника жизни, стараясь засыпать его песком всяческой суеты.

В первой основной части своего труда автор раскрывает глубокий смысл Великого Поста в его целом, в его богослужбной структуре. Но им рассмотрены внимательно и многие отдельные стороны его предмета. В первых главах — это предваряющие В. Пост недели. В книге особое внимание уделено последовательности и сущности новозаветных чтений субботних и воскресных, а также проникновенно объяснено значение для нашей Церкви самих суббот и воскресных дней, в особенности во время В. Поста. В связи с этим развито учение о двух видах поста, в узком смысле этого слова, как, во-первых, полного воздержания от пищи — это литургический пост, так, во-вторых, — ограничения вкушения — это пост аскетический. Об этом автор писал и раньше.

Рассматривая последование великопостных служб, он с особой любовью останавливает свое внимание на нанизанных на эту золотую нить жемчужинах, как-то: на некоторых стихирах, так же как на молитве св. Ефрема Сирина и на каноне Андрея Критского.

Особое центральное место занимает в книге литургия Преждеосвященных Даров. Здесь о. Александр излагает дорогое для него учение о двояком значении Святого Причащения.

Господь, с одной стороны, никогда от нас не отходит, и Евхаристия является живым свидетельством о Его постоянном присутствии и воскресной Его победе. В этом смысле, Евхаристия есть высшая радость и торжество Церкви; с другой стороны, Господь еще не пришел в Полноте Своей славы, и еще грядет, и нам надо готовиться к этой последней встрече. Причащаясь, верующие могут со всею Церковью всецело пережить как торжество неотступного присутствия Господа, так и включиться в шествие навстречу Грядущему во Славе. Это шествие требует усилий, борьбы, страданий; оно усиленно для нас только потому, что Господь Сам нас подкрепляет через Святое Причащение. Он Сам сопровождает нас, грядущих навстречу второго славного Его пришествия. Великий Пост есть образ такого шествия через пустыню падшего мира. Обетованная страна еще не достигнута, и поэтому в Посту Евхаристия, как некая высшая радость и свершение и как также своего рода движение и порыв — не совершается (субботы и воскресения не суть настоящие постные дни). Но за это Господь, как манной в пустыне, питает шествующих к Пасхальному торжеству и запредельному Царству Преждеосвященными Святыми Дарами. Говоря об этом, автор попутно показывает, почему для православных неприемлем римско-католический обряд торжественного почитания вне литургии Св. Даров (адорация).

В этой первой части своей книги о. Александр Шмеман остается верным своему динамическому толкованию литургии и богослужбной жизни вообще. Она представляется ему целеустремленным шествием, конец которого теряется в эсхатологической дали. Цель верующих это — преимущественно — умение включиться в это шествие.

На пути к дальней цели имеются как бы остановки, на которых верующий встречает самоценную полноту богообщения, зная конечно, что эта полнота есть лишь предвкушение гораздо большего — того, что откроется тогда, когда Бог будет — вся во всем.

Эта полнота это — прежде всего, Святое Причащение, другие таинства и праздники, а среди них Праздников Праздник — Светлое Христово Воскресение.

О. Александр все же, разумеется, знает полноценность этих остановок. Не было бы этого — жизнь христианина уподобилась бы жизни утописта, для которого все, включая и самое время, есть лишь средство для воображаемого им будущего. Но в разбираемом его труде, особенно во второй его части, о. Александр видит больше, чем прежде, еще и нечто другое, что дополняет и углубляет его динамическое понимание литургической жизни Церкви. Это “нечто” есть личная духовная жизнь человека, связанная со всем тем, к чему призывает православная аскетика.

Эта жизнь уже не шествие, а скорее стояние вниманием на узкой, почти эфемерной черте настоящего времени, что отдаляет прошлое от будущего. Это все же и есть то подлинное настоящее, в котором можно встретить Бога и прозревать вечность.

В новой своей книге автор ее показывает то, чего нельзя было всегда усмотреть в прежних его работах, а именно, что литургически-богослужебная жизнь и личная (келейная) друг друга необходимо дополняют.

Вторая часть книги имеет пастырский характер. В ней вся боль и забота автора о бедствующем в отрыве от Бога и Церкви современном человеке. Показав в первой части книги всю спасительную силу Великого Поста, автор понимает, что в современном мире только немногие могут воспользоваться этой силой в ее полноте. Доступные для верующих воскресные службы лишь частично раскрывают дух В. Поста. Прежде, в Православных странах весь быт давал возможность посещать великопостные богослужения и отражал дух Поста. Правда, порой этот быт обращался в некую чисто внешнюю форму, но все же немало людей находили в нем и настоящую духовную опору. Автор вспоминает, как мать его запирала на ключ фортепиано на некоторые недели Поста, и какой глубокий след это оставило в нем самом. Теперь жизнь всецело обмирщена. “Теперь нет надобности выйти вон из дому во вне”, — пишет о. Александр, так как это “во вне” — улица постоянно находится около человека в его доме, под его рукой — радио, телевизия, кипы иллюстрированных журналов поглощают досуг.

“Пребывание в себе самом”, — продолжает автор, — “весь внутренний мир человека, вся глубина, вся красота внутренней жизни постепенно исчезает в современной цивилизации... нет возможности наслаждаться молчанием... и где уж современному человеку понять, что тишина не есть отсутствие чего-то важного, а напротив, — условие наличия истинного содержания, истинного необходимого Присутствия!

Тем не менее автор убежден, что истинная духовная жизнь и та или иная форма Поста возможны и в наше время. Все зависит от того: хочет ли человек всерьез принять Пост, а в конечном счете — Церковь и Бога. Не выдавая своего совета за исчерпывающий рецепт, автор для

примера предлагает современному человеку, прежде всего, постараться посетить хотя бы немногие великопостные службы. Среди них обязательно, пусть даже одну, Преждеосвященную литургию (совершаемую, конечно, вечером), для того чтобы причаститься, воздержавшись полностью от пищи в этот день.

Предлагает автор во время Поста, сколь это можно, не пользоваться радио, телевидением, иллюстрированными журналами. “Но найденная наконец тишина, — пишет он, — должна быть заполнена положительным содержанием”. О. Александр предлагает читать, — читать прежде всего духовные книги, а потом и просто хорошие, которых немало в мировой литературе. Советует он также радикально пересмотреть весь смысл своих отношений с людьми, смысл своей работы и всей внешней деятельности... “Ведь все эти отношения обычно до невероятной степени поверхностны... чаще всего человек думает обо всем с точки зрения материальной выгоды, жизненного успеха, продвижения. Но можно ведь всем отношениям придать человечность, углубить их...” “Тысячи и тысячи людей ныне убеждены, что необходимые перемены могут быть сделаны лишь путем революций. Это долг христианина — показать, что все действительно благие перемены идут изнутри, что они обусловлены верой и жизнью согласной с верой...” “Святой” человек, — под святым здесь разумеется просто серьезно верующий, — вносит в мир больше изменений, чем тысячи отпечатанных программ... Подлинным революционером является только святой”.

Призывает о. А. Шмеман, конечно, и к контролю над своей речью, над своим языком, раскрывая при этом, сколь почти неограниченно велика мощь человеческого слова. Говорит он и о том, что серьезное отношение к посту требует подготовки; надо наметить, обдумать программу своих действий, желательных перемен в образе жизни. Но этого мало; следует еще принять вполне всерьез пост, как пощение. Вопрос этот он рассматривает в связи с грехопадением Адама и Евы и с преодоленным Господом — вторым Адамом — искушением хлебом в пустыне. Об этом автор писал уже в своей книге «Sacraments and Orthodoxy».

Грех Адама в том, что он всецело поверил в пищу как источник жизни, тогда как предметом истинной животворящей веры может быть только Бог. Так верит в хлеб — как единственную основу жизни — большей частью и современный человек. Это и есть грех, приводящий к смерти. Но Новый Адам — Христос восстановил праведное отношение человека к Источнику жизни, сказав, что не хлебом единым жив будет человек, но Словом Божиим, то есть Богом. И вот, пощение делает нас участниками Христовой победы над ложью Сатаны. Постясь, мы показываем, что пища для нас не все. Пост есть обличение космической лжи Сатаны. Недаром Господь сказал также, что Сатана побеждается постом и молитвой. Конечно и молитвой, так как без молитвы и духовного питания пост может быть просто опасным. Постясь, надо испытать в некоторой мере голод. Истинный голод — это алчба Бога; телесный голод ведет к нему. Постящийся из опыта своего знает, что пощение не ослабляет, но делает нас в конце концов сосредоточенными, легкими, радостными. При этом познается, что земная пища есть истинный дар Божий.

Здесь уместно вспомнить, как во время различных голодовок, вызванных революцией и войнами, многие люди остро чувствовали, что когда перепало им что-либо съестное, то это Бог лично кормил их из Своих рук.

Но пост-пощение ведет и к искушению, к борьбе. Нередко появляется раздражительность, обостряются многие и другие дурные чувства. Надо знать, что истинная вера укрепляется именно в искушениях и во внутренней борьбе. В этой борьбе могут встречаться и упадок мужества, и падения, но если не дать места унынию, пост принесет в свое время добрый плод... "Между святостью и цинизмом, — пишет о. Александр, — пролегал область священного терпения". Он пишет еще, что только Бога ради подвиги и пост дают нам возможность реально почувствовать, что тело наше предназначено быть храмом Бога Живого.

В этой части своего труда о. Александр выражает скорбь, что католики упразднили пост, и радость, что наша Церковь не стремится приспособляться к миру, а напротив, ищет путей приспособить современный мир к своим высоким установлениям.

Заканчивая свою книгу и подводя итог всему им сказанному, о. Александр пишет: "...если Пост есть ...новое открытие человеком своей веры, своей жизни и их божественного смысла и священной глубины... Если мы снова все это постигаем, то потому, что мы вновь познаем Самого Бога, — познаем потому, что к Нему возвращаемся, а в Нем — ко всему, чем Он нас наделил.

И это все дает нам силы воспеть в Пасхальную ночь:

"Ныне вся исполнишася света,
Небо и земля и преисподняя.
Да празднует убо вся тварь
восстание Христово — в Нем же утверждаемся.

О Человеколюбец, Господи, не посрами нашего упования!"

Архимандрит Александр
(Семенов Тянь-Шанский)

Karl Rahner. *Est-il possible aujourd'hui de croire?* Mâme, Paris, 1969, 231 p.

"Можно ли верить сегодня?" — под этим заглавием, напоминающим вопрос, поставленный Достоевским в записях к *Бесам*, собраны разные статьи выдающегося немецкого богослова иезуита Карла Ранера. Собственно, этой теме посвящена только первая статья. Обращаясь к христианам по традиции, К. Ранер заявляет, что сам он, восприняв христианство от колыбели, "не нашел никакой причины перестать быть тем, кто он есть". Христианство, и оно одно, освещает тайну человеческого бытия, позволяет преодолеть чувство ничтожности и смертности, с которым мы сталкиваемся на каждом шагу. Все ценности, какие есть, находятся и в христианстве, к тому же христианство им придает безусловность, которой они без него не имели бы. Никакого непреодолимого противоречия между опытом, реальностью и истинным христианством нет.

Догмат вочеловечения, ипостасное соединение Бога и человека, Ранер, желая его оправдать перед разумом, рассматривает в антропо-

логической перспективе: во Христе мы имеем "человека, который осуществил в себе безусловное обещание, данное Богом всякому духовному творению и восприятие этого обещания творением". Придерживаясь восходящего подхода, Ранер называет Христа "Человекобогом", что коробит несколько наш слух и наше мышечувствие, привыкшее к нисходящему подходу, характерному для христологии апостола Павла: "Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил себя..." (Фил. 1,3). Однако, здесь как будто не следует видеть уступку антропологической редукции Бога, свойственной современному западному мышлению, а попытку вернуться к существенному взаимопроникновению человеческого и божественного.

Вторая статья посвящена революции в сознании современного человека, для которого природа перестала быть определяющей реальностью, через которую он воспринимал Бога. Современный человек — хозяин природы, от космоцентризма он перешел к антропоцентризму. Ранер считает, что этой перемене способствовало само христианство, возводящее человека на уровень со-работника Бога. Он признает, что это новое положение человека способствует, поначалу, распространению атеизма. Человек видит в мире "лишь посюсторонние реальности: законы материи и собственный образ". "Богу как будто нет места в мире". Однако, это только поначалу. Если человек овладел природой, он не овладел и не может овладеть собственной судьбой. В созданном им жестоким и холодном мире он сталкивается с собственной ограниченностью, конечностью и смертностью. Это ощущение собственной конечности может привести его к Богу.

В третьей статье, наиболее сложной и богатой, Ранер показывает, чем христианство глубоко отлично от всякой идеологии. Идеология — закрытая система, придающая частичной реальности характер безусловности с более или менее явной целью эту частичную реальность навязать всем и всему. Ранер различает три рода идеологий: имманентные идеологии, которые абсолютизируют частичные секторы здешнего мира, как-то национализм, расизм, материализм и т. д., трансманентные, стремящиеся распространить на всю реальность частичный духовный опыт (квиеизм, милленаризм, и т. д.) и трансцендентные, которые видят безусловность лишь в преодолении всяких конкретных, имманентных или трансманентных опытов. Христианство не идеология (хотя исторически оно часто низводилось до уровня идеологии) потому, что оно признает трансцендентность как основу бытия, осуществляющуюся в истории, в силу чего оно не может останавливаться ни на каких частичных реальностях, будь они имманентны, трансманенты или расплывчато трансцендентны.

Четвертая глава воспроизводит доклад, прочитанный Ранером на встрече в Зальцбурге между католиками и марксистами. Ранеру не трудно показать, что христианство вводит абсолютное будущее в сердцевину человеческой деятельности. Но так как это будущее именно абсолютно, оно не предопределяет земного будущего человечества: христианство не предлагает никакого абриса будущего общества. Оно и активно и благожелательно нейтрально по отношению к планам устройства будущего, за исключением тех планов, которые предвидят абсолютное земное будущее, за которым уже нечего ждать. Такую

претензию христианство отвергает, видя в ней утопическую идеологию... Эти статьи — малая часть всего написанного Ранером, но их достаточно, чтобы поставить Ранера в ряд крупнейших богословов нашего времени.

Н. С.

H. de Lubac. **Athéisme et sens de l'homme**, Foi vivante 67, Edit. du Cerf, 1968, 150 p. (Атеизм и назначение человека).

Небольшая книга известного католического богослова состоит из двух очерков. Первый посвящен атеизму. В нем автор старается показать, что современное подобострастное отношение к атеизму некоторых "левых" христиан необосновано. Фейербаховский атеизм, самый живучий и в наши дни, перевел на человека то, что христиане приписывали Богу, и низвел христианство на чисто временную, служебную роль в подготовке новейшего гуманизма. В каком-то смысле этот атеизм — паразит христианства. В отличие от многих, де Любак не считает, что атеизм питается исключительно извращенными понятиями о Боге, выработанными плохими христианами. Фрейд, например, был безбожником до того как создал психоанализ, и не потому, что отталкивался от ложных понятий о Боге, а в силу господствующей идеологии того времени. Христианство он себе не дал труда ни изучить, ни понять. Любак предупреждает тех, кто умеренно увлекается необходимым диалогом с атеизмом, что только Иной, стоящий выше человека, может "обосновать, преобразить и увековечить человеческое бытие и его ценности". Потеря Бога — несчастье человека. Верующему нечего бояться науки. Считается, что наука изгнала Бога тем, что утвердила объективное знание, изгнала духов из вселенной и дала возможность покорить природу. Но, отвечает Любак, разум не притязает объяснить "все в человеке и тем не исключает метафизику; изгнанию духов из природы способствовало само христианство, наконец, покорение природы без цели в итоге будет, по слову Максима Исповедника, "обессмертием смерти". Больше всего человек нуждается не в справедливости, даже не в любви, а в свете и смысле. По крылатому слову философа Рикера: "христианин является пророком смысла".

Увы, в краткой заметке не передашь всего богатства этого очерка, где тонкие наблюдения самого автора перемежаются с на редкость удачными и подходящими цитатами.

Второй очерк, более краткий, посвящен вопросу Церкви и мира в свете ватиканской конституции *Gaudium et Spes*. Любак считает, что дуализм природы и сверхприроды, царивший в католическом богословии с Фомы Аквината, безнадежно запутал проблему соотношений мира и Бога. Отверженный в теории, этот дуализм больше чем когда-либо силен в практической области. Проблема Бога и мира волновала Тейяр-де-Шардена. Любак приводит цитаты, которые показывают, что Тейяр не смешивал прогресса с наступлением Царства Божия. Но свою статью Любак заканчивает скорее вопросом, чем утверждением и призывает к более глубокой постановке этой коренной проблемы современного богословия.

Н. С.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ Р. С. Х. ДВИЖЕНИЯ

КОНСПЕКТ РЕЧИ О ДВИЖЕНИИ С. Л. ФРАНКА (прибл. в 1928 г.) *)

Русское Студенческое Христианское Движение — 5-и (а может быть и 6) летний юбилей. Растет и развивается — в противовес другим эмигрантским начинаниям (ОРЭСО, Объединение Молодежи!). Движение не выдумка, а органическое образование. Люди мудрые и не могут испортить: — Причины:

1) **Кризис идей.** С революцией наступил духовный переворот. — Крушение кумиров: революции, социализма, политики вообще, культуры и прогресса. Во что верить? Чему служить? Выход — углубление духовное, что есть религиозное самосознание (сосредоточие на основном, центральном).

2) **Личная судьба молодежи.** Сбитость с нормального пути, искоренность. Трудность жизни. Для чего жить? Яркость смерти и бедствий. — Суровость реализма. Главное в жизни! Вопрос жизни и смерти, вопрос смысла жизни. Только два пути — чистый нигилизм или вера, религиозное сознание. Религиозное т. е. конкретно христианское. Не учения, не догматы и предания (при ненадлежащем, внешнем отношении извне связывающие), а то, что было у первохристиан: радость веры, радость спасения, обретение уверенности и бодрости ненарушимой. — Что такое вера? Не слепое доверие, склонность признать недоказанное, не признание теорий о трансцендентном. Вера равна встрече с духовной реальностью, обретение благодати, встреча с Богом. Вера — внутреннее раскрытие человеческой души. Душа замкнутая, одинокая, холодная, застывшая и замерзшая — и душа расцветшая, растаявшая, раскрывшаяся навстречу реальности. Цветок! Все остальное приходит само собой.

Широта определяется глубиной — чем глубже, тем шире.

Две опасности:

1) Расширение без глубины, ложная широта: деловитость, новый позитивизм,

2) ложная глубина — без широты: сектанство (не в узком технически — церковном смысле, а как настроение: мы и наше учение — избранные, остальные — ничтожны и грешны). Гордыня, и отсюда святошество, ханжество, удаль. Обе опасности присущи Движению и проявляются в нем. В Берлине и Германии менее заметны. Спасительность пустыни для души (Берлин — в русском смысле пустыня). Слабость, но и большая естественность русского христианского Движения в Германии.

Трудность (не специально Студенческого Движения, а современного христианского сознания вообще). Дуализм между религиозным и светским. Бог и внешний мир. — Данте и мы. — Множество проблем: религия и наука, искусство, быт, государство и пр. Трудно, но не должно смущать нас: если раз убедился в истинности духовного мира, то задача неотменимо стоит перед нами.

*) Любезно сообщено Редакции Вестника Т. С. Франк.

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ПОСТОЯНСТВО ВЕРЫ

Съезд Русского Студенческого Христианского Движения
24-26 мая 1969 года

Надо воздать должное организаторам, положившим не мало труда на выработку программы, выбор и приглашение докладчиков, на согласование докладов и, что очень существенно, сумевшим вписать в промежуток времени едва превышающий двое суток не только доклады и их обсуждение в группах и на общих собраниях, но и богослужения, составляющие основу каждого съезда, в силу установившейся за сорок с лишним лет традиции.

Не надо забывать, что из семи выступавших на съезде докладчиков четверо прибыли из-за границы: — о. А. Шмеман из Соединенных Штатов, о. Симеон Брушевский и проф. Н. М. Зернов из Англии, Г. А. Рар из Германии.

Несмотря на то, что предыдущий общий съезд состоялся всего за полгода перед этим, в ноябре 1968 года (см. "Вестник", № 89-90), у собравшихся в Бьевре на очередной — 41-й съезд было ощущение, что со времени их последней встречи в стенах гостеприимного дома «La Roche Dieu» протекло гораздо больше времени. За эти полгода эволюция мира продолжалась с все увеличивающейся быстротой в областях политической, экономической, социальной, технической и особенно духовной. Тот кризис, который переживает Католическая Церковь со времени Второго Ватиканского Собора, те глубокие сдвиги, которые наблюдаются в протестантских исповеданиях, находят ли они отклик в Православной Церкви?

Открывая 24-го мая съезд, председатель его Н. А. Струве подвел его содержание под общее заглавие: "Кризис нашего времени и постоянство веры", — тема, развитию которой должны были быть посвящены стоящие в программе доклады. Первый же докладчик — Сергей Ребиндер подошел вплотную к теме съезда своим сообщением, носившим парадоксальное название: "О неверии христиан".

То обстоятельство, что С. Ребиндер получил высшее образование во Франции в двух областях и теперь завершает богословское образование в Свято-Сергиевской Академии, что он принимал участие в недавно состоявшихся съездах католической и протестантской молодежи, давало ему возможность говорить о настроениях и чаяниях университетской молодежи, с которой он встречался. Первая и наиболее поразительная очевидность заключалась в том, что большое число людей, считающих себя верующими, не принадлежат больше к Церкви, и что именем "христианства" прикрываются истины, часто находящиеся во взаимном противоречии. Бесспорно, подавляющее большинство сходилось на том, что они исповедуют Иисуса Христа, Сына Божия, в тех же выражениях, что и апостолы, и что подлинная встреча с Христом создает нового человека, но во всем остальном наблюдалось большое расхождение, которое заострилось в вопросе о том, как христианам

надо жить и действовать. Если одни заявляли, что надо действовать благодаря Церкви и через Церковь, то другие, представлявшие крайние течения, считали Евангелие "контрреволюционным" и высказывались в пользу необходимости его пересмотра и освобождения от всего, что в нем "устарело".

Если в прежнее время мессианизм был вертикальным, от Бога к человеку, подобно вертикальному столбу Креста, то теперь он должен стать горизонтальным, как поперечная перекладина Креста. — Бога больше нет на небе. Если Он существует, то находится среди людей. Его воля направлена к тому, чтобы человек был человеком.

Продолжая свой доклад, С. Ребиндер указал, что вопрос единства христианского мира подымался на всех съездах, участником которых он был. Христианская вера предполагает существование единства христиан, но как его осуществить? Позиции тех, кто возлагал надежду на достижение единства в ходе политического и исторического процессов, противопоставлялась защита существующего положения сторонниками консерватизма, по духу довольно ожесточенного.

Доклад Сергея Ребиндера нашел несомненный отклик в среде слушателей, что подтвердилось во время его обсуждения в группах и на общем собрании одновременно с обсуждением последовавшего за ним доклада о. Георгия Вагнера на тему: "Наше православное призвание и наша неверность по отношению к нему".

Представляя докладчика собранию, Н. А. Струве отметил главные черты его биографии: немец по происхождению, Г. Вагнер принял православие и, обладая законченным высшим образованием, поступил в Свято-Сергиевскую Духовную Академию в Париже. Получил рукоположение в сан священника в 1955 году. По успешном окончании курса, был оставлен при Академии как профессорский стипендиат; в настоящее время преподает в Академии каноническое право.

О. Георгий Вагнер начал с утверждения: хотя Православная Церковь остается как будто незатронутой тем кризисом, через который проходят Католическая Церковь и протестантские исповедания, мы не должны закрывать глаза на наше положение.

Нам надо осознать смысл пребывания вне пределов России большого числа православных, с духовенством и богословскими школами. Случайный ли это факт или провиденциальное явление? Наша Церковь является хранительницей истины; об этой истине надо свидетельствовать нам, православным, но этому свидетельству должно предшествовать наше внутреннее возрождение. В первом Послании к Коринфянам апостол Павел говорит: "Я от Самого Господа принял то, что и вам передал". Это предание остается живым до сего дня. Наше богослужение является живым действием всего народа Божия. Наша всеобъемлющая литургия есть реальность, налагающая печать на всю нашу жизнь. Священник во время литургии возобновляет то, что Иисус Христос совершил в последнюю ночь, будучи вместе с апостолами.

Мы все получили благодать Св. Духа в таинстве миропомазания. Мы любим соборность и часто говорим о ней, но наш церковный народ обречен на полную пассивность. Вспомним, что говорит Иоанн Златоуст: "священник молится за народ и народ молится за священника". — Народ молчит в храме — за него отвечают певчие и псаломщик. Роль

мирян не должна ограничиваться покупкой и расстановкой свечей. Богослужение должно быть понятным для верующих, иначе его содержание проходит мимо их внимания. Воспринимая и произнося слова службы, мы сами приобщаемся Святому Духу. Не наша литургия, а мы сами нуждаемся в перемене и обновлении через спасительное действие таинств и постоянное чтение Священного Писания. Вспомним о прозрениях наших великих поэтов по этому поводу. В заключение своего доклада о. Г. Вагнер приводит слова Иоанна Богослова из Откровения: "Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся".

Закрывая эту часть собрания, Н. А. Струве напоминает, что призыв о. Георгия соответствует тому, к чему постоянно призывает и Движение.

На последовавшем обсуждении докладов был затронут вопрос о том, связан ли прогресс органически с христианством. Ответ был дан положительный. Идея прогресса присуща христианству, в то время как в буддизме идеи прогресса нет; есть движение по кругу, все повторяется. Горячо обсуждался вопрос о языке богослужения и о церковной музыке.

Первый день съезда закончился всеобщим бдением и исповедью многих его участников.

Второй день, воскресенье, начался Божественной литургией, за которой причастилось большинство участников съезда.

Первым докладчиком дня был доктор Оксфордского Университета Н. М. Зернов. Говоря на тему: "Религиозное возрождение России в XX веке", Н. М. Зернов развил основные положения своей книги, вышедшей на английском языке: «The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century». Мы напомним некоторые из этих положений, отсылая особо интересующихся этим вопросом к обстоятельному, богато документированному труду Н. М. Зернова, восполнившему пробел, существовавший на эту тему в русской и мировой литературе.

История русской культуры глубоко трагична. Культурные ценности, накопленные в течение веков, систематически уничтожались в дни национальных катастроф.

Татарское нашествие, борьба Иоанна III с Новгородом и уничтожение последнего с его культурой, борьба Иоанна Грозного с пробудившимся в Москве культурным сознанием, трагическая история протопопа Аввакума, реформы Петра Великого, шедшие вразрез с самобытной русской культурой и т. д., все вело к уничтожению культурных ценностей. В наше время, коммунистическая диктатура с особой силой обрушилась на русскую свободную культуру. Метафизическое зло, корни которого находятся в самом глубинном сознании человечества, противодействуют всем попыткам, которые делаются, чтобы от него освободиться.

Революция предшествовала эпохе христианского пробуждения, связанная с появлением ряда замечательных мыслителей. Бывшие марксисты, вернувшиеся к христианству, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и С. Л. Франк предвидели не только новый мир, созданный воображением русских интеллигентов-утопистов, но и все его опасности.

Русская революция ничуть не была революцией пролетарской. Она была подготовлена интеллигенцией, вернее, небольшой ее частью, которая пыталась пробить брешь в прочной стене царизма, чтобы осуще-

ствить утопическую попытку преобразования мира. Эта революционная группа жила в некоем подполье, не имея представления о внешнем мире, о его красоте и разнообразии. Ею владела только одна идея: разрушить ненавистную Империю и ввести Россию в замечательный, созданный ее воображением мир. Когда пролом в твердыне царизма был сделан и империя рухнула, интеллигенция попала не в рай, а в концентрационный лагерь.

Самое страшное в русском коммунизме это искажение образа человека. Главари коммунизма, видя недостижимость утопических целей, приводят к молчанию всех, кто пытается протестовать. Коммунизм ненавидит настоящего, подлинного человека и не останавливается перед его физическим истреблением. Примером уничтожения замечательного русского человека является смерть о. Павла Флоренского, автора выдающегося богословского труда "Столп и утверждение истины". О. П. Флоренский был убит бревном при разгрузке баржи с лесом в Сибири, куда он был сослан.

В России были и есть люди — сильные личности, которых можно назвать слугами Всевышнего. Булгаков, Франк, Федотов, Бердяев знали Бога, они любили Божий мир, они были вождями русского возрождения. Они не только верили в Бога, но прошли через горнило сомнений и колебаний, пронесли свою веру через все испытания. Зная и цена Запад, они не были шовинистами.

Мы знаем из письма, пришедшего из Советского Союза в редакцию "Вестника", что там сейчас есть люди, способные стать преемниками зачинателей русского возрождения. Это свидетельство вселяет в нас надежду.

Заканчивая свое выступление, докладчик выразил благодарность Н. А. Струве за его деятельность, являющуюся продолжением дела его деда, П. Б. Струве.

Выступивший после Н. М. Зернова Глеб Александрович Рар, один из лучших специалистов по жизни Церкви (и христиан вообще) в СССР, говорил на тему: "Христиане в СССР сегодня и завтра". Слушателям был представлен настоящий мартиролог Церкви и верующих, список жертв религиозных гонений, разрушенных храмов и монастырей, закрытых духовных школ. В этом списке значатся и живые люди, продолжающие бороться за право верить и молиться, за право воспитывать своих детей в религиозном духе. Особо тяжкими являются случаи прямого воздействия властей на детей, приводящие к их отрыву от семейной среды, где они воспитывались верующими родителями. Трагично положение духовных школ, поступление в которые сделано почти невозможным для наиболее одаренных духовно кандидатов. Докладчик напомнил, что лишение верующих пасхальной радости изображено А. И. Солженицыным в его рассказе "Крестный ход".

Наблюдаются все же и отрадные явления, как, например, выступления коммунистов-идеалистов, свидетельствующие о неистребимости божественного начала в душе человека... Даже в советской общественности есть силы, тянущиеся к нравственному идеалу.

В наших несравненно легких условиях жизни и при полной свободе совести, каждый участник Движения должен бы был найти свое место

в апологетической работе. Таким пожеланием закончил свое сообщение Г. А. Рар.

Во время последовавшего обсуждения двух последних докладов, отвечая на поставленный ему вопрос, Н. М. Зернов привел мнение, разделяемое очень многими "западными" людьми, о коммунизме в С.С.С.Р.: "по идее коммунизм хорош, но он провалился в С.С.С.Р., потому что его проводили русские". Подобное мнение позволяет понять, почему "западные" люди так упорно закрывают глаза на все происходящее в России, считая, что русский опыт совершенно не применим в западных условиях; иначе говоря, коммунизм, примененный на Западе в государственном масштабе, был бы совершенно иным, чем в С.С.С.Р. (!)

Последний в этот воскресный день доклад был сделан о. Александром Шмеман, деканом Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке, на тему "Причины кризиса современного христианства". Этот доклад, задуманный как центральная тема всего съезда, по своему содержанию и по значительности вызванных им высказываний участников собрания, — не может вписаться в рамки краткого отчета. Ему будет посвящена особая статья в одном из ближайших номеров "Вестника".

Третий день, понедельник, начался Божественной Литургией, отслуженной на французском языке, так как среди участников съезда было не мало людей, для которых церковно-славянский язык был недоступен. Число причастившихся было значительно, как и накануне.

Утренний доклад, на французском языке, сделал о. Илья Мелиа, настоятель православной грузинской церкви св. Нины в Париже и преподаватель пастырского богословия в Свято-Сергиевской Академии, на тему: "Библия в настоящее время".

В течение долгого времени Библия была доступна широкой массе христиан только в сокращенном виде. В XIX веке много великих мыслителей извлекли из Библии нравственное учение и отбрасывали все остальное. К их числу принадлежал и Лев Толстой. Такое отношение к книгам Священного Писания указывает на недостаток смирения. Слово Божие обращено к людям, созданным для свободы; свобода же есть призвание, включающее ответственность. Человек приглашен Богом к участию в диалоге, участниками которого являются Бог, пророк и народ Божий. Все, читающие Библию, участвуют в этом диалоге.

В наше время ставится вопрос о переводе Библии на современный язык. Для человека нашего времени язык старых переводов Библии подозрителен в отношении недостаточной его объективности. Язык Библии должен быть освобожден от "мифов". Один из исследователей Библии, лютеранский пастор Бультман, изучает литературный стиль и "историчность" языка Библии, очень отличающиеся от наших. Однако, предпосылки Бультмана для нас неприемлемы: он отрицает чудеса, считая, что современный человек не может их принять. Если следовать за Бультманом, нет ни зачатия Святой Девой, нет воскресения. А ведь это основа нашей веры!

При переводе Библии на современный язык возможны два метода: — толковать текст в буквальном смысле, связывать его с событиями; — толковать текст аллегорически.

Последний метод, принятый в свое время Александрийской Школой, теперь попросту отброшен (например, аллегория чисел). Первый метод характерен для Антиохийской Школы, но авторитетность ее работ была подорвана ересью. Переводы, снабженные толкованиями на основании данных науки, делались и продолжают делаться как с католической, так и с протестантской стороны.

В России, духовное возрождение начала XX века вызвало к жизни сеть библейских кружков, преимущественно в студенческой среде. Из этих библейских кружков выросло Русское Студенческое Христианское Движение, деятели которого получили от святейшего Патриарха Тихона, вскоре после его избрания, благословение на распространение библейских знаний в русском народе ("благовестники"). Библейские кружки нашего времени малочисленны, но этого не нужно бояться. Лучше располагать большой сетью небольших по составу кружков, чем немногими, но многолюдными объединениями.

Общее собрание, последовавшее за обсуждением в группах, было отмечено многочисленными выступлениями, показавшими, с какими трудностями приходится встречаться тем, кто берется за вдумчивое изучение Библии, в особенности книг Ветхого Завета.

Перед дневным, последним докладом съезд посетил высокопреосвященный Архиепископ Георгий, прибывший в сопровождении епископа Мефодия. После приветственного слова, обращенного к присутствующим, Владыка напомнил о той тяжелой утрате, которую понесло Движение в декабре прошлого года в лице о. Петра Струве. Эту потерю Владыка продолжает ощущать и теперь, вспоминая своего близкого сотрудника, выдающегося пастыря своего церковного удела и духовного водителя церковной общины, состоящей из православных французского языка и культуры. Теплые слова Владыки, посвященные о. Петру, прозвучали в унисон с теми, которые пришлось слышать от участников съезда, не видевших больше о. Петра на привычном месте около председательского стола, и болезненно ощущавших его отсутствие.

Достоинным завершением съезда явился доклад о. Симеона Брушвейлер "О молитве". О. Симеон, православный швейцарец, иеромонах, блестяще прошел курс Свято-Сергиевской Академии и, два года тому назад, по сдаче экзаменов, переехал на постоянное жительство в Англию, вступив в монашескую обитель, объединяющую группу иноков. Этот небольшой монастырь, возглавляемый о. Софронием, подчинен канонически Вселенскому Патриарху.

Пишущему этот краткий отчет не представляется возможным изложить в нескольких строках, ему отведенных, содержание этого доклада, как нельзя более соответствовавшего внутренней потребности очень многих участников съезда. Мы приведем первые слова доклада: "Есть только один путь к обновлению Церкви — это наше внутреннее обновление". О. Симеон дал указания для достижения этого обновления, определив понятие духовной жизни, и, основываясь на опыте Отцов Церкви, предостерег от тех трудностей, с которыми приходится неизбежно встречаться всем, ставшим на путь духовного делания.

Благодарственный молебен, заключивший съезд, вылился в молитву благодарности за все то, что нам было дано получить и пережить за эти немногие, но насыщенные содержанием дни.

ВЫСОКАЯ И ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Статья В. В. Вейдле "Отчего я не поеду в Уругвай" коротка, в ней всего три с половиной журнальных странички. Но она так плотно написана, такая напряженная работа мысли и биение сердца в ней чувствуется, что небольшая эта статья живет, запоминается, продолжает волновать читателя долго после того, как он отложил прочитанный журнал и занялся другими делами.

При чтении этой статьи, горестной и гневной, читателя, тем не менее, охватывает чувство радости: как хорошо, что вот такие странички, этот журнал, где они напечатаны, доходят до России! О том, что "Вестник Р.С.Х.Д." читается в России, свидетельствует письмо, не так давно полученное редакцией отсюда. Этим письмом и открывается № 89-90 "Вестника".

"Последнее время, — пишут читатели журнала из России в Париж, — нам удастся через Ваш Вестник, доходящий до нас самыми различными путями, более или менее регулярно следить за Вашей жизнью и работой. Огромным источником вдохновения и надежды делается для нас сам факт Вашего существования, тот факт, что свободная русская мысль и религиозное слово, задушенные у себя на родине, не умерли в изгнании и, благодаря Вам, свидетельствуют о себе перед всем миром и перед Россией, свидетельствуют о жизненности и будущности русской культуры и Православия".

Да, русская мысль и религиозное слово подвергаются удушению. В этом же номере "Вестника" напечатаны четыре документа, полученные из России, которые показывают, как власть проводит свою — в данном случае, порожденную ненавистью, а не уругвайским "благополучно-аптекарем безверием" — политику. Первый документ — письмо иеромонахов Почаевской Лавры Вселенскому патриарху Афинагору; второй — письмо жителя г. Кирова Б. В. Талантова генеральному прокурору СССР; третий — материалы, касающиеся "дела Никодима Каменских", исключенного из Одесской духовной семинарии; наконец, четвертый — письмо священника С. Желудкова — "Письмо к П. А. Литвинову".

В документах приводится множество фактов гонений и преследований христиан в России. Но документы эти примечательны не только обличениями, — внимательный читатель поймет по ним, чем живет сейчас Россия, к чему она стремится, в каком направлении идут там духовные и интеллектуальные поиски.

Духовные и интеллектуальные интересы России нашего времени особенно четко выражены в письме читателей "Вестника Р.С.Х.Д.", — письмо это, на мой взгляд, может служить программой для всей русской зарубежной печати, руководством для всех нас, в ней работающих.

"Что бы нам хотелось чаще встречать в Вестнике Р. С. Х. Д.? Это прежде всего статьи по религиозной философии, богословию, историософии, истории культуры и церкви, статьи высокого уровня, но не узко специального, а общетеоретического характера, способные привлечь широкие круги образованных читателей.

Высокая и трудная задача!

Группа людей в Париже, первыми тружениками в которой являются Иван Васильевич Морозов и Никита Алексеевич Струве, по мере сил выполняет эту задачу, выпуская прекрасный журнал — "Вестник Р.С.Х.Д.". В № 89-90, кроме отмеченных выше материалов, напечатаны также рассказ А. Солженицына — "Правая кисть" и два рассказа В. Шаламова, статья П. Е. Ковалевского о патриархе Тихоне и другие статьи.

Мих. Коряков.

СОДЕРЖАНИЕ ДВУХ ПОСЛЕДНИХ НОМЕРОВ "ВЕСТНИКА" Р.С.Х.Д.**Вестник № 89-90 — III-IV-1968**

Открытое письмо в Редакцию Вестника Р. С. Х. Д.
 Ответ Вице-Председателя Р.С.Х.Д., прот. А. Шемана
 Отчего я не поеду в Уругвай? — В. Вейдле
 Святейший Патриарх Тихон — П. Е. Ковалевский
 Послание Св. Патриарха Тихона 20-1-1918 г.
 Послание Св. Патриарха Тихона к Совету Народных Комиссаров
 25-10-1918 г.
 Вера пророков — прот. А. Князев
 Памяти прот. Петра Струве
 — Надгробное слово Архиепископа Георгия
 — К кончине о. Петра Струве — прот. А. Князев
 — Памяти о. Петра Струве — прот. Илия Мелия

Голоса из России:

Прошение от иеромонахов Почаевской Лавры Сергия (Соломки), Апел-
 лия (Станкевич) Вселенскому Патриарху Афинагору.
 Жалоба Генеральному Прокурору СССР от Б. В. Талантова
 История о том, как был исключен из числа слушателей Одесской
 Духовной Семинарии Никодим Николаевич Каменских
 Письмо свящ. Сергия Желудкова П. Литвинову.

Литература

Правая кисть — А. Солженицын
 Две встречи, Чужой хлеб — В. Т. Шаламов

Библиография

Два слова о "Раковом Корпусе" А. Солженицына — В. Вейдле
 Ответственность писателя и безответственность "Литературной
 Газеты" — Лидия Чуковская
 "Раковый Корпус" — А. И. Солженицын — В. И.
 "Духовные зернышки" — Митрополит Владимир — Архим. Семенов
 Тянь-Шанский

Хроника

Летний лагерь Р. С. Х. Д. (1968) — Т. З.
 Бьеврская пустынь (Съезд Р. С. Х. Д. — ноябрь 1968 г.) — А. В. М.

Вестник № 91-92 — I-II-1969.

Послание Большого Собора Епископов Русской Православной Греко-
 Католической Церкви Америки к Американской пастве
 Брак и Евхаристия — прот. И. Мейендорф

О цели жизни — прот. А. Шмеман
Как Бог писал Библию, когда Он ее писал, окончил ли Он ее писать? — прот. Г. Сериков.

Христианство на Западе

Десятая Ламбетская конференция англиканских епископов (1968 г.) — архим. А. Семенов Тянь-Шанский

Судьбы России

О Солженицыне — В. Вейдле

К вопросу о религиозно-мистических течениях в духовной жизни современного советского общества

“Контестация” — Ив. Петров

“Камни вопиют” — П. Ковалевский

Литература

Пасхальный крестный ход — А. Солженицын

К 20-летию со дня смерти писателя Ж. Бернано

Голоса из России

М. А. Шолохов попадает в опалу?

Стихи Александры Надеждиной

Преследование старообрядцев в СССР

Материалы по истории Русской Церкви

Митрополит Антоний Храповицкий — архим. Киприан Керн

Библиография

Безымянная страна — В. Вейдле — П. К.

От марксизма к идеализму — С. Н. Булгаков — Р. С.

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции	
Здесь и там — Н. Струве	1
Преображение Господне — Архим. А. Семенов Тянь-Шанский	5
Брак и Евхаристия — прот. И. Мейендорф	8
О церковном делании — Отклик на открытое письмо свящ. С. Желудкова — Свящ. Х	16
Наше православное призвание и наша неверность ему — прот. Г. Вагнер	26
Как Бог писал Библию, когда Он ее писал, окончил ли Он ее писать? — прот. Г. Сериков	33
Св. блаженная княгиня Ольга — М. Форгуато	43
К 25-летию смерти о. Сергия Булгакова — прот. Г. Сериков	46
Вхождение во храм со Пресвятой Богородицей — неизданная повесть прот. С. Булгакова (1943)	51
Только свидетельство — Памяти о. Григория Круга — архим. Вендт	55
ХРИСТИАНСТВО НА ЗАПАДЕ	
“Портрет Папы” — (Из статьи Ганса Кюнга) —	60
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
К 80-летию АННЫ АХМАТОВОЙ	
Неизданное стихотворение Анны Ахматовой	65
Неизданная страница из воспоминаний А. А. Ахматовой об О. Э. Мандельштаме	66
Детство бутафорского ребенка — рукопись неизвестного автора	68
СУДЬБЫ РОССИИ	
Русское религиозное возрождение двадцатого века — проф. Н. Зернов	81
ГОЛОСА ИЗ РОССИИ	
От брожения умов — к умственному движению — А. Антипов	89
Письмо о. Сергия Желудкова профессору И. Громадка	92
Свет в оконце — А. Краснов-Левитин	97
Письмо трудящихся гор. Горького к Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей Юджину Блейку	107
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ	
Преосвященный Мануил Лемешевский — неизвестного автора	112
БИБЛИОГРАФИЯ	
ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО Р.С.Х. ДВИЖЕНИЯ	
«Great Lent» by A. Schmemmann — Архим. А. Семенов Тянь-Шанский	130
Karl Rahner. Est-il possible aujourd'hui de croire? — Н. Струве	134
H. de Lubac. Athéisme et sens de l'homme — Н. Струве	136
Конспект речи о Движении С. Л. Франка (прибл. в 1928 г.)	137
Кризис нашего времени и постоянство веры (Съезд Р.С.Х.Д. в мае 1969 г.) — А. В. М.	138
Рецензия о Вестнике № 89-90 — Мих. Коряков	144
Содержание Вестника (№№ 89-90 и 91-92)	145

СОДЕРЖАНИЕ
SOMMAIRE

	Pages
Editorial — Nikita Struve	1
La Transfiguration du Seigneur — Archim. A. Semenov	5
Mariage et Eucharistie — Jean Meyendorff	5
La vocation de l'Eglise (auteur anonyme - U.R.S.S.)	16
Sommes-nous fidèles à notre vocation d'orthodoxes ? P. G. Wagner.	26
Réflexions sur la Bible — P.G. Sérikov	33
Sainte Olga — M. Fortunato	43
Pour le 25 ^e anniversaire de la mort du Père Serge Boulgakov — P.G. Sérikov	46
L'introduction au Temple de la Vierge — Un sermon inédit du P. Serge Boulgakov	51
Un témoignage à la mémoire du Frère Grégoire Krong — Archim. E. Vendt	55
CHRISTIANISME ET MONDE OCCIDENTAL	
Un portrait du Pape — Extraits de l'article de Hans Küng	60
LITTERATURE ET VIE	
Pages inédites d'Anna Akhmatova	65
« Les Mots » de J.-P. Sartre — (auteur anonyme - U.R.S.S.)	68
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
La renaissance religieuse russe du XX ^e siècle — N. Zernov	81
A L'ECOUTE DE LA RUSSIE SOVIETIQUE	
Vers un mouvement d'idées — A. Antipov	89
Lettre ouverte du Père Serge Jeloudkov au professeur Hromadka.	92
Lumière dans la lucarne — A. Krasnov-Levitine	97
Lettre des travailleurs de Gorki à E. Blake	107
DOCUMENTS SUR L'HISTOIRE DE L'EGLISE RUSSE	
Un confesseur de la foi — Mgr Manuel Lemechevski	112
Bibliographie par A. Semenov et N. Struve	
A. Schmemmann. « Great Lent »	130
Karl Rahner. Est-il possible aujourd'hui de croire	134
H. de Lubac. Athéisme et sens de l'homme	136
LA VIE DE L'A.C.E.R.	
Projet d'un discours sur l'A.C.E.R. de Simon Franck	137
Congrès de l'A.C.E.R. (Bièvres, France), mai 1969	138

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения
XXXIII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить либо на почтовый счет А.С.Е.Р. Paris. С.С.Р. 2441-04; либо банковским чеком на имя А.С.Е.Р.
Подписная плата на 1969 год: 20 фр., с целью поддержки — 30 фр.
- В Америке:** Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.
San Francisco: Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A.
В Америке подписная плата на 1969 год: 4 доллара с целью поддержки — 5 долларов.
- В Англии:** Подписная плата на 1969 год: 2 англ. фунта
- В Бельгии:** Mr. Pierre Rosniansky, 19, rue du Cornet, Bruxelles 4, Belgique.
Подписная плата на 1969 год: 200 бельг. фр., с целью поддержки — 250 бельг. фр.
- В Германии:** Frau Valentine von Gerlée 2101 Sottorf über/Hamburg. Harburg. W. Deutschland.
Подписная плата на 1969 год: 15 гер. м., с целью поддержки — 20 гер. м.
- В Канаде:** Miss E. Troubetzkoy, 4500 de Maisonneuve Blvd. Apt. 23, Montreal 6 P. Que. Canada.
Подписная плата на 1969 год: 4 долл., с целью поддержки — 5 долларов.
- В Швеции:** Prost S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19, Suède.
Подписная плата на 1969 год: 20 швед. крон, с целью поддержки — 30 швед. крон.

Tous droits de traduction réservés.